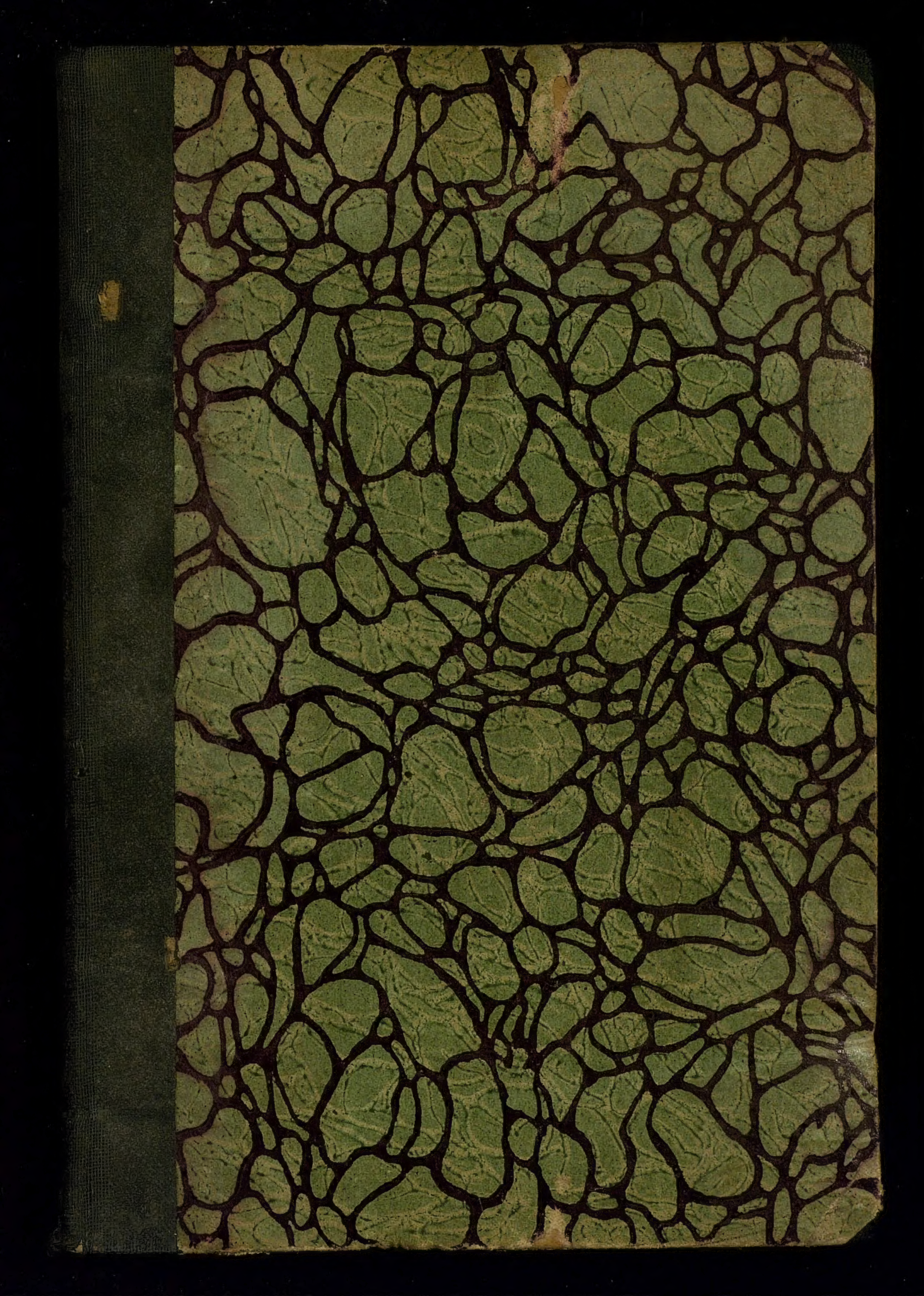
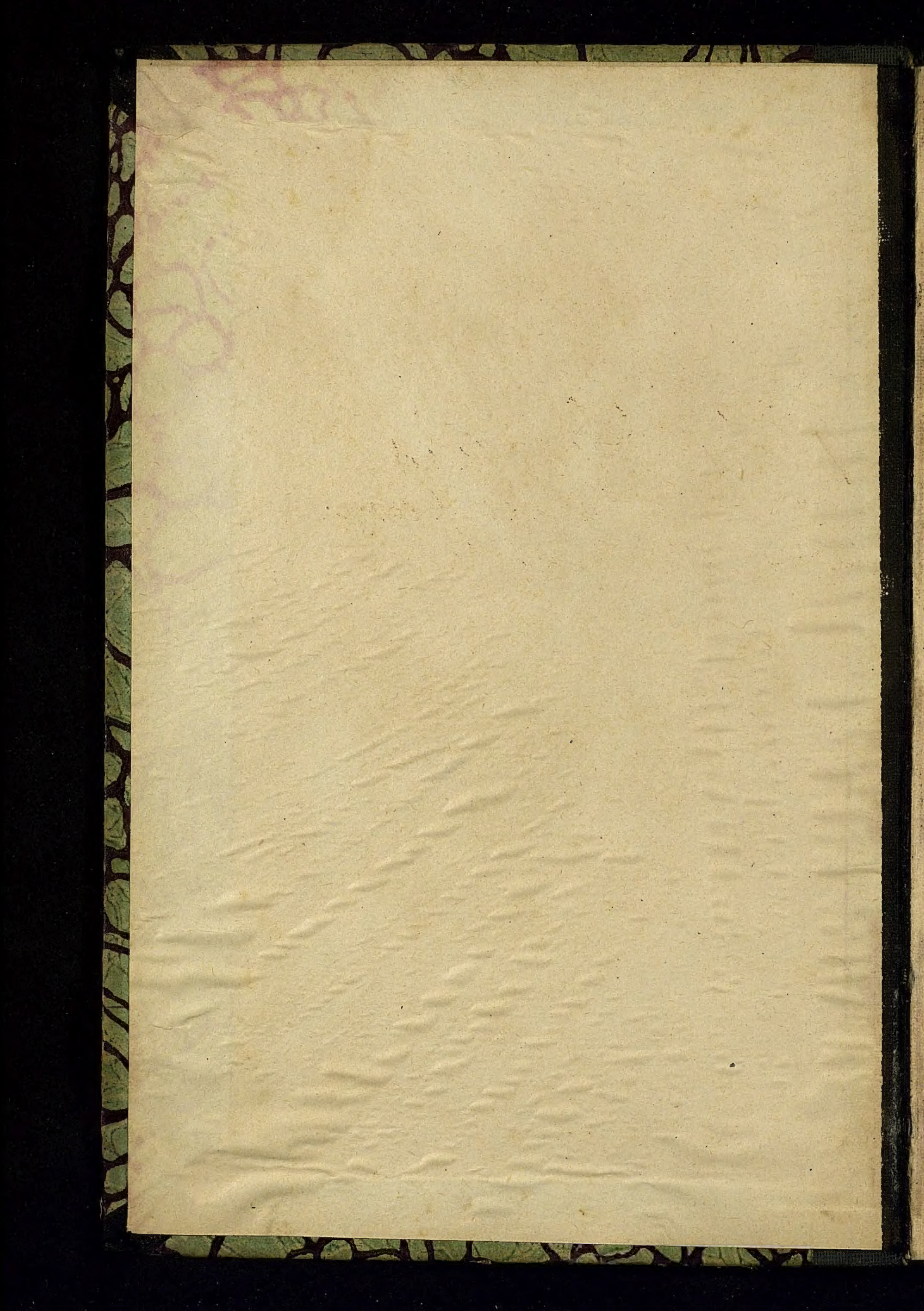
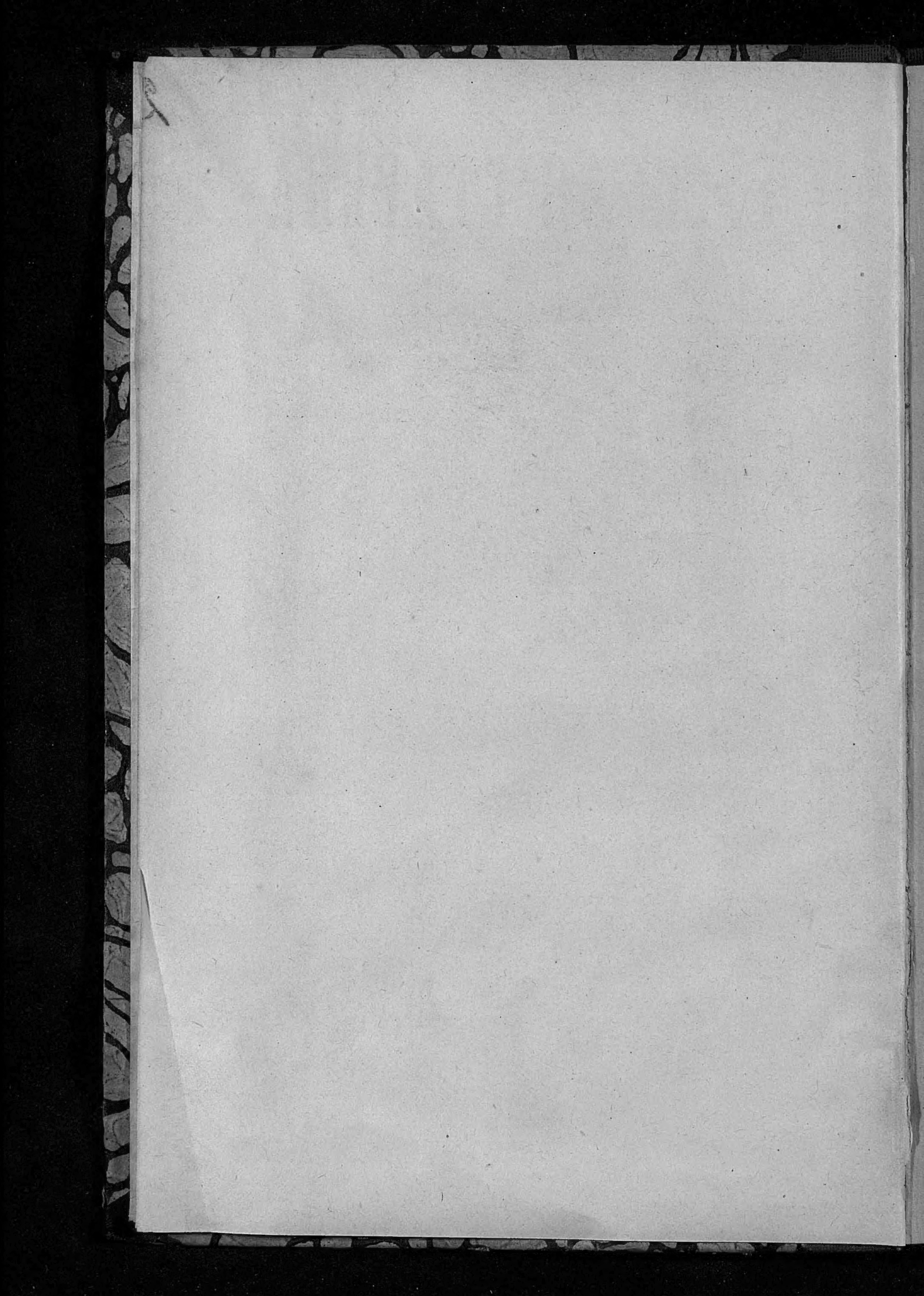

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLVII-й. ФЕВРАЛЬ. 1916 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Петръ Великій, Императоръ Россіи, въ Голландіи и въ Заандамѣ въ 1697 и 1717 гг. А. С. Лацинскаго . . . 193—223

II. Религіозно-философскія письма Н. И. Пирогова. С. Штрайха . . . . 224—247

III. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г. Е. А. Рагозиной. 248—256

IV. Изъ дальнихъ лѣтъ. Сообщилъ А. П. Неѣловъ. . . . 257—270

V. Изъ записокъ короля Станислава Августа Понятовскаго. В. Т. 371—285

VI. Мои воспоминанія и размышленія. А. Георгіевскаго . 288—293

VII. Спеціальная цензура книгъ и статей по крестьянскому вопросу въ 1861—1862 гг. Алексѣй Попельницкій . . . . . 294—309

VIII. Дневникъ Патрика Гордона. П. М. Майкова. . . . . . . 310—319

IX. Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. П. В. . 320—362

X. Преслѣдованіе проститутокъ въ царствованіе Императора Павла I-го. Сообщилъ Н. И. Соловьевъ . . . . 363—364

XI. Записки Н. А. фонъ-Розенбаха. . . . . 365—374

XII. Библіограф. листокъ на обложкѣ.

Приложеніе: Портретъ Верховнаго Главнокомандующаго дѣйствующихъ арміи и флота, Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича, Августѣйшаго Кавалера ордена св. Георгія 4-й степени.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1916 года.

Библіографическій листокъ.

Сочиненія К. С. Аксакова. Томъ I. Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. Изд. Огни. 1915. Ц. 3 р.

Послѣ смерти К. С. Аксакова братомъ его И. С. было предпринято печатаніе полнаго собранія сочиненій, но изданіе это осталось незаконченнымъ. Вышло 3 тома (1861, 1875 и 1880 гг.), куда вошли произведенія историческія и филологическія, остались неизданными художественныя произведенія и статьи публицистическія и критическія, а также письма. Въ настоящее время племянница автора, О. Г. Аксакова, взяла на себя обязанность закончить намѣченное болѣе 50 лѣтъ тому назадъ изданіе, обнародовавъ по подлиннымъ рукописямъ все не вошедшее въ составъ изданныхъ прежде трехъ томовъ. Многія произведенія появляются въ разсматриваемомъ изданіи впервые, иныя представлены въ болѣе полной редакціи. Очеркъ жизни предположенъ при слѣдующемъ томѣ. Съ новымъ изданіемъ интересъ къ изученію дѣятельности выдающагося нашего писателя-проповѣдника несомнѣнно повысится, и слѣдуетъ ожидать, что одушевленныя поэтическія страницы, помѣщенныя въ вышедшемъ томѣ, найдутъ новаго читателя, отзывчиваго и вдумчиваго, которому недостатки формы не помѣшаютъ выйти изъ круга неправильныхъ толковъ и ложныхъ взглядовъ на ученіе славянофиловъ. Внѣшность книги отличная, приложенъ хорошій, доселѣ неизданный, портретъ.

Н. Первухинъ. Церковь Ильи Пророка въ Ярославлѣ. Издательство К. Ф. Некрасова. М. 1915. Въ малый листъ.

Два съ половиною вѣка назадъ богатѣйшіе Ярославскіе купцы Нифантей и Аникей Скрипины, торговавшіе драгоцѣнностями, и жена Нифантея Улита своими щедротами и заботами воздвигли въ родномъ городѣ храмъ во имя Св. Пророка Иліи,—храмъ, которымъ вѣчно будетъ гордиться Россія. О немъ писали не разъ и не два люди, которымъ дорого русское искусство, но подробное описаніе его и изслѣдованіе его художественныхъ сокровищъ появляется впервые. Оно принадлежитъ Н. Первухину, уже описавшему такимъ же образомъ другую знаменитую ярославскую церковь—Іоанна Предтечи, и прекрасно издано К. Ф. Некрасовымъ съ доброй сотней фототипическихъ снимковъ.

Скрипины не жалѣли денегъ на доброе и святое дѣло, но деньгамъ знали счетъ и вели его исправно. Они оставили намъ поучительную книгу, церковнаго строенія, что строили Ярославцы, посадскіе „люди Скрипина", въ длинномъ и сухомъ перечнѣ именъ, предметовъ и цифръ отразился ихъ религіозный и эстетическій энтузіазмъ.

„Ими создана „святая церковь каменнымъ зданіемъ" и покрыта своими чудными росписями. Они же украшаютъ церковь съ ея придѣлами несчетнымъ множествомъ великихъ и малыхъ иконъ. Цвѣтные шелка, рѣдкіе камни, кружева золотыя, одѣяла престотъ, налой и жертвенники; иконостасъ расцвѣченъ внизу травчатымъ атласомъ да „лазоревымъ шелкомъ съ окладкою". Въ ризницѣ красуются водосвятная огромная чаша, тяжелыя блюда массивнаго серебра съ узорной вязью объ ихъ, Скрипиныхъ, подаяніе, дорогія ризы съ оплечьями да опушками „кизильбашскаго атласцу", „тафты двоеличной" или бархата, золотомъ шитаго. Но вѣнецъ роскоши—украса иконная. Словно въ сказкахъ Востока, передъ мысленнымъ взоромъ читающаго опись „Божьяго милосердія" въ Скрипинской книгѣ сверкаютъ и переливаются законы алмазныя, изумруды большіе и малые, яхонтъ червчатъ да яхонтъ лазоревъ, бирюза „виниси и лалики".

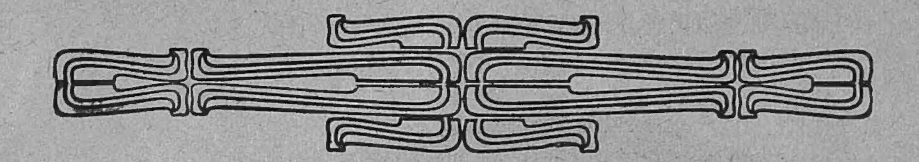
Но ярче всѣхъ бриллiантовъ и изумрудовъ горитъ религіозное воодушевленіе храмоздателей, и художественный ихъ вкусъ еще рѣже ихъ рѣдкаго богатства.

Они были, впрочемъ, не одни въ своемъ Ярославлѣ, да вся эпоха была вдохновенная. Въ XVII столѣтій въ Ярославлѣ возникло около сорока каменныхъ храмовъ, одинъ другого краше. „Какое то упоеніе зодчествомъ охватило горожанъ въ этотъ золотой вѣкъ жизни Ярославля. Словно въ Италіи цвѣтущей порой Возрожденія, именитые граждане, богатые купцы, приходскія общины, родовитые князья, даже смущенные схимонахи истощаютъ свои средства, дабы украсить родной городъ новой каменной хвалой Вседержителю „въ воспоминаніе вѣчныхъ благъ и въ вѣчный поминокъ рода своего"... Въ слободахъ стучатъ молоты на кузняхъ, и мастера кузнечнаго дѣла то куютъ затѣйливые кресты, то покрываютъ художественной насѣчкой скобки, замки и личины, чтобы и двер-

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ
ДѢЙСТВУЮЩИХЪ АРМІИ И ФЛОТА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
АВГУСТѢЙШІЙ
Кавалеръ ордена св. Георгія 4-й степени.

Петръ Великій Императоръ Россіи въ Голландіи и въ Заандамѣ въ 1697 и 1717 гг. [1]

Прибытіе великаго посольства на территорію Голландіи и пріемъ его.

Между тѣмъ, 25 іюня въ Гаагѣ было получено отъ Царя письмо къ Генеральнымъ Штатамъ Голландіи и чрезъ прокурора передано государственному секретарю *Фагелю*. Бургомистрамъ города Амстердама было поручено перевести это посланіе, чтобы каждый былъ ознакомленъ съ его содержаніемъ.

Чрезъ недѣлю послѣдовалъ отвѣтъ Генеральныхъ Штатовъ съ извѣщеніемъ, что присылка посольства будетъ пріятна Штатамъ и что оно будетъ принято со всѣми тѣми почестями, которыя обычно оказываются по отношенію къ посланникамъ великихъ державъ.

Такъ какъ можно было предполагать, что посольство уже приближается къ границамъ Голландіи, то представлялось необходимымъ поспѣшить принятіемъ мѣръ какъ къ встрѣчѣ посольства, такъ и къ устройству для него соотвѣтственнаго помѣщенія, тѣмъ болѣе, что это послѣднее представлялось довольно затруднительнымъ въ виду именно того, что въ это время, по случаю мирныхъ переговоровъ въ Рисвикѣ, въ Гаагу понаѣхало очень много посланниковъ другихъ Дворовъ, а также большое число и другихъ знатныхъ иностранныхъ особъ. Въ эти времена существовалъ, въ отношеніи пріема и содержанія иностранныхъ пословъ, особо строгій этикетъ, которому придавалось при европейскихъ дворахъ большое значеніе и который требовалъ крайней внимательности и за-

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1916 г.

ботливости, чтобы, при пріемѣ посла одного государя и оказаніи ему требуемыхъ, по сану его, почестей — не произошло какого-либо умаленія достоинства по отношенію къ другимъ государямъ. Въ виду этого и въ ожиданіи пріѣзда московскаго посольства, старались возвеличить, насколько было возможно, блескъ этого посольства, выдавая его за одно изъ самыхъ внушительныхъ, какія только когда-нибудь принимались Голландскою республикою. Благоразуміе требовало не разглашать о личномъ присутствіи въ посольствѣ самого Царя; но зато озаботились распространить слухъ, что въ посольство входятъ три вице-короля; такъ было истолковано званіе губернаторовъ новгородскаго, сибирскаго и волховского (?).

Роскошный дворецъ графа Іогана Мориса, обычно называемый „домомъ принца Мориса" и предназначавшійся для пріема посольствъ, былъ въ это время занятъ полномочными министрами великихъ державъ, прибывшими въ Голландію для заключенія мирнаго договора, въ виду этого секретарь генеральныхъ штатовъ *Розенбумъ* нанялъ для русскаго посольства отель „Старый Дуленъ", а изъ опасенія, что одного этого зданія будетъ мало для размѣщенія такой значительный свиты, какая ожидается, къ нему присоединили „Новый Дуленъ".

Ихъ Высокомочія (Голландскіе генеральные штаты), предвидя, что обычно отпускаемая на содержаніе посольствъ сумма будетъ недостаточна для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, вызываемыхъ пріѣздомъ Царя, предложили Государственному Совѣту войти съ представленіемъ объ ассигнованіи, на покрытіе тѣхъ расходовъ, особаго кредита, исчисленнаго ими въ 100.000 гульденовъ.

На четырехъ членовъ генеральныхъ штатовъ было возложено попеченіе о всемъ потребномъ для пріема и содержанія посольства. Вмѣстѣ съ тѣмъ заблаговременно было сдѣлано сношеніе съ государственнымъ министромъ, котораго просили собрать всѣ свѣдѣнія какъ относительно числа лицъ, составляющихъ свиту, такъ и относительно предполагаемаго времени прибытія посольства. Однако, отвѣты на эти вопросы, вслѣдствіе раздѣленія посольства на двѣ отдѣльныхъ партіи, а также вслѣдствіе необычнаго способа путешествованія, были очень не полны и не точны. Но все-таки узнали, что члены посольства имѣютъ намѣреніе проѣхать къ Везелю.

Гофмейстеръ двора Фридрихъ Гессельтъ *ванъ-Динтеръ*, къ вѣдѣнію котораго относились встрѣча пословъ и устройство церемоніала, получилъ приказаніе отправиться въ Клеве съ

нѣсколькими конными нарочными и военными трубачами, чтобы привѣтствовать пословъ на границѣ государства. Съ четырьмя, богато расцвѣченными національными флагами, яхтами и множествомъ каретъ поджидалъ здѣсь гофмаршалъ прибытія посольства; но оно достигло границъ только 21 августа; при громѣ пушечныхъ салютовъ оно въѣхало въ Нимвегенъ и было торжественно встрѣчено. Отсюда посольство продолжало на яхтахъ свой путь въ Гоуда, гдѣ послы выразили желаніе посѣтить Амстердамъ раньше, чѣмъ имъ дана будетъ аудіенція генеральными штатами.

Торжественный пріемъ посольства въ Амстердамѣ.

Бургомистры Амстердама, будучи увѣрены, что посольство посѣтитъ ихъ городъ, и сознавая, насколько важно для этого города пріобрѣсти благорасположеніе Царя въ виду той обширной торговли, которая въ это время велась чрезъ амстердамцевъ съ Московскимъ Царствомъ, еще раньше представляли Совѣту о желательности оказать посольству, изъ уваженія къ личному присутствію въ немъ Его Царскаго Величества, экстраординарныя почести. 17-го августа совѣтъ далъ полное свое согласіе на это предложеніе, однако съ условіемъ, чтобы это не послужило, на будущія времена, прецедентомъ въ отношеніи другихъ посольствъ. И вотъ скоро начались большія приготовленія.

26-го августа послы выѣхали на трехъ яхтахъ изъ Гоуда въ Амстердамъ и были встрѣчены у воротъ Утрехтскихъ бургомистрами и двумя государственными пенсіонаріями; все было сдѣлано, чтобы составился блистательный кортежъ.

Онъ открывался отрядомъ конныхъ волонтеровъ, представлявшихъ цвѣтъ амстердамскаго юношества; всѣ молодые люди были одѣты, — какъ это практиковалось и раньше, при торжественныхъ встрѣчахъ высокихъ особъ,—на собственныя средства, въ роскошнѣйшіе костюмы. Фридрихъ Гессельтъ *ванъ-Динтеръ*, сидя въ экипажѣ, запряженномъ четверкою лошадей и предшествуемомъ четырьмя трубачами, эскортировалъ посольство и всю его блестящую свиту. Четыре человѣка, въ восточныхъ костюмахъ, вооруженные лукомъ и стрѣлами и сопровождаемые шестью трубачами, 14 русскихъ дворянъ и 16 пажей ѣхали верхами впереди двухъ парадныхъ каретъ посольства, окруженныхъ 24 гайдуками въ древне-русской одеждѣ, съ

серебряными топорами и большими саблями въ серебряной оправѣ.

Лефортъ и князь *Меншиковъ* заняли мѣсто въ первой каретѣ, а остальные послы — во второй каретѣ. За ними слѣдовалъ длинный рядъ придворныхъ служителей въ красныхъ ливреяхъ съ серебряными галунами. Послѣ того ѣхали кареты бургомистровъ, запряженныя четверкою и предшествуемыя городскими курьерами; около этихъ каретъ шла прислуга въ ливреяхъ; блистательный кортежъ заканчивался болѣе чѣмъ пятьюдесятью другими каретами, предназначенными какъ для посольской свиты, такъ и для усиленія помпы.

Царь присоединился къ посольству въ качествѣ одного изъ дворянъ при этомъ посольствѣ и занялъ мѣсто въ одной изъ послѣднихъ каретъ, рѣшительно заявивъ желаніе сохранить полное инкогнито.

Длинные кафтаны русскихъ бояръ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ золотой парчи, унизанной жемчугомъ, а у большинства— отороченные драгоцѣнными мѣхами; ихъ высокія шапки изъ лисьяго мѣха, подобно ихъ одеждѣ и ихъ кривымъ саблямъ, блестѣвшія жемчугомъ и драгоцѣнными камнями,—весь этотъ блескъ и это богатство не могли не вызывать всеобщаго вниманія и восхищенія. И неудивительно, что желающихъ взглянуть на невиданную роскошь собралось несмѣтное множество народу.

Пословъ повезли по лучшимъ кварталамъ города, по направленію къ гостиницѣ, носившей названіе „Отель для иностранныхъ пословъ". Въ видѣ почетной стражи было поставлено подъ оружіе 16 ротъ національной гвардіи; предъ самымъ зданіемъ, назначеннымъ для посольства, расположенъ былъ почетный караулъ изъ чиновъ мѣстнаго гарнизона. И въ остальномъ ничего не было забыто или упущено, что могло сдѣлать пріятнымъ пребываніе въ Амстердамѣ Царя и посольства.

На слѣдующій день, послѣ полудня, посольство посѣтило зданіе городской думы, гдѣ уже собрались бургомистры, чтобы принять гостей и показать имъ во всѣхъ деталяхъ это чудное произведеніе голландской архитектуры.

Около 5 часовъ вечера отправились, съ большимъ церемоніаломъ, въ 12-ти каретахъ, въ театръ, гдѣ въ этотъ день давали чрезвычайное представленіе, по окончаніи котораго данъ былъ роскошный ужинъ. Въ немъ приняли участіе знатнѣйшія правительственныя лица со своими супругами и дочерьми.

Театральный спектакль состоялъ изъ двухъ пьесъ: „Вол-

шебства Армиды“ и комедіи „Мнимый адвокатъ“, съ балетомъ въ антрактѣ.

Слѣдующіе два дня были употреблены посольствомъ на посѣщеніе верфей и складовъ адмиралтейства и зданія Остъ-Индской компаніи, а также на пріемъ членовъ этой компаніи. Въ четвергъ былъ данъ отъ города посламъ и знатнѣйшимъ лицамъ изъ Свиты роскошный обѣдъ, во время котораго играли трубы и литавры. Вечеромъ всѣ приглашенные отправились въ Кольвенирсъ-Дулэнъ, чтобы присутствовать на великолѣпномъ фейерверкѣ, который былъ устроенъ на Бинненъ-Амстелѣ, на особо приготовленномъ большомъ плоту, изображавшемъ громадный утесъ изъ чернаго мрамора. Центральною фигурою для фейерверка служила тріумфальная арка, построенная по эскизамъ знаменитаго голландскаго архитектора Стевена *Веннекаля* и украшенная *Мушерономъ* аллегорическими изображеніями славы и величія россійскаго Монарха.

Но хотя Царь, сохраняя полное инкогнито, и присутствовалъ лично на всѣхъ этихъ торжествахъ и во всѣхъ развлеченіяхъ, но скоро рѣшилъ, что подобное препровожденіе времени никоимъ образомъ не соотвѣтствуетъ существеннѣйшимъ цѣлямъ его пребыванія въ Голландіи.

Новыя сношенія Царя съ бургомистромъ Витценомъ.

Одною изъ наиболѣе пріятныхъ для *Петра* встрѣчъ было, конечно, личное знакомство съ Николаемъ *Витценомъ*, человѣкомъ, которому онъ былъ такъ много обязанъ и въ ранней юности, да и впослѣдствіи.

Витценъ, ко времени пріѣзда Царя въ Голландію, пользовался не только общимъ уваженіемъ со стороны своихъ согражданъ за щедрую благотворительность его и за привѣтливый его характеръ, но его почитали и всѣ друзья наукъ и коммерческихъ знаній какъ ревностнѣйшаго покровителя всего того, что было важно для развитія ихъ; онъ поощрялъ молодыхъ художниковъ, оказывалъ имъ поддержку, возбуждалъ во всѣхъ энергію; онъ хлопоталъ о снаряженіи большихъ и требовавшихъ значительныхъ расходовъ экспедицій съ научными и коммерческими цѣлями. Будучи членомъ высшаго управленія, онъ пользовался, въ то же время, величайшимъ уваженіемъ за свою неизмѣнную честность, строгую лояльность и высокую любовь къ отечеству, вызывавшую уваженіе къ нему одинаково всѣхъ партій, безъ различія ихъ политическаго направленія.

Такимъ образомъ, съ прибытіемъ великаго посольства, личныя отношенія Витцена къ Царю и къ Россіи пріобрѣли особую важность какъ въ интересахъ общегосударственныхъ, такъ и спеціально для его родного города Амстердама, и никто другой не былъ болѣе расположенъ использовать эти благопріятныя обстоятельства къ благу своихъ согражданъ.

Особая комиссія изъ членовъ генеральныхъ штатовъ, на которую возложены были всѣ хлопоты, сопряженныя съ пріѣздомъ великаго Московскаго посольства, уже въ самомъ началѣ вошла въ соглашеніе съ Витценемъ и просила его, прежде всего, найти нужныхъ, въ виду этого пріѣзда, русскихъ переводчиковъ. Витцену уже и раньше приходилось оказывать Амстердаму разнаго рода услуги по сношенію съ русскими, напр., при улаживаніи тѣхъ или другихъ недоразумѣній, возникавшихъ, въ предыдущіе пріѣзды русскихъ, съ нѣкоторыми изъ знатныхъ лицъ, именно съ тѣми, которыя, отдѣлившись отъ главнаго корпуса посольства, пріѣзжали въ Амстердамъ раньше другихъ и требовали, чтобы ихъ устроили въ отношеніи помѣщенія и содержанія.

Теперь же, когда въ Амстердамѣ находился самъ Царь, естественно, что кругъ дѣятельности и заботъ *Витцена* еще болѣе расширился. Мы полагаемъ, что имѣемъ основанія утверждать, что *Петръ*, во время пребыванія своего въ Голландіи, во многихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ своихъ слѣдовалъ добрымъ совѣтамъ и указаніямъ Витцена; такъ, напр., удачно выполненное дѣло по отысканію опытныхъ и знающихъ разныя отрасли мастерства учителей, въ которыхъ нуждался Царь,—несомнѣнно было совершено подъ руководствомъ именно Витцена.

Сношенія съ Витценомъ были тѣмъ пріятнѣе Царю, что личныя занятія бургомистра такъ странно совпадали съ главнѣйшими цѣлями его путешествія въ Голландію. Дѣйствительно, отъ кого онъ могъ получить больше свѣдѣній относительно кораблестроенія, какъ не у него, издавшаго „Полную исторію древнѣйшаго и современнаго судостроенія и судоуправленія“ [1])? У кого онъ лучше могъ удовлетворить свою любознательность въ отношеніи мореплаванія и торговли, какъ не у человѣка, разобравшаго и издавшаго въ свѣтъ массу регламентовъ, касающагося лоцманскаго дѣла, морскихъ аварій, берегового права и многихъ другихъ вопросовъ по морскому дѣлу; притомъ, этотъ же человѣкъ былъ обладателемъ замѣчательнѣйшей кол-

---

[1]) Произведеніе это вышло въ свѣтъ въ 1671 г. *Прим. автора.*

лекціи разныхъ предметовъ по машиностроенію, касающихся какъ спеціально строенія судовъ, такъ и постройки всевозможныхъ фабрикъ; наконецъ, гдѣ онъ могъ найти болѣе благопріятный случай встрѣтиться съ людьми, богатыми научными знаніями въ тѣхъ отрасляхъ, которымъ они посвятили себя, какъ не у человѣка, пользовавшагося славою Мецената, всегда окруженнаго, или находившагося съ ними въ сношеніяхъ, учеными и художниками?

Петръ нашелъ, кромѣ того, именно у *Витцена*,—въ это время усердно продолжавшаго собирать матеріалъ для пополненія и развитія уже оцѣненнаго по достоинству капитальнаго его труда: „Сѣверная и восточная Татарія", — болѣе научныхъ свѣдѣній, касавшихся его собственнаго государства, чѣмъ гдѣ-либо у себя или за границею, въ другомъ какомъ-либо научномъ сочиненіи. Вотъ почему и не удивительно, что *Петръ* ни у кого другого не проводилъ время съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ у *Витцена*; высокая честность и просвѣщенность этого послѣдняго привлекали къ нему Царя и заставляли его уважать Витцена какъ лучшаго своего учителя, преданнѣйшаго друга и опытнѣйшаго совѣтника.

Петръ на верфи Остъ-Индской компаніи.

Петръ не могъ скрыть досады своей, что его намѣреніе поселиться въ Заандамѣ и работать тамъ скрытно на корабельной верфи—окончилось неудачею; но онъ все-таки не хотѣлъ отказаться отъ своего желанія поучиться практически кораблестроительству въ качествѣ простого плотника, и такъ какъ *Витценъ* въ это время былъ однимъ изъ директоровъ Остъ-Индской компаніи, то Петру незачѣмъ было далеко искать—и онъ обратился къ Витцену, который и посовѣтовалъ Царю просить администрацію компаніи, чтобы ему отвели жилище на самой верфи, гдѣ онъ могъ бы видѣть самъ всю работу по постройкѣ новаго галіота или фрегата съ самаго начала такой работы, и чрезъ это имѣлъ бы возможность изучить практически все то, что требуется для полной постройки судна.

29 августа переводчикомъ Царя *ван-дер-Гульстомъ*, отъ имени великаго посольства, было доложено о таковомъ желаніи Петра чрезвычайному собранію директоровъ названной компаніи, которые съ величайшею любезностью и дали на это свое согласіе. Домъ мастера канатнаго производства на Оостенбургѣ былъ признанъ наиболѣе пригоднымъ для пребыванія нѣкоторой *высокой*

особы, какъ единственно названъ былъ Царь въ представленной директорамъ петиціи; въ то же время Петру было предоставлено на личное его усмотрѣніе—построить ли фрегатъ въ 100 или 130 футъ длины. Витцену поручено было сговориться объ этомъ съ Царемъ.

Царь находился въ этотъ день на торжественномъ обѣдѣ, когда ему сообщили не только о согласіи на его просьбу, но и о назначеніи ему помѣщенія на самой верфи; извѣстіе объ этомъ доставило Петру большое удовольствіе, и онъ не могъ скрыть своей радости. Съ нетерпѣніемъ онъ ждалъ окончанія обѣда и послѣдовавшихъ за нихъ увеселительныхъ зрѣлищъ въ видѣ роскошной иллюминаціи и громаднаго фейерверка, и едва только погасли послѣднія искры этого фейерверка и замолкли громовые его удары, какъ Царь объявилъ о своемъ непремѣнномъ желаніи отправиться немедля въ Заандамъ, чтобы взять тамъ свои вещи и инструменты, отвезти ихъ на верфь и устроиться здѣсь чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Какъ ни упрашивали его русскіе вельможи и какъ ни убѣждали его бургомистры не дѣлать этого и не подвергаться опасности въ виду ночной темноты—все было тщетно: Царь объявилъ, что онъ долженъ ѣхать въ Заандамъ—чего бы это ни стоило.

Около 11 часовъ Царь отправился въ путь и приблизительно въ часъ ночи прибылъ въ Заандамъ. Рано утромъ онъ все уложилъ, перетащилъ на свою яхту и поѣхалъ обратно въ Амстердамъ, никого не предупредивъ, даже хозяина, о своемъ отъѣздѣ. Поэтому городскія власти Заандама продолжали еще нѣкоторое время держать охрану на мостахъ Кримпа и только въ субботу, наконецъ, она была снята отсюда.

Примѣрное морское сраженіе и прогулка на парусахъ по заливу И.

Въ воскресенье, 1-го сентября, городское управленіе Амстердама устроило своему высокому Гостю одно изъ великолѣпнѣйшихъ зрѣлищъ, какое могъ дать одинъ только Амстердамъ и какое могло всего больше соотвѣтствовать вкусамъ и наклонностямъ Государя, а именно—большую морскую прогулку на парусахъ и примѣрное морское сраженіе (морскіе маневры) на заливѣ И.

Это зрѣлище произвело на всѣхъ сильное впечатлѣніе, и память о немъ увѣковѣчена на знаменитой картинѣ *Яна Лейкена*

передающей весьма реально главнѣйшіе эпизоды примѣрнаго морского боя.

Уже начиная съ субботы, стали приниматься разныя подготовительныя мѣры: не только обратились къ всѣмъ владѣльцамъ спеціальныхъ для прогулокъ судовъ съ предложеніемъ присоединить свои яхты и бухты къ городской флотиліи Амстердама, но были собраны также и такія яхты, на которыхъ могли быть размѣщены артиллерійскія орудія, и, наконецъ, были взяты и другія суда разныхъ видовъ, на которыя посадили нѣсколько ротъ волонтеровъ изъ состава національной гвардіи Амстердама, волонтеры эти должны были поддерживать безпрерывный мушкерный огонь во все время морского сраженія.

Устройство зрѣлища приморскаго боя было возложено на знаменитаго адмирала *Гиллеса Шея*, который долженъ былъ руководить и всѣми дѣйствіями на морѣ. Въ субботу произведены были судовые маневры съ сигнализаціями, на которыхъ присутствовалъ скрытно и Царь.

На слѣдующій день, рано утромъ, флагъ адмирала взвился на яхтѣ стадгаудера флисландскаго, на бортѣ которой находился и начальникъ эскадры—*Шей*. Была прекрасная погода, дулъ свѣжій вѣтеръ, благопріятный для парусныхъ судовъ; благодаря всему этому, наплывъ зрителей у плотины Бейкслотъ къ Дургердаму и начиная отъ города до Зеебурга, а также на заливѣ И., съ массою судовъ разнообразнѣйшихъ типовъ, казавшихся какъ бы лѣсомъ изъ мачтовыхъ деревъ, украшенныхъ флагами и вымпелами, былъ такъ громаденъ, что никогда еще ничего подобнаго не видѣли до сихъ поръ въ Амстердамѣ.

Царь находился вмѣстѣ съ членами посольства и бургомистрами на большой яхтѣ Остъ-Индской компаніи, на бортѣ которой было приготовлено, на городской счетъ, роскошное угощеніе. Около полудня, яхта эта, богато убранная и сопровождаемая другими большими яхтами, подняла свои паруса и направилась къ расположившейся уже передъ Шеллингауде, въ боевомъ порядкѣ, флотиліи судовъ и послѣ того какъ эти послѣднія привѣтствовали высокое общество многочисленными орудійными выстрѣлами, началось примѣрное сраженіе на морѣ: сначала произошла атака въ линію, затѣмъ послѣдовали отдѣльные бои между судами: абордажъ, отступленіе, пораженіе, захватъ корабля и прочее, что могло дать полную картину морского сраженія. Все это въ такой степени понравилось Царю и увлекло его, что онъ перескочилъ съ яхты на военное судно и все время направлялъ форштевень его въ ту сторону, гдѣ, казалось, бой

шелъ ожесточеннѣе. Стрѣльба артиллеріи, особенно съ батарей на Кеервеерѣ и съ другихъ городскихъ батарей, была такъ оглушительна и безпрерывна, что, по свидѣтельству одного очевидца, слухъ и зрѣніе—отказывались больше служить. Царь остался необыкновенно довольнымъ.

Пребываніе Царя на верфи.

Царю очень понравилось то помѣщеніе, которое было отведено ему на верфи; онъ поселился здѣсь съ небольшою свитою, въ числѣ которой находились князь *Багратіонъ* и, вѣроятно, также графъ Петръ *Апраксинъ*, впослѣдствіи генералъ-адмиралъ. Первый изъ нихъ пользовался особымъ расположеніемъ Царя, вслѣдствіе того, что умѣлъ угождать ему и во всѣхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ своихъ всегда сообразовался съ волею и приказаніями Монарха. Обладая врожденнымъ ему даромъ наблюдательности, онъ быстро усваивалъ и запоминалъ всѣ техническіе термины по кораблестроенію и мореплаванію и въ скоромъ времени сдѣлался искуснымъ и опытнымъ морякомъ.

Въ первое время Царь пользовался столомъ отъ посольскаго Двора, но скоро это ему надоѣло и онъ завелъ свое собственное хозяйство. Привыкнувъ вставать рано, онъ не имѣлъ опредѣленнаго времени для обѣда, а садился за столъ, когда чувствовалъ голодъ; тогда онъ самъ разводилъ огонь и самъ же готовилъ себѣ кушанье. Во всемъ онъ жилъ какъ простой корабельный плотникъ и любилъ, чтобы его называли *Питеромъ Тиммерманомъ* (плотникомъ) *заандамскимъ*.

Въ 1754 г. жилъ еще одинъ, вполнѣ заслуживающій вѣры, командиръ, который разсказывалъ, что много разъ видывалъ Царя работающимъ въ обыкновенномъ рабочемъ костюмѣ; когда случалось, что кто-нибудь подходилъ къ нему, во время работы, чтобы поговорить съ нимъ, то Царь, кладя топоръ у ногъ, присаживался, тутъ же, гдѣ-нибудь на обрубокъ дерева; однакожъ разговоръ не долженъ былъ слишкомъ затягиваться, въ противномъ случаѣ—Царь обрывалъ бесѣду и возвращался къ своей работѣ, снова берясь за топоръ.

Одно очень важное лицо, желая видѣть Царя за работою, оставаясь самъ не замѣченнымъ имъ, обратилось съ этою цѣлью къ старшему мастеру. Этотъ обѣщалъ указать ему Царя, назвавъ его по имени. Нѣсколько минутъ спустя, проходило нѣсколько судовыхъ рабочихъ, несшихъ тяжелый обрубокъ дерева. Старшій мастеръ спросилъ: „Питеръ Тиммерманъ

заандамскій, почему ты не помогаешь нести?“ Тотчасъ же Петръ, повинуясь этому приказанію, подставилъ свое плечо подъ дерево и понесъ его куда было указано.

Ничто не настраивало его здѣсь и въ Заандамѣ болѣе благодушно, какъ то, если его называли просто *Питеръ-баасъ* (мастеръ Петръ); но зато онъ поворачивался спиною къ тому, кто называлъ его „Ваше Величество“ въ то время, когда онъ былъ въ костюмѣ корабельнаго плотника.

Въ первые дни своего пребыванія на верфи Царь получилъ изъ Россіи письмо отъ патріарха; въ своемъ отвѣтѣ онъ, между прочимъ, написалъ патріарху, что, живя въ Амстердамѣ, онъ точно слѣдуетъ данной Адаму заповѣди Божіей: „въ потѣ лица твоего будешь снискивать хлѣбъ твой“.

Учителя и наставники.

Въ виду желанія Петра усовершенствоваться въ изученіи математики и штурманскаго исскуства, а также въ рисованіи кораблей, *Витценъ* рекомендовалъ ему лучшихъ учителей. Таковыми были по первымъ двумъ предметамъ—Янъ Альбертсоонъ *ванъ-Дамъ*, весьма свѣдущій человѣкъ, пріобрѣвшій очень громкую извѣстность многочисленными своими трудами о штурманскомъ искусствѣ. Для обученія искусству корабельнаго рисованія былъ приглашенъ Адамъ *Сило*, человѣкъ, неимѣвшій, кажется, себѣ равнаго по необыкновенному трудолюбію своему и влеченію ко всевозможнымъ искусствамъ и ремесламъ. Въ рисованіи кораблей и морскихъ картъ онъ строго держался законовъ математическихъ, и такъ какъ всему тому, что онъ объяснялъ, онъ всегда готовъ былъ представить достаточныя доказательства и никогда не отказывался отвѣчать ни на какіе бы то ни было вопросы, то, понятно, что подобный учитель долженъ былъ особенно нравиться такому неутомимому въ разспросахъ ученику, какимъ былъ *Петръ*. Что касается до кораблестроенія, то лучшими уроками для Царя служили ежедневныя сношенія его съ такими знаменитыми строителями судовъ, какъ: Гендрикъ Якобсонъ *Кардинаалъ*, Якобъ Теллисонъ *ванъ-Реененъ* и Питеръ *Поолъ*, первые двое были родомъ изъ Заандама и завѣдывали адмиралтейскою верфью; а третій управлялъ верфью Остъ-Индской компаніи, и всѣ они пользовались репутаціею блестящихъ дѣятелей каждый въ своей сферѣ. Царь пользовался также уроками извѣстнаго Якобсона *Вейзеляра* родомъ изъ Герлигена, въ молодости своей участво-

вавшаго въ знаменитой экспедиціи адмирала *Рейтера* въ Зундъ и пріобрѣвшаго славу великаго строителя судовъ; благодаря своимъ познаніямъ и опытности, впослѣдствіи онъ былъ приглашенъ *Витценомъ* на особую службу, гдѣ примѣненіе его практическихъ, а равно и теоретическихъ знаній принесло Витцену большую пользу при его работахъ по составленію трактата о судостроеніи. *Витценъ* ввѣрилъ ему также завѣдываніе своимъ богатѣйшимъ кабинетомъ научныхъ инструментовъ. Теперь онъ былъ уже въ очень пожилыхъ годахъ;однакоже онъ сохранилъ полную свѣжесть своихъ силъ; и Царь едва-ли могъ бы найти кого-либо другого, болѣе ему полезнаго, для пріобрѣтенія разныхъ научныхъ свѣдѣній. Самъ Витценъ, обычно очень занятый и обремененный служебными работами и потому въ такой же степени бережливый въ расходованіи времени, въ какой онъ былъ щедръ въ отношеніи денегъ, посвящалъ Царю каждый понедѣльникъ, обыкновенно проводя вмѣстѣ съ нимъ весь этотъ день.

Мы сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя частныя подробности съ тою цѣлью, чтобы показать, насколько не соотвѣтствуютъ дѣйствительности свидѣтельства тѣхъ историковъ, которые утверждаютъ, будто-бы *Петръ* въ теченіе 4 дней усвоилъ все, чему могъ научить мастеръ *Пооль*; что Царь тщетно требовалъ въ чертежахъ своего учителя математическихъ доказательствъ и что, наконецъ, не находя, будто-бы, въ Голландіи удовлетворенія своей жаждѣ знанія, онъ скоро сталъ сожалѣть о предпринятомъ имъ далекомъ путешествіи и о безполезномъ для него пребываніи въ Голландіи; и вотъ, къ счастью своему, однажды, за обѣдомъ въ домѣ негоціанта *Теезинга*, Царь, раздумывавая объ этомъ, встрѣтилъ якобы одного англичанина, который и сообщилъ ему, какъ нѣчто для него новое, что въ Англіи математическія науки положены въ основаніе техники построенія кораблей. Государь принялъ это сообщеніе къ свѣдѣнію. Вотъ это и вызвало, будто бы, поѣздку Царя въ Англію, гдѣ онъ, въ продолженіе 4 мѣсяцевъ изучивъ въ совершенствѣ все, что ему было нужно, и закончилъ свое техническое образованіе. Но разсказывать подобныя побасенки—не значитъ ли это одновременно и опровергать самый разсказъ?

Царь желалъ также изучить и астрономію и высшую математику. Въ виду этого городское управленіе Амстердама не только распорядилось построить на одномъ изъ городскихъ бастіоновъ нѣчто въ родѣ обсерваторіи, но вызвало изъ Роттердама знаменитаго физика и астронома Кристіана *Гартцукера*.

Царь отнесся къ новому учителю съ большимъ благорасположеніемъ и склонялъ его ѣхать въ Россію, но отдаленность страны, большое различіе нравовъ и обычаевъ, неопредѣленность самой поѣздки, наконецъ, затрудненія, связанныя съ перемѣщеніемъ туда же и всей семьи,—всѣ эти обстоятельства заставили названнаго ученаго отказаться отъ выгоднаго предложенія. За проѣздъ свой, по особому вызову, въ Амстердамъ и проживаніе въ этомъ городѣ Гартцукеръ впослѣдствіи былъ вознагражденъ изъ средствъ города.

Въ Заандамѣ.

Среди всѣхъ работъ Царь не забылъ своего любимаго Заандама. Одною изъ первыхъ его заботъ было принять необходимыя мѣры, чтобы молодые люди, сопровождавшіе посольство, извлекли бы изъ своего пребыванія за границею наивозможно большую пользу,—въ соотвѣтствіи съ поставленными имъ цѣлями.

Вслѣдствіе этого, 5-го сентября, въ Заандамъ вернулись, изъ числа упомянутыхъ выше молодыхъ людей, три лица, а именно: Александръ *Меншиковъ* и графъ *Головкинъ* и третій,—несомнѣнно состоявшій въ кровномъ родствѣ съ Царемъ и потому—или князь Борисъ *Куракинъ* или Александръ *Нарышкинъ* или одинъ изъ *Лопухиныхъ*. *Меншиковъ* былъ откомандированъ Государемъ къ Герриту Янсу *Штюрману* для работъ по дѣланію мачтъ; другіе два—къ Паулусу *Тейвиссену* для постройки ботовъ. Относительно третьяго, здѣсь упоминаемаго, лица, оставшагося менѣе выясненнымъ, толмачъ сказалъ мастеру (Тейвиссену): „вы должны особенно хорошо обращаться съ этимъ господиномъ, ибо онъ знатная особа,—московскій принцъ“. Меншиковъ, который зналъ по-голландски и слышалъ эти слова, не одобрилъ ихъ, толмачъ же, въ свою очередь, замѣтилъ: „это нисколько не повредитъ, что будутъ знать о высокомъ положеніи этого господина: чѣмъ важнѣе онъ, тѣмъ лучше будутъ съ нимъ обходиться“.

Сдѣлавъ тѣ и другія распоряженія, Царь, 8-го сентября, отправился лично въ Заандамъ, куда онъ былъ вторично приглашенъ, чтобы присутствовать на спускѣ корабля. Къ этому времени озаботились распространить слухъ, что Государь отклонилъ приглашеніе на это торжество и лично не будетъ на немъ; это было сдѣлано въ цѣляхъ предупрежденія большого скопленія народа.

Царь прибылъ на собственной яхтѣ и, остановившись у плотины съ восточной стороны, осмотрѣлъ подробно весь аппаратъ для спуска, состоявшій изъ горизонтальныхъ воротовъ и кабелей и другихъ предметовъ, которые требовались для такой сложной, какъ спускъ судна, операціи. Такъ какъ въ моментъ прибытія Царя еще хлопотали около кабестана, то Петръ отправился въ желѣзную лавку и тамъ купилъ, съ немалою помѣхою отъ зѣвакъ, нужные ему инструменты, которые онъ и отнесъ самъ на свою яхту.

Возвратясь затѣмъ къ мѣсту спуска судна, онъ еще разъ осмотрѣлъ все съ величайшимъ вниманіемъ, но такъ какъ дѣлавшіяся приготовленія казались ему слишкомъ затянувшимися, то онъ быстро повернулъ къ своей яхтѣ, вскочилъ въ нее, поднялъ паруса, схватилъ руль и, отвязавъ канатъ, поплылъ, не дождавшись, такимъ образомъ, самаго спуска корабля.

9-го сентября въ Заандамъ прибыли, со своимъ имуществомъ, также и упомянутые выше русскіе молодые дворяне и тотчасъ же приступили къ работѣ; двое изъ нихъ, именно работавшіе надъ постройкою ботовъ, вначалѣ сильно жаловались на свои руки, не привычныя къ подобной работѣ. Но это продолжалось не долго. Третій изъ нихъ, личность котораго менѣе извѣстна, заболѣлъ и въ октябрѣ мѣсяцѣ получилъ разрѣшеніе вернуться обратно въ Россію.

Меншиковъ оказывалъ наибольшіе успѣхи въ аботѣ Однажды Царь посѣтилъ *Меншикова* на верфи, гдѣ этотъ послѣдній работалъ; взявъ изъ рукъ его инструментъ, Царь приступилъ къ работѣ и работалъ не хуже искуснѣйшихъ мастеровъ. Позже Меншиковъ удостоился милости быть переведеннымъ на работы вмѣстѣ съ Царемъ, на Амстердамскую верфь. Что касается *Головина*, то онъ оставался все время въ Заандамѣ за исключеніемъ одного случая, когда онъ посѣтилъ своего брата, изучавшаго въ Утрехтѣ искусство дѣлать фейерверки.

Для русскихъ въ Заандамѣ былъ нанятъ домъ на Винкепадѣ, въ западной части города; домъ этотъ назывался тогда, да называется еще и теперь, „Каменная камера“ (Steenen kamer“). Они жили здѣсь, по свидѣтельству Ноомена, весело и пріятно, имѣя при семъ не совсѣмъ опрятнаго повара, одного музыканта и священника.

Кажется, что въ это время въ Заандамѣ поселились для разныхъ работъ еще и другіе русскіе знатнаго происхожденія; помѣщеніемъ для нихъ служилъ другой большой домъ на Остъ-Заандамѣ. Одинъ изъ этихъ русскихъ, работавшихъ на верфи,

отличался особымъ усердіемъ въ работѣ, но когда только наступало время перерыва въ работѣ, къ нему тотчасъ же подходилъ его камердинеръ съ кувшиномъ воды, чтобы онъ могъ умыть свои руки, а послѣ этого—переодѣться въ соотвѣтственный его положенію костюмъ.

Посѣщеніе Царемъ короля Вильгельма въ Утрехтѣ.

Штатгальтеръ Вильгельмъ III, король Англіи, въ это время находился въ Голландіи для заключенія Рисвинскаго мирнаго договора. Было начало сентября, и король, проживая въ Лео, между прочимъ, развлекался здѣсь также охотою на оленей. Царь выразилъ свое желаніе имѣть свиданіе съ этимъ знаменитымъ монархомъ. Было условлено, отказавшись отъ всякаго придворнаго церемоніала, обоимъ государямъ выѣхать навстрѣчу одинъ другому. Мѣстомъ свиданія назначенъ былъ Утрехтъ, отель „Туластъ" (Toelast). Царь выѣхалъ 9-го сентября, въ сопровожденіи *Витцена* и *Лефорта*. О какихъ-либо взаимныхъ переговорахъ Монарховъ во время этого свиданія намъ не извѣстно ничего [1]). Судя по тому, что въ память о немъ была выбита особая медаль, можно предполагать, что свиданію этому придавалось важное значеніе, но, съ другой стороны, самый выпускъ медали въ обращеніе былъ такъ незначителенъ, что объ этой медали можно и не распространяться больше.

Гнѣвъ Царя противъ своихъ вельможъ.

Едва только Царь успѣлъ вернуться въ Амстердамъ, какъ онъ разразился гнѣвомъ противъ нѣкоего князя и еще противъ одного весьма важнаго лица, входившихъ въ составъ посольства. Эти господа позволили себѣ осуждать, въ рѣзкихъ выраженіяхъ, нѣкоторыя дѣйствія Царя и даже давать ему со-

---

[1]) *Меерманъ* въ своемъ трудѣ, озаглавленномъ: „Исторія Вильгельма III, Амстерд., 1703", заставляетъ Петра Великаго говорить при этомъ случаѣ длинныя рѣчи. Многими историками эти рѣчи принимаются, какъ дѣйствительно сказанныя Царемъ, но такъ какъ, съ внѣшней стороны, эти рѣчи представляются слишкомъ напыщенными для Петра, а изъ содержанія всего разговора Царя съ Вильгельмомъ III вытекаетъ, что главною цѣлью поѣздки Царя было, будто бы, поднять короля противъ французовъ, то дѣлается очевиднымъ, что и весь разговоръ и самыя рѣчи Петра придуманы и вложены въ его уста названнымъ историкомъ съ цѣлью, чтобы только подкрѣпить свои личныя воззрѣнія по данному вопросу. *Прим. автора.*

вѣты, какъ, напр., совѣтовать ему рѣже показываться публично больше охранять свое достоинство и свое имя и блюсти свой санъ. Это такъ разгнѣвало Царя, что онъ приказалъ обоихъ заковать въ цѣпи и держать ихъ въ посольскомъ домѣ, намѣреваясь казнить ихъ смертью, отрубивъ имъ головы.

Бургомистры представили ему, что подобное наказаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ни назначено, ни, тѣмъ болѣе, приведено въ исполненіе какъ въ самомъ городѣ Амстердамѣ, такъ и на всемъ протяженіи голландской территоріи, и разными доводами старались убѣдить Государя отказаться отъ своего намѣренія и вернуть заключеннымъ полную свободу, но они достигли только того, что Царь даровалъ имъ жизнь, но подъ условіемъ, что одинъ изъ нихъ долженъ подвергнуться ссылкѣ въ Батавію, а другой—въ Суринамъ.

Около этого же времени нѣкто изъ духовныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ свитѣ посольства, былъ замѣченъ въ злоупотребленіи виномъ; за это онъ былъ приговоренъ Царемъ къ жестокому наказанію: онъ долженъ былъ вертѣть колесо на одной изъ канатныхъ фабрикъ. Здѣсь онъ долгое время работалъ и хотя испытывалъ сильную боль отъ непривычнаго занятія, онъ все-таки не получалъ прощенія,—„ступай, ступай работать“—было ему въ отвѣтъ на его просьбу о помилованіи.

Осмотръ Царемъ адмиралтейскихъ судовъ. Второе парусное состязаніе.

Около этого же времени Царь выразилъ свое желаніе видѣть маневры большого военнаго корабля, а также судно, стоящее на камеляхъ [1]). Совѣтъ адмиралтейства поспѣшилъ пойти навстрѣчу такому желанію Монарха и распорядился спустить на воду всѣ нужныя суда, чтобы Царь могъ осмотрѣть все по своему желанію. Въ это же время на борту одного изъ судовъ былъ приготовленъ для Царя и посольства роскошный обѣдъ. Заливъ огласился салютными выстрѣлами. Осмотръ судовъ казалось, доставилъ Царю необыкновенное удовольствіе, а поднятый на камели корабль осматривался имъ съ такимъ особымъ интересомъ, какъ будто Царь предчувствовалъ уже тогда, какъ много пользы это остроумное голландское изобрѣтеніе принесетъ ему впослѣдствіи для его родного флота на Невѣ.

---

[1]) Спеціальныя плоскодонныя суда, подводившіяся подъ корабли для проводки этихъ послѣднихъ чрезъ мель.

Сдѣлалось извѣстнымъ, что Царь охотно посмотрѣлъ бы еще разъ на примѣрное морское сраженіе и состязаніе на парусныхъ лодкахъ; управленіе города извинилось за невозможность устроить первое изъ названныхъ зрѣлищъ, но, желая доставить Государю удовольствіе, оно поручило комиссарамъ, завѣдующимъ частными яхтами, чтобы они побудили собственниковъ этихъ яхтъ устроить парусное состязаніе, подъ адмиральскимъ флагомъ въ воскресенье 21 сентября. Это зрѣлище также весьма понравилось Царю. Число судовъ, участвовавшихъ въ этотъ день, было почти такое же, какъ и 1-го сентября, благодаря тому, что къ мѣстной флотиліи присоединилось очень много яхтъ и буэровъ изъ Сѣверной Голландіи. Царь отправился на собственной яхтѣ, а потомъ пересѣлъ на яхту Остъ-Индской компаніи, на которой находились *Витценъ* и другіе администраторы названной компаніи. Но такъ какъ число любопытныхъ, прибывавшихъ въ заливъ и на своихъ лодкахъ, все болѣе и болѣе увеличивалось, то Царь пришелъ въ гнѣвливое настроеніе, что причинило всѣмъ много огорченія. Вскорѣ послѣ этого онъ вернулся на свою яхту.

Знакомство Царя съ Гиллесомъ Шейемъ и Корнеліемъ Крейсомъ.

Во время морского сраженія или пребыванія своего на военномъ кораблѣ, или же во время паруснаго состязанія Царь встрѣтился съ *Гиллесомъ Шейемъ,* бывшимъ въ то время вице-адмираломъ; это былъ морской герой, подъ руководствомъ своего отца прошедшій школу знаменитаго *Рейтера* (Ruyter) и собственными геройскими подвигами поднявшій еще больше славу своихъ храбрыхъ предковъ. Его опытность и честность не уступали его мужеству. Вотъ почему Царю было особенно пріятно поближе узнать такого человѣка.

Въ теченіе той же недѣли *Шей* имѣлъ честь пригласить Государя и членовъ его посольства въ свой домъ, на Кольвеніерсбургваль, гдѣ гостямъ предложенъ былъ роскошный обѣдъ. Позже они также неоднократно удостаивали его своимъ посѣщеніемъ. Царь, желая имѣть у себя на службѣ человѣка, которому онъ спокойно могъ бы довѣрить все морское дѣло: и устройство флота и главное управленіе имъ, вскорѣ сталъ склонять Шея перейти къ нему на службу. Царь предложилъ ему высшій чинъ адмирала, съ содержаніемъ, какое онъ самъ пожелаетъ; онъ обезпечивалъ ему производство пенсіи въ 25 ты-

сячъ гульденовъ, его женѣ и дѣтямъ, въ случаѣ, если бы они пожелали остаться въ Голландіи; наконецъ, Царь обѣщалъ, что онъ самъ будетъ хлопотать передъ королемъ *Вильгельмомъ* объ увольненіи Шея изъ голландской службы съ сохраненіемъ званія генералъ-адмирала голландскаго флота; однако, какъ ни почетны были эти условія и хотя содержаніе по званію вице-адмирала въ то время составляло только 24 сотни гульденовъ, но долгъ передъ родиною, не позволявшій оставить службу отечеству, взялъ верхъ надъ всѣми другими соображеніями. И этотъ отказъ отнюдь не уменьшилъ благорасположенія къ нему Царя; онъ съ удовольствіемъ принялъ поднесенныя ему *Шейемъ* въ даръ нѣсколько морскихъ картъ и плановъ и часто совѣтовался съ нимъ по разнымъ вопросамъ морского дѣла, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ искалъ среди голландцевъ искусныхъ морскихъ офицеровъ, чтобы пригласить ихъ на службу въ Россію.

Именно Шей и рекомендовалъ Царю Корнелія *Крёйса* (Cruys), какъ человѣка способнаго и пригоднаго для того, чтобы вручить ему управленіе флотомъ.—Крёйсъ, по однимъ свѣдѣніямъ, родился въ Ставангерѣ, въ Норвегіи, хотя, вѣроятно, былъ голландскаго происхожденія; по другимъ свѣдѣніямъ—онъ родомъ изъ Голландіи и изъ знатной семьи. Съ юныхъ лѣтъ предназначенный своими родителями къ морской службѣ, онъ рано достигъ званія контръ-адмирала, а въ описываемую эпоху былъ экипажъ-мейстеромъ при адмиралтействѣ (инспекторомъ матеріальной части во флотѣ) и въ этомъ званіи былъ близко знакомъ со всѣми судовыми потребностями. Затѣмъ, будучи опытенъ во всѣхъ отрасляхъ морского дѣла, а также искусенъ въ морскихъ картографичоскихъ работахъ, онъ являлся именно такимъ человѣкомъ, въ которомъ нуждался Царь; въ виду этого и были употреблены всѣ средства, чтобы склонить его перейти на службу въ Россію. Но это стоило не малаго труда, и только неоднократныя соединенныя усилія Шея, Витцена и другихъ бургомистровъ Амстердама,—хорошо знавшихъ дѣйствительныя достоинства Крёйса и въ то же время сознававшихъ большую пользу для ихъ отечества, если, при настоящихъ обстоятельствахъ, у русскаго Царя будетъ находиться на службѣ именно голландецъ,—заставили Крёйса согласиться на сдѣланное ему Царемъ предложеніе. Впослѣдствіи мы будетъ имѣть случай подробнѣе сообщить о личныхъ качествахъ и заслугахъ Крёйса по отношенію къ Россійскому государству.

Сношенія Царя съ Рёйшемъ и другими учеными и художниками.

Витценъ старался доставить Петру удобные случаи входить въ сношенія съ голландскими учеными и художниками. Въ числѣ первыхъ былъ Фридрихъ *Рейшъ*, профессоръ анатоміи, пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Онъ прославился въ особенности своимъ искусствомъ сохранять, посредствомъ инъекціи, различныя части человѣческаго тѣла; его замѣчательный анатомическій кабинетъ пользовался общей извѣстностью и, какъ одна изъ величайшихъ рѣдкостей Голландіи, посѣщался всѣми пріѣзжавшими въ нее иностранцами. Когда Царь въ первый разъ увидѣлъ это необыкновенно богатое собраніе, онъ былъ такъ пораженъ представившимся ему зрѣлищемъ, что остановился какъ-бы зачарованный. Остановившись у трупика ребенка, сохранившагося такъ хорошо, что казалось, что ребенокъ еще живъ и на лицѣ его какъ-бы играетъ еще улыбка, Петръ не могъ удержаться, чтобы не поцѣловать малютку [1]).

Съ большою неохотою покинулъ Царь кабинетъ Рёйша, хотя и чувствовалъ себя утомленнымъ отъ продолжительнаго осмотра и подробныхъ разспросовъ. Позже онъ еще нѣсколько разъ посѣтилъ кабинетъ и этимъ еще болѣе укрѣпилось дружеское общеніе Петра съ проф. *Рёйшемъ*, у котораго онъ иногда оставался обѣдать. Часто онъ присутствовалъ на лекціяхъ по анатоміи и даже хотѣлъ брать у него спеціальные уроки, чтобы имѣть возможность удовлетворить своей склонности къ хирургическимъ операціямъ. Онъ находилъ очень полезнымъ для себя сопутствовать профессору при его посѣщеніяхъ больныхъ, но такъ какъ Царь ночевалъ обыкновенно въ Посольскомъ домѣ, смежномъ съ больницею Св. Петра, то онъ долженъ былъ проходить въ эту больницу по улицѣ, гдѣ всегда собиралось много разныхъ зѣвакъ. Царю это не нравилось и, по его просьбѣ, въ стѣнѣ, раздѣлявшей оба зданія, сдѣланъ былъ особый проходъ, слѣды котораго сохранились и до настоящаго времени.

17-го сентября Царь, въ сопровожденіи профессора *Рёйша*, посѣтилъ ботаническій садъ, гдѣ его встрѣтили бургомистры и гдѣ ему было предложено угощеніе. Съ тѣмъ же Рёйшемъ

[1]) Это былъ трупикъ дѣвочки въ возрастѣ отъ 3 до 4 лѣтъ.

Прим. автора.

Царь совѣтывался относительно хирурговъ, которыхъ онъ собирался пригласить въ Россію какъ для службы реорганизуемой имъ сухопутной арміи, такъ и во вновь созидаемомъ флотѣ.

Петръ имѣлъ случай посѣтить знаменитый естественно-историческій и художественный кабинетъ принадлежавшій архитектору Симону *Шейнвуту* (Schynvoet). Царь имѣлъ продолжительную бесѣду съ этимъ ученымъ относительно строительнаго искусства, и возможно, что именно эта бесѣда и повела къ позднѣйшимъ сношеніямъ съ нимъ Царя какъ по поводу присылки къ нему, для обученія, молодыхъ дворянъ, такъ и по поводу вызова, чрезъ него, въ Петербургъ опытныхъ художниковъ изъ числа бывшихъ его учениковъ; по крайней мѣрѣ, неоднократно наблюдалось, что выстроенные Петромъ дворцы и загородные дома носятъ на себѣ печать нѣкоторой унылости и слишкомъ большей перегруженности въ орнаментаціи, каковой характеръ построекъ свойственъ вообще стилю этого, во многихъ другихъ отношеніяхъ, отличнаго строителя.

Іоганна Куртенъ *Блокъ*, столь извѣстная въ искусствѣ вырѣзыванія изъ бумаги различныхъ фигуръ, также была осчастливлена царскимъ посѣщеніемъ. При помощи обыкновенныхъ ножницъ она вырѣзала изъ бумаги портретъ Царя настолько удачный, что вызвала своимъ искусствомъ общее удивленіе и восхищеніе; поэты же *Франціусъ*, *Мооненъ* и *Ноллетъ* посвятили даже этому chex'oeuvre'у нѣсколько своихъ стихотвореній. Царь отнесся съ большимъ одобреніемъ къ ея замѣчательному искусству и охотно исполнилъ ея просьбу—вписать въ альбомъ свое имя.

Царю доставило большое удовольствіе знакомство съ двумя знаменитыми механиками *ванъ-Гейденами*, отцомъ и сыномъ, изобрѣвшими, между прочимъ, особый пожарный аппаратъ, приводившійся въ дѣйствіе при помощи нагнетательнаго насоса. Заинтересованный изобрѣтеніями ванъ-Гейденовъ, Петръ просиживалъ цѣлыми часами на ихъ фабрикѣ, съ большимъ интересомъ слѣдя за работами на ней и въ то же время удивляясь и восхищаясь глубокимъ изобрѣтательнымъ умомъ этихъ людей. Несмотря на усиленныя просьбы Царя поѣхать съ нимъ въ Россію, привязанность ванъ-Гейденовъ къ родинѣ побудила ихъ отказаться отъ самыхъ выгодныхъ условій.

Поѣздка на рѣку Тексель.

Въ послѣднихъ числахъ сентября Царь отправился на яхтѣ, въ сопровожденіи *Витцена* и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, на рѣку Тексель. Передъ этою поѣздкою онъ потребовалъ, чтобы его воля относительно осужденныхъ имъ молодыхъ дворянъ была въ точности исполнена.

Во время этого путешествія, какъ и въ другихъ случаяхъ, было замѣчено, что Царь охотно говоритъ объ осадѣ Азова и о сопряженныхъ съ нею операціяхъ. Сохраняются до сихъ поръ, у одного амстердамскаго ученаго, Якова *Конинга*, листъ бумаги, на которомъ Царь собственною рукою искусно начертилъ карандашемъ положеніе города на берегахъ Дона и диспозицію турецкихъ военныхъ и продовольственныхъ судовъ въ устьѣ этой рѣки, а также мѣста, гдѣ Царь атаковалъ суда и овладѣлъ ими.

Здѣсь, на р. Текселѣ, Царь могъ вполнѣ предаться своему любимому развлеченію—подробному осмотру судовъ, и для этого онъ не жалѣлъ ни времени, ни трудовъ.

Случилось, что именно въ это время задулъ сильнѣйшій нордъ-остъ, благодаря которому, а также большому приливу воды въ морѣ, Царь имѣлъ удовольствіе видѣть возвращеніе домой, съ богатѣйшимъ уловомъ, одного отдѣленія гренландскаго китоловнаго флота[1]); какъ только море стало немного спокойнѣе, Царь тотчасъ же отправился на бортъ пришедшихъ судовъ и, несмотря на обычную для всѣхъ китоловныхъ судовъ грязь, осматривалъ эти суда снизу до верху, въ мельчайшихъ подробностяхъ, не уставая и въ то же время разспрашивалъ о всемъ, относящемся до китоловнаго промысла.

Посѣщеніе Царемъ гренландскихъ моряковъ въ Заандамѣ.

Узнавъ, что нѣкоторыя китоловныя суда вошли въ Фоорзанъ, Царь пожелалъ еще разъ осмотрѣть ихъ и поэтому охотно принялъ приглашеніе Корнелія *Кальфа* пріѣхать для этого въ Заандамъ. Здѣсь было все подготовлено, чтобы облегчить Государю возможность полнѣе ознакомиться со всѣмъ, касающимся китоловнаго промысла.

---

[1]) Въ этомъ году 112 китоловными судами было поймано 1.197 китовъ, давшихъ 39.484 бочекъ жиру.

Прим. автора.

Особенно Царь остался доволенъ, когда одно изъ китоловныхъ судовъ отчалило отъ берега и по командѣ: „бросай, бросай!“—на суднѣ все уже было готово, какъ будто дѣйствительно дѣло шло о нападеніи на кита. Быстрота и строгій порядокъ, съ которыми былъ продѣланъ этотъ маневръ, заслужили особое одобреніе Петра. Онъ осмотрѣлъ также помѣщенія, гдѣ производились всѣ операціи по вытапливанію жира, по отдѣленію китоваго уса и приготовленію клея и проч.,—ничто не ускользнуло отъ его вниманія.

Царь казался въ эти дни особенно возбужденнымъ и былъ въ превосходномъ настроеніи духа. Въ Заандамѣ, куда онъ часто пріѣзжалъ на своей яхтѣ, онъ сталъ меньше избѣгать толпы, и все чаще и чаще имѣли случай его видѣть и ближе ознакомиться съ его наружнымъ видомъ: онъ былъ высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія и съ пропорціональною таліею; его черныя и густыя брови давали его, нѣсколько округленному, лицу выраженіе немного суровое, которое, однако, смягчалось оттѣнкомъ добродушія. Онъ отличался быстротою въ своихъ движеніяхъ, проворствомъ и ловкостью въ работѣ; поступь его была твердая, походка торопливая; все говорило въ немъ о небывалой энергіи и непреодолимой силѣ духа.

Пріѣздъ посольства въ Гаагу и торжественный пріемъ его здѣсь.

Пріѣздъ россійскаго посольства ожидался въ Гаагѣ со дня на день. Еще въ началѣ іюля мѣсяца для него было приготовлено помѣщеніе въ гостиницѣ „Дуленъ“; въ то же время былъ сдѣланъ большой запасъ пищевыхъ продуктовъ и разныхъ винъ. Первые изъ нихъ, во избѣжаніе порчи, должны были ежедневно освѣжаться, что увеличивало, съ каждымъ днемъ, ожиданія пріѣзда посольства, и самые расходы, а вмѣстѣ съ ними—увеличивались и недовольство хозяина гостиницы и жалобы его. Уже теперь можно было ожидать, что испрошенной на содержаніе посольства суммы окажется недостаточно, и это впослѣдствіи, дѣйствительно, и подтвердилось.

Проживавшіе въ Амстердамѣ послы, казалось, были заняты болѣе своими личными дѣлами и разными развлеченіями, чѣмъ тѣмъ дѣломъ, для котораго они прибыли въ Голландію,—такъ, они дѣлали частыя экскурсіи въ окрестныя мѣстности.

Правительство было очень озабочено такимъ положеніемъ вещей и дѣлало, черезъ своего гофмейстера, у *Лефорта* неодно-

кратныя попытки, чтобы точно выяснить день пріѣзда посольства въ Гаагу. Члены этого посольства, въ свою очередь, указали, какъ на причину замедленія, на то, что они, узнавъ о намѣреніи голландскаго правительства устроить имъ въ Гаагѣ особо торжественный пріемъ, въ свою очередь желаютъ прибыть въ Гаагу во всемъ блескѣ, соотвѣтствующемъ ихъ высокому рангу. Дѣйствительно, со стороны русскихъ, было сдѣлано нѣсколько экстренныхъ заказовъ, пріуроченныхъ къ дню торжественнаго ихъ въѣзда въ Гаагу; такъ, было заказано: три роскошныхъ парадныхъ кареты, нѣсколько новыхъ блестящихъ костюмовъ и ливрей для свиты и для слугъ и проч. [1]).

Наконецъ, день торжественнаго въѣзда былъ уже опредѣленно назначенъ на 25 сентября, и такимъ образомъ прошло уже болѣе 2 мѣсяцевъ съ того дня, который голландское правительство намѣтило первоначально для устройства торжественной встрѣчи посольства въ резиденціи. Но и въ назначенный день это торжество все-таки не могло состояться и было отсрочено еще на два дня.

Только 26-го сентября послы отправились водою, на яхтѣ, въ Фоорбургъ; здѣсь они, остановившись въ гостиницѣ „Лебедь", переночевали, а на другой день—и обѣдали. Здѣсь же ими установленъ былъ и церемоніалъ шествія торжественнаго кортежа въ Гаагу, сходный съ церемоніаломъ въѣзда своего въ Амстердамъ, но на этотъ разъ кортежъ представлялъ еще болѣе великолѣпія и былъ еще многочисленнѣе. Теперь въ немъ участвовало 40 человѣкъ азіатъ и казаковъ, одѣтыхъ въ національные костюмы и вооруженныхъ луками со стрѣлами и копьями; кромѣ того, еще присоединилось 32 гайдука. Въ такомъ порядкѣ послы прослѣдовали до Гоорнбруга, моста между Дельфтомъ и Гаагою, гдѣ ихъ, по изстари заведенному обычаю, привѣтствовали двое лицъ,—*ванъ-деръ-Дусъ* и *Беккеръ*,—отъ имени Ихъ Высокомочій Генеральныхъ Штатовъ. Отсюда ихъ сопровождали до Гааги въ двухъ роскошныхъ, запряженныхъ каждая восьмеркою лошадей, придворныхъ парадныхъ каретахъ, изъ которыхъ одна, совершенно новая, обращала на себя особое вниманіе своею драгоцѣнною отдѣлкою. За этими каретами слѣдовали парадныя кареты пословъ и еще 14 другихъ каретъ, запряженныхъ по шести, по четыре и по двѣ лошади. Въ такомъ порядкѣ послы прослѣдовали до предназначеннаго для нихъ отеля на Турноой-

[1]) Полагаютъ, что заказы эти потребовали расходовъ до 200 тысячъ талеровъ.

Прим. автора.

вельдѣ. Здѣсь ихъ привѣтствовали восемь членовъ собранія Генеральныхъ Штатовъ, а именно: *ванъ-Эссенъ*, *Грунингсъ*, *Шаттеръ*, *ванъ-Гееке*, *ванъ-Домбургъ*, *ванъ-деръ-Ваейенъ*, *Лемкеръ* и *Вихерсъ;* всѣ эти лица, кромѣ того, оставались съ послами и во время роскошнаго ужина, предложеннаго гостямъ на государственный счетъ.

Еще въ то время, когда только-что устанавливался порядокъ шествія кортежа, возникло нѣкоторое пререканіе въ виду того, что послы потребовали, чтобы кареты, въ которыхъ должны были слѣдовать они, предшествовали бы каретамъ придворнымъ, между тѣмъ какъ обычай требовалъ обратнаго порядка; но это несогласіе скоро было улажено, также какъ и нѣкоторыя другія разногласія, возникшія позже, а именно—относительно расходовъ на содержаніе лицъ, принадлежащихъ къ свитѣ, число каковыхъ составляло въ то время уже 160 человѣкъ; желали устроить такъ, чтобы каждый изъ нихъ, на отпущенную ему авансомъ извѣстную сумму, самъ заботился о своемъ содержаніи, но таковой порядокъ найдено было возможнымъ установить по отношенію только къ нѣкоторымъ лицамъ изъ посольской свиты.

4-го октября послы обратились чрезъ своего секретаря и переводчика къ президенту собранія Генеральныхъ Штатовъ, прося его назначить имъ торжественную аудіенцію на слѣдующій день и, вмѣстѣ съ этимъ, представили грамоту ad omnes populos, въ которой были изложены всѣ ихъ титулы, принадлежащіе имъ какъ полномочнымъ посламъ Его Царскаго Величества. На просьбу объ аудіенціи послѣдовало согласіе и самая аудіенція была назначена, какъ объ этомъ ходатайствовалось, на слѣдующій день, т.-е. на 5-е октября, къ полудню.

Первая аудіенція посламъ.

При приближеніи часа аудіенціи трое лицъ: *ванъ-деръ-Дусъ*, *ванъ-Берстейнъ*, *ванъ-деръ-Ваейенъ* и *Слутъ* отправились въ каретахъ къ отелю, занимаемому послами, чтобы взять ихъ съ собою и съ тѣмъ же церемоніаломъ, съ какимъ они ввезены были въ городъ, доставить ихъ, провезя чрезъ лучшіе кварталы столицы, къ Бинненгофу; въ кортежѣ особенно выдѣлялся одинъ изъ секретарей посольства, ѣхавшій въ придворной парадной каретѣ и везшій съ собою ввѣрительную грамоту, запечатанную большою государственною печатью; грамота эта была заключена въ позолоченный ящикъ, обернутый въ парчу; затѣмъ, нѣсколько

лицъ изъ кортежа несли на виду подарки отъ Царя и отъ каждаго изъ пословъ; подарки эти состояли изъ богатѣйшихъ соболиныхъ шкуръ, общее число которыхъ простиралось до 600, а цѣнность ихъ превышала 10 тысячъ гульденовъ.

Пословъ провели чрезъ большой залъ къ вновь выстроенному генеральному залу засѣданій, такъ называемому „Тревескамеръ“, по сему торжественному случаю—въ первый разъ открытому. Посламъ чужестранныхъ державъ, какъ находившимся въ Гаагѣ въ качествѣ постоянныхъ представителей ихъ, такъ и прибывшимъ въ Голландію по случаю заключенія мирнаго трактата (Рисвикскаго), а равнымъ образомъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ высокаго положенія, была предоставлена возможность присутствовать на этой аудіенціи, а такъ какъ, въ то же время, сюда прибыла и значительная часть депутатовъ, то назначенный залъ едва былъ въ состояніи вмѣстить въ себѣ всѣхъ лицъ, составлявшихъ свиту, русскаго посольства.

Послы начали съ перечисленія всѣхъ титуловъ, принадлежащихъ Царю, ихъ повелителю; затѣмъ они привѣтствовали Ихъ Высокомочія (Генеральные Штаты) съ выраженіемъ имъ пожеланія добраго здравія; все это было сказано на русскомъ языкѣ, а переводчикамъ переведено на голландскій языкъ.

Іоганъ Беккеръ, бургомистръ города Миддельбурга и временный президентъ провинціи Зееландъ, обратился къ посламъ съ вопросомъ о Царскомъ здравіи. На это отвѣчалъ ему *Лефортъ*, который вмѣстѣ съ симъ вручилъ свои ввѣрительныя грамоты, а также царскій подарокъ, состоявшій изъ разныхъ дорогихъ мѣховъ. Ввѣрительныя бумаги были прочитаны и переведены. Въ нихъ указывалось, какъ на главную цѣль пріѣзда посольства: укрѣпленіе взаимной пріязни между обоими государствами, вступленіе въ переговоры по разнымъ общимъ вопросамъ, касающимся общественнаго блага и одинаково важнымъ для всѣхъ христіанскихъ государствъ, и, наконецъ, обсужденіе отдѣльныхъ вопросовъ, которые могутъ служить къ взаимной пользѣ обоихъ договаривающихся государствъ.

За этимъ послѣдовала рѣчь *Лефорта* и *Головина*, въ которой они, завѣривъ Ихъ Высокомочія въ желаніи ихъ Повелителя сохранять крѣпкую дружбу, вмѣстѣ съ тѣмъ доводили до свѣдѣнія государственныхъ чиновъ, что ихъ Монархъ ведетъ въ настоящее время войну и имѣетъ причины быть довольнымъ успѣхами своего оружія, ибо онъ одерживаетъ побѣды надъ непріятелемъ и завоевалъ обширную страну со многими городами, въ числѣ которыхъ находится знаменитая крѣпость

Азовъ. Въ заключеніе своей рѣчи, они сказали, что, въ цѣляхъ закрѣпленія взаимной дружбы между обоими государствами, они желаютъ сдѣлать ближайшія препозиціи и потому просятъ высокое собраніе соблаговолить назначить комиссію изъ своихъ членовъ, съ которыми они могли бы войти въ переговоры.

Послѣ того, какъ и эта рѣчь была переведена на голландскій языкъ, президентъ собранія, отъ имени Генеральныхъ Штатовъ, засвидѣтельствовалъ, что Штаты преисполнены уваженія къ Особѣ Царя и что, въ сознаніи большой важности для нихъ дружбы съ Царемъ, они питаютъ самое искреннее желаніе закрѣпить эту дружбу еще болѣе сильными узами. Президентъ, въ то же время, заявилъ, что они съ радостью встрѣчаютъ настоящее посольство и высокопочтенныхъ лицъ, составляющихъ его, а равно съ благодарностью принимаютъ предложенные имъ подарки; что они радуются успѣхамъ оружія Царя и желаютъ ему увеличенія его славы на благо его государству и его подданнымъ и, наконецъ, что будетъ назначена комиссія для подробнаго обсужденія ихъ предложенія.

Эта декларація была также переведена, чѣмъ и закончилась аудіенція, въ продолженіе которой стояли съ непокрытою головою, также какъ и всѣ члены собранія. Затѣмъ послы, съ соблюденіемъ того же церемоніала и сопровождаемые тремя делегатами Генеральныхъ Штатовъ, были отвезены въ занимаемый ими отель, гдѣ вскорѣ состоялся общій обѣдъ.

Лефортъ, въ другихъ случаяхъ ходившій всегда въ общемъ европейскомъ платьѣ, на этотъ разъ былъ одѣтъ въ спеціально русскій костюмъ, длинный кафтанъ изъ золотой парчи, отороченный драгоцѣннымъ мѣхомъ; при этомъ вся одежда, въ особенности его шапка и сабля блистали драгоцѣнными камнями. Все это—и оригинальный костюмъ, и блескъ золота, при его надменной и представительной наружности, обратило на него вниманіе. Головинъ и Возницынъ были одѣты въ платье изъ чернаго атласа, богато украшеннаго жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. На груди они носили портретъ Царя, а спину ихъ украшалъ двуглавый орелъ. Въ современныхъ журналахъ первый изъ нихъ описывается человѣкомъ высокаго роста, съ красивымъ и необыкновенно привѣтливымъ лицемъ; двое другихъ изображаются людьми крѣпкаго тѣлосложенія и высокаго роста; они считаются знатоками иностранныхъ языковъ и обладающими свѣтскимъ лоскомъ.

Поѣздка Царя въ Гаагу.

Царь сообщилъ *Витцену* и нѣкоторымъ другимъ лицамъ о своемъ желаніи присутствовать на аудіенціи, которая будетъ дана его посламъ, но при соблюденіи, съ его стороны, строжайшаго инкогнито, и они не могли отказать ему въ его просьбѣ—сопутствовать ему въ этой поѣздкѣ. Отъѣздъ Царя изъ Амстердама былъ назначенъ на 4 число октября.

Во время этого переѣзда Петръ обнаружилъ въ большей степени, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, съ одной стороны—свою крайнюю нетерпѣливость все видѣть и во всѣхъ мелочахъ осмотрѣть, а съ другой—нѣкоторый недостатокъ воспитанія и культурности, и мы затруднились бы все передать въ подробностяхъ, если бы *Нооменъ* не записалъ ихъ, слыша изъ устъ *ванъ-дер-Гейдена*, сына, слышавшаго, въ свою очередь, отъ самого *Витцена*, который разсказывалъ все это въ Заандамѣ членамъ правительства. И такъ, полагаясь на достовѣрность и правдивость этихъ данныхъ, мы не считаемъ себя въ правѣ скрыть разсказъ объ этой поѣздкѣ *Петра*, особенно характерной, и приводимъ изъ него слѣдующее.

Бургомистръ, въ сопровожденіи двухъ лицъ, поѣхалъ, въ своей каретѣ, за Царемъ. Этотъ послѣдній хотѣлъ взять съ собою своего карло (или шута), и сколько ему ни доказывали, что это слишкомъ стѣснитъ всѣхъ въ каретѣ, *Петръ* не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія и объявилъ, что, въ такомъ случаѣ, онъ посадитъ его къ себѣ на колѣни. Послѣ этого пришлось взять карла съ собою и приготовить мѣсто въ каретѣ.

Царь потребовалъ, чтобы ѣхали кругомъ всего города. Увидя здѣсь много мельницъ, Царь, указывая то на одну изъ нихъ, то на другую, постоянно спрашивалъ: „Тутъ что дѣлаютъ? А тутъ что?“ Замѣтивъ одну мельницу, около которой не видно было никакого матеріала для работы, и узнавъ, что это шлифовальная мельница, Царь закричалъ: „Хочу ее видѣть!“ Остановили карету, но мельница оказалась запертою; послали за ключемъ; но такъ какъ его долго не могли найти, то поѣхали дальше.

На Гаарлемской дорогѣ Царь увидѣлъ небольшую водочерпательную мельницу (для осушки луговъ и проч.); когда онъ узналъ о назначеніи этой мельницы, онъ снова потребовалъ остановиться, говоря: „хочу ее осмотрѣть!“ Ему указали, что

кругомъ стоитъ болото и что онъ промочитъ свои ноги. Тѣмъ не менѣе, все-таки принуждены были остановиться. Онъ бѣгомъ направился къ мельницѣ, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ такъ много воды, что, волею-невою, долженъ былъ повернуть назадъ, при чемъ, все-таки, изрядно промочилъ свои ноги.

Прибывъ въ Гаарлемъ, Царь потребовалъ и здѣсь, чтобы ѣхали не черезъ городъ, а объѣхали бы его кругомъ; когда же Витценъ объяснилъ ему, что это невозможно исполнить, Царь завернулся весь съ головою въ свой плащъ и въ такомъ видѣ проѣхалъ чрезъ весь городъ.

Проѣзжая мимо одной, очень богатой, дачи въ окрестностяхъ Гаарлема, Царь спросилъ: „чья дача эта?“ *Витценъ* отвѣтилъ, что она принадлежитъ извѣстному негоціанту изъ Амстердама. „Хочу ее видѣть!“ снова потребовалъ Царь. Было испрошено у хозяина и получено разрѣшеніе осмотрѣть ее. Но Царь потребовалъ, чтобы, предварительно, всѣ находившіеся на этой дачѣ вышли изъ нея вонъ. Витценъ замѣтилъ, что можно просить, но приказать нельзя, такъ какъ самъ хозяинъ и его супруга находятся дома. Изъ уваженія къ бургомистру хозяева дачи исполнили желаніе Царя, и онъ осмотрѣлъ подробно всю дачу и окрестныя мѣста, послѣ чего снова продолжали путь.

Благодаря всѣмъ такимъ задержкамъ, скоро наступилъ вечеръ и темнота не позволяла уже ничего больше видѣть. Но подъѣзжая къ Гаагскому переѣзду на паромѣ, Царь почувствовалъ небольшой толчекъ при въѣздѣ кареты на паромъ. „Что это такое!“ спросилъ Царь. Ему отвѣтили, что переѣзжаютъ черезъ рѣку. „Хочу видѣть это“—говоритъ Царь. Ему даютъ фонарь. Онъ начинаетъ измѣрять дюймомѣромъ ширину, длину и глубину парома и продолжаетъ это дѣлать до тѣхъ поръ, пока порывомъ вѣтра не погасило фонаря.

Они прибыли въ Гаагу около 11 часовъ вечера и устроили Царя въ гостиницѣ „Амстердамъ“. Первымъ его вопросомъ было: „гдѣ я буду спать?“ Ему указали парадную кровать въ роскошно убранной комнатѣ. Но онъ выбралъ маленькую каморку, въ верхнемъ этажѣ, съ простою кроватью; а вслѣдъ затѣмъ онъ объявилъ: „хочу быть вмѣстѣ съ посольствомъ“, и какъ ни убѣждали его отказаться отъ этого намѣренія, ссылаясь на то, что (теперь) было уже за полночь,—ничто не помогало; принуждены были запречь лошадей въ карету и отвезти Царя въ отель „Старый Дуленъ“.

Здѣсь также первымъ вопросомъ Царя было: „гдѣ я буду спать?“ Ему показали кровать въ приличной комнатѣ, но это ему тоже не понравилось. Онъ бросился самъ разыскивать себѣ мѣсто, гдѣ онъ могъ бы устроиться на ночлегъ, и, перебѣгая изъ стороны въ сторону, замѣтилъ, наконецъ, одного изъ низшихъ служителей, который храпѣлъ, растянувшись на медвѣжьей шкурѣ. „Вставай, вставай“, закричалъ ему Царь и ткнулъ въ него ногой. Тотъ открылъ глаза, раздосадованный тѣмъ, что его разбудили; тогда Царь снова закричалъ: „Ну, ну! Вставай, вставай! Я лягу здѣсь самъ!“ Наконецъ служитель хорошо разсмотрѣлъ, кто его такъ безцеремонно разбудилъ, и поспѣшно оставилъ свою постель. „И вотъ, говоритъ Нооменъ, на этой, еще теплой, медвѣжьей шкурѣ Его Царское Величество нашелъ себѣ ночной покой“.

Царь въ Гаагѣ.

Въ день, назначенный для аудіенціи, Царь одѣлся въ костюмъ простого дворянина, состоявшій изъ голубого кафтана, обшитаго нѣсколькими золотыми галунами; на головѣ онъ имѣлъ большой русый парикъ, а шляпа была украшена бѣлыми перьями. За нимъ пришелъ *Витценъ*, который и провелъ его въ залъ, сосѣдній съ аудіенцъ-заломъ (Травескамеръ), чтобы оттуда Царь, оставаясь самъ незамѣченнымъ, могъ видѣть весь церемоніалъ предстоявшей аудіенціи. Такъ какъ прошло нѣкоторое время, а кортежъ еще не показывался у дворца, то Царь замѣтилъ: „это слишкомъ затягивается“. Его нетерпѣніе еще болѣе увеличилось, когда среди присутствующихъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Царь находится въ сосѣдней комнатѣ и взоры всѣхъ стали устремляться въ эту комнату. Наконецъ Петръ рѣшилъ уйти, но такъ какъ въ этомъ случаѣ ему пришлось бы проходить чрезъ большой залъ, гдѣ уже собрались государственные чины, то онъ потребовалъ, чтобы всѣ тамъ находившіеся повернулись лицомъ въ сторону и не смотрѣли бы на него въ то время, когда онъ будетъ проходить. *Витценъ* на это замѣтилъ, что онъ не можетъ приказать Генеральнымъ Штатамъ, такъ какъ они являются представителями верховной власти въ государствѣ; но что онъ, во всякомъ случаѣ, попробуетъ просить ихъ объ этомъ. Витценъ такъ и сдѣлалъ и получилъ въ отвѣтъ: Генеральные Штаты могутъ подняться со своихъ мѣстъ, когда будетъ проходить Царь, но отнюдь не встать спиною къ Царю. Тогда *Петръ* повернулъ свой парикъ

задомъ напередъ, закрывъ имъ свое лицо, и поспѣшно направился чрезъ Травескамеръ и вестибюль и спустился внизъ.

Какъ долго оставался Царь въ Гаагѣ—намъ неизвѣстно. Дворъ и магистратъ этого города хотѣли дать нѣсколько чрезвычайныхъ празднествъ и увеселеній въ честь высокаго гостя; но это было вѣжливо отклонено. Поэтому ограничились тѣмъ, что приняли всѣ мѣры, чтобы показать Царю все, что имѣлось наиболѣе достопримѣчательнаго въ Гаагѣ.

Штатгальтеръ, король *Вильгельмъ* въ виду нахожденія Царя при посольствѣ, прибылъ лично въ Гаагу и, оставляя въ сторонѣ этикетъ, имѣлъ здѣсь неоднократныя свиданія и бесѣды съ русскимъ Монархомъ.

11-го октября Петръ присутствовалъ на обѣдѣ, данномъ, въ честь русскаго посольства, дипломатическому корпусу двумя полномочными министрами, прибывшими въ Голландію по случаю заключенія Рисвикскаго мирнаго договора—Гейнзіусомъ ванъ-Веде *ванъ-Дейквельде* и Вильгельмомъ *ванъ-Гареномъ*. Царь явился сюда въ качествѣ одного изъ дворянъ, состоящихъ при русскомъ посольствѣ, и былъ посаженъ между *Витценомъ* и секретаремъ *Фагелемъ*. За обѣдомъ Петръ имѣлъ случай ближе познакомиться съ упомянутыми выше истинно государственными людьми—*ванъ-Веде* и *ванъ-Гареномъ*. Несложная организація канцеляріи Ихъ Высокомочій заслужила одобреніе Царя, и онъ просилъ секретаря Фагеля указать ему человѣка, способнаго реформировать Государственную Канцелярію въ Россіи. Нашелъ ли онъ тогда какое-либо подходящее для этого лицо—мы не знаемъ, но въ то же время намъ достовѣрно извѣстно, что впослѣдствіи названное государственное учрежденіе было переустроено именно по образцу голландскому.

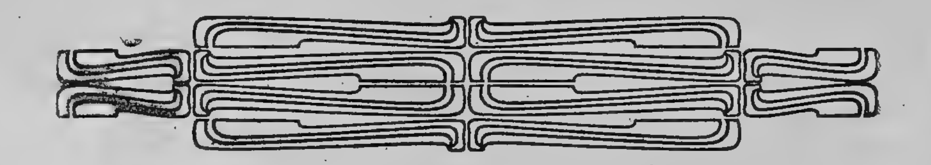
Царь имѣлъ сильное желаніе познакомиться съ знаменитымъ инженеръ-генераломъ *ванъ-Кугоорномъ*. Мы не знаемъ, гдѣ именно это случилось—въ Гаагѣ или въ Амстердамѣ, но Царь встрѣтился съ нимъ и имѣлъ продолжительный разговоръ. И никто изъ знавшихъ этого замѣчательнаго человѣка, пользовавшагося такимъ уваженіемъ среди всѣхъ своихъ согражданъ, не будетъ удивляться, что сдѣланное ему *Петромъ* предложеніе—перейти на службу въ Россію, какъ ни было оно выгодно и почетно—все-таки было имъ отклонено.

Послѣ отказа генерала Кугоорна Царь, какъ говорили, хотѣлъ пригласить въ Россію сына его, Генриха Казиміра, который, подобно отцу своему, также обладалъ глубокими математическими познаніями, но его расположеніе къ меланхоліи

было причиною, что дѣло разстроилось и приглашеніе не состоялось. Позже Кугоорнъ рекомендовалъ Петру нѣсколькихъ нидерландскихъ инженеровъ, въ числѣ которыхъ были: *Ольтгофъ*, *Гиксеніусъ* и *Вурманъ* или Веерманъ. *Шельтинга*, въ качествѣ морского офицера перешедшій на русскую службу и о которомъ мы будемъ говорить ниже, былъ родственникомъ Кугоорна и, вѣроятно, имъ же и былъ рекомендованъ Царю. Если не ошибаемся, между *Петромъ* и *Кугоорномъ* позже установилась переписка. Два русскихъ князя, состоявшихъ, въ качествѣ добровольцевъ, при союзныхъ войскахъ въ первую кампанію войны за испанское наслѣдство и въ которыхъ Царь принялъ большое участіе, были особенно рекомендованы Кугоорну и сопутствовали ему въ продолженіе всего того времени, покуда его слабое здоровье дозволяло ему нести всѣ тягости войны.

А. С. Лацинскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Религіозно-философскія письма Н. И. Пирогова [1]).

Какимъ бы предметомъ ни занимался человѣкъ науки, всѣ знаютъ, что онъ никакъ не отдѣлается отъ назойливаго вопроса: во что онъ вѣритъ; а этотъ вопросъ—самый главный: согласно ли его вѣрованіе съ убѣжденіями, добытыми имъ путемъ науки?

Пироговъ „Дневникъ", изд. 1910 стр. 164.

Теперь я изолью предъ тобою все, какъ понимаю три христіанскія добродѣтели, основу ученія Христа, основу нашей земной и залогъ нашей будущей жизни. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы и дѣти мои проникнуты были этими же убѣжденіями, но чтобы они дошли къ нимъ не тѣмъ же путемъ, опаснымъ и обрывистымъ, путемъ сомнѣній и заблужденій,—которымъ дошелъ отецъ ихъ.

Вѣра [2]). Мы должны вѣрить въ Откровеніе, такъ какъ Оно этого требуетъ: полагаясь на одно свидѣтельство Спасителя Самого о Себѣ. Ты помнишь, что Спаситель сказалъ фарисеямъ на ихъ возраженія: „Ты Самъ свидѣтельствуешь о Себѣ, свидѣтельство Твое не истинно". „Ежели Я и Самъ свидѣтельствую о Себѣ, сказалъ имъ Іисусъ въ отвѣтъ, то свидѣтельство Мое истинно; ибо Я знаю, откуда пришелъ и куда иду; а вы не знаете откуда Я, и куда иду". (Ев. Іоан. 8. 14).

Фарисеямъ было легче вѣрить нашего. Предъ ними совер-

---

[1]) См. „Русская Старина", январь 1916 г.

[2]) „*Вѣра* же есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ". (Посл. къ Евр. Св. Павла. 11, 1).

Выноска Пирогова.

шались чудныя дѣла Спасителя, они наслаждались лицезрѣніемъ Его Божественнаго лица; они видѣли собственными глазами то, о чемъ мы теперь только слышимъ.—Намъ переданы слова, дѣла и свидѣтельства Спасителя о Себѣ, не Имъ Самимъ, но вдохновенными Его учениками; и поэтому намъ, чтобы вѣрить въ Него, *нужно сначала вѣрить въ истину свидѣтельствъ Его учениковъ.* Спаситель намъ ничего не оставилъ письменнаго о Себѣ. Слова Его совершаются. „Совершилось", произнесенное Имъ на крестѣ, измѣнило направленіе всего міра.

Все Высокое, чѣмъ отличается нашъ міръ отъ міра языческаго, проистекло изъ откровенія. Но все же, чтобы вѣрить съ полнымъ и сердечнымъ убѣжденіемъ въ событія, измѣнившія лицо всей земли, мы должны вѣрить неизмѣнно *въ истину свидѣтельствъ Евангелистовъ и Апостоловъ.* Поэтому историческое изученіе Новаго Завѣта необходимо каждому христіанину и многіе святые отцы, жившіе въ первые вѣка христіанства, посвящали всю жизнь свою на изученіе источниковъ, изъ которыхъ почерпали свое ученіе и на распространеніе ихъ въ народахъ. Намъ остались свидѣтельства четырехъ Евангелистовъ и пяти Апостоловъ. Въ нашъ вѣкъ, да еще и въ прошедшихъ столѣтіяхъ, многіе пытались вникать въ эти источники; и такъ какъ книгопечатаніе въ тѣ времена еще не существовало, все передавалось преданіемъ и письменами, а рукописи и преданія, переходя изъ рукъ въ руки и изъ устъ въ уста, были нерѣдко измѣняемы переписчиками и толкователями; оригинальныя же рукописи до насъ дошли едва въ неполныхъ отрывкахъ; то сомнѣніе при изслѣдованіи источниковъ было почти необходимо.

Послѣ реформаціи, когда различныя философскія ученія и историческая критика приняты были знаменитѣйшими теологами, сомнѣніе въ исторической части христіанскаго ученія дошло, наконецъ, до того, что нѣкоторые начали разсматривать Спасителя не какъ лицо, существовавшее на землѣ въ человѣческомъ видѣ, но какъ одинъ священный мифъ. Чтобы быть истинными христіанами, не будучи сами глубокими и учеными изслѣдователями, знающими въ совершенствѣ древніе языки и способными почерпать ученіе Христа въ первоначальныхъ Его источникахъ, сличая рукописи, дошедшія до насъ, и отличая истинныя отъ подложныхъ,—мы должны вѣрить въ тѣ источники, которые переданы намъ святыми и благочестивыми мужами, жившими въ первыхъ вѣкахъ христіанства.

Такъ, мы должны знать, что самое древнее Евангеліе есть Евангеліе Матѳея, родомъ изъ Галилеи, бывшаго прежде

мытаремъ и называвшагося Левіемъ. Онъ оставилъ свою должность собирателя налоговъ, къ которой былъ опредѣленъ Римскимъ правительствомъ, обратился къ ученію Христа чрезъ вдохновеніе; онъ бросилъ выгодное мѣсто, зная, что преслѣдованіе и нищета будетъ его удѣломъ. Онъ былъ изъ числа 12. Онъ училъ послѣ Вознесенія Христа въ Іудеѣ и написалъ Евангеліе 8 лѣтъ спустя послѣ Вознесенія на сирійско-халдейскомъ или измѣненномъ еврейскомъ языкѣ. Жизнь его описали Оригенъ, св. Іеронимъ, Евзебій и св. Августинъ.

Секта эбіонитовъ, появившаяся въ первомъ вѣкѣ христіанства, измѣнила Евангеліе Матѳея и изъ этого произошло нѣсколько подложныхъ рукописей. Настоящая рукопись затеряна и остался переводъ на греческомъ языкѣ, сдѣланный, какъ думаютъ, также однимъ изъ Апостоловъ. Цѣль благовѣтствованія св. Матѳея состоитъ въ томъ, чтобы описать родоначаліе Іисуса Христа и Его всю человѣческую, земную жизнь. Но онъ описалъ ее не въ хронологическомъ порядкѣ, какъ евангелистъ Лука, а особенно вошелъ въ подробности описанія Его дѣлъ и изображенія нравственно-практической ихъ стороны, и потому въ этомъ (нравственно практическомъ) отношеніи благовѣтствованіе Матѳея выше всѣхъ другихъ. Онъ велъ строгую жизнь, питался одними кореньями и плодами и умеръ замученный въ Эѳіопіи.

Евангелистъ Маркъ былъ родомъ еврей. Онъ принялъ христіанское ученіе уже послѣ Воскресенія Христа, слѣдовалъ за апостоломъ Петромъ и былъ его толкователемъ. Онъ переводилъ, какъ думаютъ, на греческій и латинскій языки посланіе Апостола Петра. Онъ писалъ Евангеліе чрезъ 12 лѣтъ послѣ Вознесенія, на какомъ языкѣ не совсѣмъ рѣшено; большая часть думаетъ, что на греческомъ. Въ Венеціи сохраняютъ 5 тетрадей рукописей, но они такъ стары и разрушены, что нельзя рѣшить, писаны ли на греческомъ или на латинскомъ; но и про этотъ манускриптъ послѣ было узнано, что онъ былъ сдѣланъ въ 6 столѣтіи и, слѣдовательно, не оригинальный.

Св. Августинъ говоритъ, что сократилъ только Евангеліе Матѳея; однако же, онъ держится въ благовѣтствованіи своемъ болѣе порядка хронологическаго, какъ св. Лука, и присоединяетъ нѣкоторыя подробности, которыя не находятся въ Евангеліи св. Матѳея. Такъ, повѣствованіе о двухъ лептахъ вдовицы и вкратцѣ явленія Спасителя двумъ ученикамъ, шедшимъ въ селеніе Эммаусъ, послѣ Воскресенія, онъ разсказываетъ съ большою подробностію объ отреченіи Петра, но не говоритъ, что

Спаситель сказалъ въ пользу Петра. Это объясняется апостольскимъ смиреніемъ; вѣроятно, самъ апостолъ Петръ, котораго онъ былъ вѣрнымъ спутникомъ и послѣдователемъ, велѣлъ нарочно сказать о себѣ болѣе того, что служило къ невыгодному о немъ мнѣнію. Онъ былъ съ Петромъ въ Римѣ и потомъ проповѣдывалъ въ Александріи и въ Египтѣ, гдѣ и замученъ въ день богослуженія богу Серапису.

Евангелистъ Лука былъ родомъ изъ Антіохіи (въ Сиріи), получилъ весьма тщательное воспитаніе; былъ врачъ и живописецъ (св. Павелъ говоритъ о немъ въ посланіи „И нашъ братъ, возлюбленный Лука, врачъ"). Онъ, по общепринятымъ свидѣтельствамъ, сдѣлался послѣдователемъ ученія Христа послѣ уже Его Вознесенія и, вѣроятно, чрезъ апостола Павла, котораго онъ былъ вѣрнымъ спутникомъ и сотрудникомъ (спустя 50 лѣтъ послѣ Христа). Онъ былъ съ нимъ вмѣстѣ въ Римѣ, въ темницѣ, посылаемъ имъ былъ къ Коринфянамъ. Вѣроятно онъ написалъ свое благовѣтствованіе чрезъ 53 года послѣ Вознесенія. Онъ самъ объясняетъ въ придисловіи причины, побудившія писать его Евангеліе: „Какъ уже многіе начали описывать происшествія, извѣстныя между нами, какъ предали намъ первоначальные самовидцы и служители Слова,— разсудилось и мнѣ, по точномъ изслѣдованіи всего сначала, по порядку описать тебѣ, достопочтенный Ѳеофилъ, чтобы удостовѣрить тебя въ томъ, чему ты былъ поучаемъ" (Ев. Луки. Гл. I),

Такъ (какъ?) въ первые годы христіанства слухи и разсказы о событіяхъ должны были быть весьма различны, даже противорѣчащіе, духъ различныхъ, враждующихъ между собою, партій, долженъ былъ затемнять истину случившагося, то св. Лука и предпринялъ самъ, изслѣдовавъ и распросивъ очевидцевъ, составить вѣрное описаніе всему бывшему. Ѳеофилъ, къ которому онъ относится, былъ по мнѣнію толкователей знатный римлянинъ, обратившійся въ христіанство, которому онъ и объясняетъ, переводя на греческій нѣкоторыя еврейскія слова, какъ-то: равви (учитель), аминь, и названіе еврейскихъ городовъ.

Св. Лука преимущественно обращаетъ вниманіе въ своемъ Евангеліи на священнодѣйствія Христа и входитъ въ подробности, которыхъ нѣтъ у другихъ евангелистовъ. Онъ писалъ по-гречески и слогомъ чистымъ и яснымъ. Вотъ, что говоритъ про его благовѣтствованіе абб. Dassange:

„Величіе, съ которымъ представлены самыя прекрасныя мистеріи, которыя выше всякаго выраженія, выше нашего спо-

соба изложенія событій, это величіе, въ которомъ не замѣчаешь ни одного высокопарнаго слова, имѣетъ въ себѣ нѣчто божественное. Энергія, съ которой говоритъ евангелистъ о терпѣніи, о кротости, о милосердіи Богочеловѣка, о Его ученіи, Его жизни; хладнокровіе, съ какимъ говоритъ онъ о страданіяхъ и смерти Спасителя; его стремленіе избѣгать всякихъ восклицаній, воздерживаться отъ грубыхъ эпитетовъ, которые обычно придаютъ врагамъ тѣхъ, кого любятъ,—во всемъ этомъ есть то великое, благородное, трогательное, убѣдительное, что мы напрасно стали бы искать въ самыхъ прекрасныхъ оборотахъ рѣчи. Благодаря этой простотѣ, великія дѣянія говорятъ, такъ сказать, сами за себя, и человѣческое краснорѣчіе могло бы лишь уменьшить блескъ ихъ" [1]).

Этотъ же евангелистъ прекрасно описалъ дѣянія Апостоловъ въ теченіе 30 лѣтъ, которыхъ онъ былъ самъ очевидцемъ. Прекрасный есть отрывокъ Шатобріана объ Евангеліи св. Луки.

Выписавъ первую главу этого Евангелія, Chateaubriand говоритъ:

„Мы думаемъ, что знаемъ немного античный міръ, и утверждаемъ, что долго пришлось бы искать среди лучшихъ геніевъ Рима и Греціи прежде, чѣмъ нашли бы нѣчто столь же простое и столь же чудесное. *Всякій, кто прочтетъ* (это особливо прекрасно и истинно) Евангеліе хоть съ небольшимъ вниманіемъ, откроетъ въ немъ во всякій моментъ дивныя цѣнности, ускользающія отъ нашего вниманія раньше всего вслѣдствіе своей простоты (Génie du christianisme) [2]).

Св. Лука умеръ распятый въ Пелопонесѣ по однимъ (свѣдѣніямъ?), по другимъ онъ умеръ въ старости въ Виѳиніи, претерпѣвъ много за вѣру.

Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, любимый ученикъ Спасителя, былъ родомъ изъ Галилеи, до Апостольства онъ занимался рыбною ловлею. Думаютъ также, что онъ былъ сначала ученикомъ Іоанна Крестителя. Ему было тогда 25 лѣтъ и онъ былъ самымъ младшимъ изъ учениковъ. Спаситель его называлъ „Воанергесъ", т.-е. сыномъ грома. Про себя онъ всегда говоритъ въ Евангеліи: „ученикъ, котораго любилъ Іисусъ".

---

[1]) У Пирогова этотъ отрывокъ приводится по-французски. См. январь, стр. 105, прим. первое.

[2]) У Пирогова — по-французски, кромѣ словъ, взятыхъ въ скобки, какъ его собственный текстъ.

Онъ былъ при Вознесеніи; глава его покоилась на груди Искупителя во время Тайной Вечери. И когда Іисусъ объявилъ „что одинъ изъ учениковъ предастъ Его“, тогда ученики озирались другъ на друга, недоумѣвая, о комъ Онъ говоритъ. Одинъ же изъ учениковъ Его, *котораго любилъ Іисусъ, возлежалъ у груди Іисуса.* Ему Симонъ-Петръ сдѣлалъ знакъ, чтобы спросилъ, кто это, о комъ говоритъ? Онъ, припадши къ груди Іисусовой, сказалъ ему: „Господи! Кто это“? (13. 23. 24).

Отвѣтъ Іисуса слышалъ только одинъ Іоаннъ. Іоаннъ провожалъ Спасителя на Голгоѳу. Его стараніямъ поручилъ Распятый Свою Мать. „Вотъ Мать Твоя!“, сказалъ Онъ ему, и съ тѣхъ поръ онъ принялъ Ее въ свой домъ. Іоаннъ принялъ послѣдній вздохъ Искупителя и слышалъ роковое: „свершилось“. Онъ былъ другъ Петра; оба первые побѣжали на зовъ изумленной Магдалины и взошли первые въ пустой гробъ Воскресшаго. Имъ же явился Іисусъ, когда они ловили рыбу, и Іоаннъ первый узналъ Его, сказавъ объ этомъ и Петру.

И когда Іисусъ сказалъ Петру, давая разумѣть, какою смертію онъ прославитъ Бога, „иди за Мною“, Петръ, обратясь, видитъ идущаго за Нимъ ученика, *котораго любилъ Іисусъ*, и который на вечери, прислонясь къ груди Іисусовой, сказалъ: „Господи, кто предастъ Тебя?“ Его увидѣвъ, Петръ говоритъ Іисусу: „Господи! а онъ что“? Іисусъ говоритъ ему: „есть ли Я хочу, чтобъ онъ оставался, пока Я приду, что тебѣ до того, ты иди за Мною“. И такъ пронеслось слово сіе между братіями, что ученикъ тотъ *не умретъ*; но Іисусъ не сказалъ ему, что не умретъ; а только сказалъ: „если хочу, чтобы онъ оставался, пока приду, что тебѣ до того“. (21, 21. 22. 23). Онъ былъ мучимъ при Императорѣ Домиціанѣ. Ему было уже 95 лѣтъ, когда онъ написалъ Евангеліе. Онъ приготовлялся къ этому благовѣтствованію нѣсколько дней постомъ, молитвою и вдохновеніемъ и вдохновенный изрекъ: „Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово“.

Другіе Евангелисты говорили о человѣчествѣ Іисуса; Іоаннъ— о Его божественномъ началѣ. Это мой любимый евангелистъ. Онъ смотритъ на Христа и на ученіе Христа болѣе со стороны *отвлеченной* (идеальной), онъ болѣе другихъ говоритъ о любви другъ къ другу, онъ оканчиваетъ въ маститой старости и жизнь свою словами: „Дѣти, любите другъ друга; такъ повелѣлъ Господь, и если это будете соблюдать, то уже этого одно довольно, чтобъ спастися“. Онъ писалъ Евангеліе по-гречески, и въ 6 столѣтіи, говорятъ, еще сохранялась въ Ѳеесѣ собственная его рукопись.

Одинъ грекъ язычникъ изъ философской школы Платона сказалъ про Евангеліе Іоанна, что начало его книги заслуживаетъ быть написаннымъ золотыми буквами надъ дверьми храмовъ.

„Люди, не останавливайтесь на томъ, чѣмъ начинается благовѣствованіе къ Маріи. Говорите вмѣстѣ со мною: *Въ началѣ* бѣ Слово. Но зачѣмъ говорить о началѣ, разъ рѣчь идетъ о томъ, что не имѣетъ начала? Такъ сказано въ томъ смыслѣ, что *оно существовало* въ началѣ всѣхъ началъ: его не создавали, не творили, но *оно было*. Что-же это было? Что такое то, что, не будучи создано, не имѣя начала, существовало уже тогда, когда Господь началъ творить? Было ли оно хаотической матеріей, которую Господь началъ обработывать, приводить въ движеніе и придавать ей форму? Нѣтъ, то, что было въ началѣ, было слово, внутреннее слово, мысль, разумъ, понятіе, мудрость, внутренняя рѣчь; рѣчь безъ разговора, гдѣ одно не извлечено изъ другого путемъ заключеній; но рѣчь, въ которой существенно заключена вся истина и которая сама есть истина. *Оно было, оно существовало,* оно, такъ сказать, было не нѣчто присущее Богу, нераздѣльное съ нимъ, но нѣчто пребывающее въ Богѣ, какъ бы въ немъ существующее, какъ бы нѣкое лицо въ Богѣ, и именно другое лицо, нежели то, въ коемъ оно пребываетъ. И слово, находящееся въ Богѣ, пребывающее въ Немъ, существующее въ Немъ, въ самомъ Богѣ являющее нѣкое лицо, отъ Него происшедшее и въ Немъ пребывающее,—всегда рождаемое, всегда пребывающее въ Его лонѣ. Оно въ немъ рождено, поелику Оно есть Сынъ; оно въ Немъ пребываетъ, поелику оно мысль вѣчно существующая. Оно Богъ, какъ и Тотъ, отъ Кого оно рождено. Ибо Слово было Богъ: Богъ въ Богѣ, Богъ отъ Бога, рожденное отъ Бога, существующее въ Богѣ“ [1]).

И такъ, вотъ мужи, въ Авторитетъ и свидѣтельства которыхъ мы должны вѣрить, чтобы вѣрить въ земную жизнь и дѣла Спасителя. Изъ всего, что они намъ оставили по себѣ, явствуетъ, что они стремились къ высокой цѣли въ жизни, не страшились ни бѣдствій, ни мученій, ни самой смерти, чтобы достигнуть распространенія своихъ убѣжденій въ истинѣ ими видѣннаго и слышаннаго. Ихъ дѣла, ихъ жизнь, сколько намъ объ этомъ извѣстно по преданіямъ и по свидѣтельствамъ, доказываютъ намъ, что *Вдохновеніе и Духъ Истины*, ниспосланный имъ свыше, долженъ былъ руководить ими и осѣнять ихъ.

---

[1]) Цитируется Пироговымъ по-французски. Переводъ редактированъ профессоромъ С. М. Заринымъ. См. январь, стр. 97.

„Но Я истину говорю вамъ, сказалъ Спаситель имъ (по свидѣтельству Іоанна), лучше для васъ, чтобы Я пошелъ; ибо есть ли Я не пойду, то *Утѣшитель* не пріидетъ къ вамъ; а если пойду, *то пошлю Его къ вамъ...* Когда пріидетъ Онъ, *Духъ Истины,* то наставитъ васъ на всякую истину; ибо не отъ Себя говорить будетъ, но будетъ говорить, что услышитъ, и будущее возвѣститъ вамъ". (16, 7. 13). За Идею въ истинѣ, въ которой они не были бы убѣждены *свыше,* имъ бы не возможно было претерпѣвать и бороться такъ, какъ они боролись и терпѣли. И такъ, жизнь ихъ доказываетъ намъ истину ихъ Авторитета.

22 апрѣля.

Хотѣлъ было продолжать писать о вѣрѣ, но получилъ твое письмо отъ 11 апрѣля; оно меня вмѣсто успокоенія, которое ты предполагала имъ доставить, сильно взволновало. На первыхъ же строкахъ я прочелъ: „Ты въ большемъ разладѣ съ самимъ собою, ты несправедливъ противъ себя, ты *домогаешься недосягаемаго совершенства,* ты этимъ никогда не обрѣтешь *мира,* столь необходимаго для *нашего счастья*".

Вспомни, ты сказала: **„Да, я готова идти съ вѣрующимъ въ Идеалъ,** рѣшилась для будущаго жить въ борьбѣ". Что же для тебя теперь новаго, что я домогаюсь *недосягаемаго совершенства,* да это же и есть вѣра въ идеалъ, это и есть стремленіе къ тому, чего мы не можемъ достигнуть. Надѣюсь, ты поняла то, о чемъ ты сказала: **„да, я готова"**. О какомъ *мирѣ* и о какомъ *счастьи* ты мнѣ говоришь? Да развѣ я ищу ихъ здѣсь?

Я уже тебѣ и въ *вопросахъ жизни* [1]) и въ письмахъ вездѣ писалъ, гдѣ мое счастье. Оно *не здѣсь,* и мнѣ *не нужно его здѣсь* если я другихъ могу сдѣлать щастливыми, съ полнымъ убѣжденіемъ, съ собою,—то это мнѣ еще можетъ *напомнить,* и то напомнить только о настоящемъ счастьи. А миръ? Миръ души? Къ сожалѣнію, ты многія слова и мысли, я замѣтилъ, произносишь болѣе наслышкою, нежели глубоко вникнувъ въ ихъ смыслъ. Ты говоришь мнѣ о *разладѣ* съ самимъ собою, говоришь, что не можешь представить, чтобы человѣкъ, дѣлающій добрыя дѣла, могъ въ остальное, или въ нѣкоторое время, быть подлецомъ.

---

[1]) Курсивъ мой. Въ письмѣ къ художнику Ѳ. А. Моллеру о своемъ знакомствѣ съ А. А. Бистромъ на почвѣ согласія ея съ основными требованіями, изложенными въ его статьѣ „Вопросы жизни", Пироговъ говоритъ по поводу этой статьи: „Читая ихъ, я думаю, вы убѣдитесь, что безъ убѣжденія, безъ вдохновенія *мнѣ* нельзя ихъ было написать"...

Все это ты говоришь, нисколько не вникнувъ, нисколько не наблюдавъ за движеніями души. И между тѣмъ сама же чрезъ нѣсколько строчекъ толкуешь: мы суждены здѣсь на то: бороться, падать, грѣшить; т.-е., быть отъ времени до времени мыслію или дѣломъ бездѣльниками или подлецами. Что же тутъ не понятнаго?

Вспомни, что вся жизнь есть безконечная цѣпь, составленная только *изъ однѣхъ мгновеній;* мы живемъ мгновеніями: въ одно мгновеніе мы высоки, добры, прекрасны; въ другое низки, злы и подлы, и, даже дѣлая доброе по его слѣдствіямъ, можемъ быть худы внутренно, и, дѣлая злое по его слѣдствіямъ, можемъ быть высоки и добры внутренно. Это фактъ. И я себя, анализируя, подводилъ подъ этотъ фактъ, думая, что и ты мнѣ сообщишь наблюденія о себѣ. А ты мнѣ объясняешь то, что я такъ давно знаю.

Я въ разладѣ съ собою; но во мнѣ же есть и еще что-то повыше, *третье,* что наблюдаетъ и слѣдитъ за этимъ разладомъ; это-то наблюдающее третье, вѣроятно, не допуститъ, чтобы я сошелъ съ ума или лишилъ себя жизни отъ разлада,—что должно бы было непремѣнно быть,—какъ непосредственное слѣдствіе разлада съ собою, въ которомъ человѣкъ не можетъ должно существовать,—если только слово *разладъ* примемъ въ настоящемъ его смыслѣ, а не сдѣлаемъ изъ него *пустую фразу.*

Мое то *наблюдающее третье* и описываетъ тебѣ, что происходитъ въ душѣ моей, слѣдитъ, замѣчаетъ и говоритъ откровенно, не жалѣя ни меня, ни тебя: вотъ это хорошо, вотъ это подло и низко. Если оно тебѣ описываетъ болѣе худаго во мнѣ, нежели хорошаго, то это потому, что теперь, въ настоящія мгновенія, или, дѣйствительно, встрѣчается болѣе худаго или же оно тщательнѣе теперь присматриваетъ за худымъ.

Что касается до *мира* души и до средства, предлагаемаго піетистами, водворить этотъ миръ,—*молитвы;* то я ни того, ни другаго не принимаю *въ ихъ смыслѣ.* Не потому, чтобы я отвергалъ утѣшительное дѣйствіе молитвы; нѣтъ, ты найдешь довольно и въ моихъ письмахъ доказательствъ, что я также ищу въ ней утѣшенія и нахожу, какъ и все въ мірѣ земномъ, мгновенное. Но, считать молитву за *главное* въ жизни и искать въ ней *одно утѣшеніе,*— это не мое убѣжденіе; нѣтъ, это не мои идеи о христіанскомъ ученіи; я со дня на день болѣе и болѣе вникаю въ его смыслъ, и болѣе и болѣе убѣждаюсь и внутренно чувствую, въ чемъ, впрочемъ, и прежде уже былъ убѣ-

жденъ и прежде чувствовалъ: *дѣла, не молитва; вѣра дѣлъ;* а не *вѣра*, выраженная однимъ помысломъ и молитвою,—*вотъ моя вѣра.*

И покуда я не убѣдился, что дѣлаю доброе и дѣлаю безъ всякаго другаго, посторонняго намѣренія, а только съ однимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, что необходимо дѣлать доброе и дѣлать его съ любовью, съ наслажденіемъ, ища именно наслажденія только въ томъ, что дѣлаешь доброе изъ любви, — до тѣхъ поръ я не христіанинъ; и никакая молитва на свѣтѣ до тѣхъ поръ не можетъ меня утѣшить въ мгновеніе скорби; и еще бы было лучше, если бы добрыхъ (истинно добрыхъ) дѣлъ было столько въ моей жизни, чтобы *они мнѣ не давали времени и молиться;* тогда бы *вся жизнь моя была—молитва,* въ *настоящемъ, глубокомъ, христіанскомъ смыслѣ этого слова,* — т.-е. вдохновенная, богоугодная жертва любви въ земной жизни.

Прочти въ главѣ X у Матѳея, что заповѣдалъ Іисусъ своимъ 12 ученикамъ: „больныхъ исцѣляйте, говорилъ Онъ имъ, прокаженныхъ очищайте, мертвыхъ воскрешайте, бѣсовъ изгоняйте: даромъ получили, даромъ и давайте. Не берите съ собою ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы ваши. Ни суму на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни сапоговъ, ни посоха. Ибо трудящійся достоинъ пропитанія (10, 8, 10). Остерегайтесь людей (17). Будьте мудры, какъ зміи и незлобивы, какъ голуби (16). Когда будутъ предавать вамъ, не заботьтесь (19). И будете ненавидимы за Имя Мое; претерпѣвшій же до конца спасется (22). Когда же будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой (23).

Все *дѣла* и *дѣла.* Да *дѣла,* Саша. И такъ, ты должна бы была мнѣ сказать въ утѣшеніе, если бы ты знала мои убѣжденія и мысли о христіанствѣ, вполнѣ основанныя, какъ ты видишь, на Евангеліи, не это: „по мѣрѣ того, какъ ты *будешь больше и чаще молиться,* то покровъ Всевышняго осѣнитъ насъ, и доколѣ не будетъ мира душевнаго, мы еще не вполнѣ христіане“. Ты должна бы была сказать мнѣ: „по мѣрѣ того, какъ ты будешь *болѣе и чаще дѣлать дѣла въ духѣ христіанскаго ученія,* то покровъ Всевышняго осѣнитъ насъ; мира же душевнаго не ищи ни въ чемъ другомъ на землѣ“.

„Не думайте, сказалъ Спаситель, что Я пришелъ принести миръ на землю. Я пришелъ не миръ принести, но мечь. Ибо я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью, и невѣстку съ свекровью ея. И враги человѣку домашніе его. И кто не возьметъ креста Моего и не послѣдуетъ за Мною, тотъ

не достоинъ Меня. Берегущій душу свою, потеряетъ ее, а потерявшій душу свою за Меня, обрѣтетъ ее". (Матѳ. 10. 34—38).

И такъ, борьба и дѣятельность съ убѣжденіемъ, что бороться и дѣйствовать необходимо, что это цѣль. Мгновенія, въ которыя выражается предъ тобою мой разладъ со мною, не должны бы собственно существовать; онѣ должны бы были быть посвящены христіанской дѣятельности; также какъ мгновенія вдохновенія— молитвѣ; но, только однѣ мгновенія вдохновенія, оставшіяся свободными отъ дѣятельной, христіанской, практической борьбы. Вотъ какъ я постигаю жизнь.

И такъ, главное—учредить, чтобы наша дѣятельность была направлена въ духѣ ученія Христа; вотъ главное. Позаботься объ этомъ, направляй мои всѣ дѣла для этой цѣли, молись со мною въ *минуты вдохновенія* и будешь вѣрной спутницей *человѣка, вѣрующаго въ идеалъ.* Раскаяніе онъ будетъ находить въ дѣлахъ, направленныхъ съ этой цѣлью, мгновенное утѣшеніе въ этихъ же дѣлахъ, жертвоприношеніе Всевышнему въ дѣлахъ, любовь и упованіе—въ дѣлахъ, вѣру—въ дѣлахъ, все—въ дѣлахъ. Дѣла, совершаемыя въ христіанской борьбѣ, усладятъ горечь и трудности борьбы. Вдохновеніе подкрѣпитъ.

Стремленіе и чувство, что дѣятельно бороться, сдѣлаютъ Идею недосягаемости Идеала болѣе сносною и даже пріятною. А не такое утѣшеніе: „ты домогаешься недосягаемаго совершенства"!! Нѣтъ, „домогайся, Николай, борись, я борюсь съ тобою, я твоя вѣрная спутница, бодрствуй, дѣйствуй, стремись къ недосягаемому",—вотъ что бы должна говорить мнѣ, если бы *поняла меня совершенно;* грѣть, оживлять, укрѣплять; не холодить, не ослаблять. (Вотъ здѣсь мы должны такъ дѣйствовать, вотъ здѣсь такъ).

Мнѣ дѣятельная нужна жена, дѣятельная въ смыслѣ болѣе идеальномъ, поэтическомъ. Не одна только Марфа,—Марія. Вотъ почему я такъ и взошелъ въ подробности, разбирая: *молись, люби и трудись.* Безъ дѣлъ, нѣтъ спасенія, нѣтъ осуществленія любви, нѣтъ осуществленія вѣры, нѣтъ борьбы, нѣтъ цѣли. Главное, повторяю, и готовъ повторять тысячу разъ, направить дѣла въ духѣ христіанскаго ученія не для самолюбія, не для суеты, не для земныхъ благъ,—для *высшей* цѣли, для *стремленія къ Вѣчной Истинѣ, съ любовью въ сердцѣ,* съ желаніемъ благого.

Сдѣлай это, и молитва и вдохновеніе тогда придутъ сами по себѣ, какъ торжественный гимнъ, какъ выраженіе души, борющейся и устремленной туда, туда, высоко и далеко! И такъ, если хочешь истинно меня утѣшить, говори мнѣ въ твоихъ письмахъ:

какъ мы будемъ *дѣйствовать*, какъ мы должны направить наши дѣла, а не объ одной *молитвѣ и чувствахъ*.

Молитва и чувства невыразимы, необъяснимы, ихъ на бумагу не поймаешь; я знаю, что я говорю тебѣ жестко, но говорю то, въ чемъ убѣжденъ. Описывая мои тяжелыя мгновенія, мой разладъ, какъ ты думаешь съ собою,—я не жаловался тебѣ, я не выплакивалъ твоего сожалѣнія, не искалъ утѣшенія въ словахъ; я писалъ, чтобъ тебѣ [1]) представить внутренній бытъ души въ нѣкоторыя мгновенія жизни; но никогда не говорилъ, что *вся моя жизнь* составлена изъ этихъ однихъ мгновеній, что я желаю отъ нихъ теперь же, во что бы то ни стало, освободиться. Онѣ необходимы, я это знаю; онѣ должны быть; онѣ, выраженіе борьбы,—въ которой полагаю и цѣль жизни.

Вотъ, я нашелъ одно мѣсто въ 10 B. Stunden der Andacht [2]), которое мнѣ открыло, меня утѣшило скорѣе и прочнѣе, чѣмъ твои письма, показавъ мнѣ практическое средство избавиться отъ сомнѣній, или сдѣлать ихъ для меня сноснѣе. Слушай: разсуждая о Ѳомѣ невѣрномъ, собственно маловѣрномъ, знатокъ сердца говоритъ [3]):

„Все, что говорятъ мнѣ заслуживающіе довѣрія люди о добродѣтели и благоразуміи, поскольку оно не *противно законамъ со-*

---

[1]) Отъ словъ „молитва и чувства“... до словъ „чтобъ тебѣ“ — пять строкъ въ рукописи обведены Пироговымъ по краю оваломъ (пунктиромъ), а сбоку приписка: „*Мой поцѣлуй*“. Это означаетъ, какъ и въ двухъ-трехъ другихъ письмахъ къ А. А. Бистромъ, что Н. И. поцѣловалъ соотвѣтственное мѣсто письма. Здѣсь же, по краю, еще приписано:

„Прими, другъ Саша, съ любовью эти строки. Онѣ жестки вышли. Но я ихъ поцѣловалъ, чтобъ смягчить“.

[2]) H. Zschokke. Stunden der Andacht zur Böferderung wahren Christenthums und häuslichen Gottesverehrung. 10 Bände,—книга, выдержавшая множество изданій и особенно распространенная въ 40—50 годахъ прошлаго столѣтія. Полный экземпляръ ея Пироговъ подарилъ своей невѣстѣ. По этому поводу въ письмѣ отъ 12 апрѣля онъ писалъ невѣстѣ: „Посылаю тебѣ, милая моя, несравненная Саша, для дня твоего Ангела: Stunden der Andacht—полное;—читай, ты вѣрно найдешь наслажденіе; я бы ничего лучшаго не желалъ, какъ того, чтобы и дѣти наши жили и были воспитаны по правиламъ, содержащимся въ этой книгѣ, и я, ей-Богу, не понимаю, какъ наша добрая Женни (Е. Ф. Козенъ) могла до такой степени быть ослѣплена парадоксами піэтизма Нильсена, чтобы сказать безсмыслицу: „Я не хочу читать эту книгу, потому что она содержитъ только одну мораль“. Это въ моихъ глазахъ просто преступленіе...“ Сравн. январь, стр. 106—107.

[3]) Слѣдующій текстъ до абзаца „Славно.—И такъ...“ — выписка изъ книги Цтокке—приводится Пироговымъ на нѣмецкомъ языкѣ.

вѣсти и разсудка—все достовѣрно. Все то, что является подозрительнымъ уже по источнику его происхожденія, а также и по противорѣчію съ самимъ собою и съ общепризнанными истинами —все это сомнительно. Для сохраненія моего собственнаго душевнаго покоя, для сохраненія отъ разрушенія моего внутренняго міра, я долженъ, по возможности, не вѣрить сомнительному, не сомнѣваться безъ основательныхъ причинъ въ достовѣрномъ. Но такова уже господствующая наслѣдственность человѣка; онъ *не можетъ сохранить мѣру ни въ злѣ,* ни въ добрѣ; отсюда несчастье нашего рода. Изъ-за *пустяка,* возбуждающаго сомнѣніе, люди считаютъ себя въ правѣ сомнѣваться въ существенномъ и отказываться отъ него, какъ отъ неумѣстнаго. Если же у нихъ нѣтъ основанія для сомнѣній, то они выдумываютъ его... Они хотятъ проникнуть еще глубже и найти поводъ сомнѣваться даже въ своемъ сомнѣніи, и они теряются въ лабиринтѣ своихъ хитросплетеній, который они не въ силахъ распутать и еще менѣе справиться съ нимъ. И въ концѣ концовъ стоятъ они въ немъ усталые, отупѣвшіе; и ихъ сомнѣніе выливается въ сомнѣніе во все святое, доброе, справедливое и истинное (это быль и по временамъ еще есть: я) [1]). Кто обладаетъ чувствомъ проницательности и тонкою способностью сужденія, легко придетъ къ надменному отрицанію всего, что не кажется ему сразу истиннымъ. Вмѣсто того, чтобы отыскать причины неясности ложнаго представленія его о томъ или иномъ предметѣ религіи, онъ совершенно отрицаетъ ложно понятыхъ имъ учителей. Онъ привыкаетъ во всемъ приводить одинаковое число доводовъ *за* и *противъ* (самая вѣрная картина моя) [2]) и, если обѣ части уравновѣшиваются, онъ стоитъ въ нерѣшительности между ними (я обыкновенно не unetschlossen, а беру то, что мнѣ кажется ближе подходящимъ къ моей натурѣ) [3]). Несчастная привычка во всемъ приводить *противъ столько же доводовъ* какъ и *за,* и наоборотъ, *за* столько же, какъ и *противъ,* это смерть правильнаго познаванія всякой истины, всякаго душевнаго покоя. Въ обиходной жизни, какъ и во внутреннемъ религіозномъ настроеніи, при этомъ являются колебанія, нерѣшительность. Трудно искоренить такое неправильное направленіе дѣятельности духа, и чтобы отказаться отъ этихъ привычекъ, нужно больше времени и больше

[1]) Написано по-русски, какъ текстъ самого Пирогова.
[2]) Также написано по-русски.
[3]) По-русски.

настойчивости, чѣмъ для того, чтобы привить ихъ себѣ. Все въ концѣ концовъ вырождается въ неувѣренность, въ убожество духа. *Нѣтъ лучшаго средства излеченія отъ этой душевной болѣзни*, какъ снова начать съ того, откуда исходили. Нужно снова научиться вѣрить тому, что по чести удостовѣряютъ мудрые и добросовѣстные люди. И если нѣкоторыя превратныя, все подвергающія сомнѣнію, представленія все еще возвращаются, потому что они отъ продолжительнаго примѣненія ихъ обратились въ привычку,—то нужно настойчиво отгонять ихъ мыслью, что представленіе не можетъ считаться еще правильнымъ только потому, что оно укрѣпилось въ насъ и при всякомъ случаѣ возвращается. Какъ вѣра является первымъ путемъ для познанія истины, такъ и сомнѣніе, безусловно, является самымъ вѣрнымъ путемъ для познанія истины. Изъ вѣры можетъ родиться сомнѣніе и изъ *сомнѣнія снова самая глубокая вѣра. Это обычная исторія духа всякаго мыслящаго человѣка.* Сомнѣніе—это *осторожная любовь* къ истинѣ, это мудрое недовѣріе къ тому, что еще не разрѣшено. Это прогрессъ въ совершенствованіи познанія, это ростъ духа, при чемъ *шаткое отпадаетъ* и *остается лишь существенное.* Но какъ путь разсудительной вѣры, такъ и путь мудраго сомнѣнія имѣютъ свои опасныя отклоненія. Самое лучшее имѣетъ свои границы, за предѣлами которыхъ оно дѣлается зломъ.

Славно. И такъ, начнемъ продолжать недоконченное о вѣрѣ. Ты опять скажешь, пожалуй: къ чему эти *высокія теоріи ума*; говори мнѣ о твоихъ чуствахъ, мнѣ это несравненно пріятнѣе; увѣряй меня, что ты меня любишь, какъ я тебѣ объ этомъ всегда пишу. Я тебѣ отвѣчаю: душка, другъ, избранный мною, одна минуточка свиданія, одинъ поцѣлуй, одно пожатіе руки, одна слезинка на рѣсницахъ, передастъ другъ другу болѣе, тысячекратно болѣе, то, что мы чувствуемъ одинъ къ другому, то, чѣмъ исполнены наши души, чѣмъ всѣ письма въ свѣтѣ. Но, такъ какъ это необходимо, какъ ты увѣряешь, для твоего спокойствія,—то изволь: опишу тебѣ одно изъ мгновеній, навѣщающихъ меня ежедневно; но вчера послѣ Пріобщенія, послѣ моей теплой, вдохновенной молитвы, посѣтившее меня еще сильнѣе. Когда я началъ было спокойно засыпать, ты мнѣ представилась во снѣ и меня разбудила, я живо чуствовалъ, что Самъ Богъ соединяетъ меня съ тобою, прижималъ тебя мысленно въ моихъ объятіяхъ такъ нѣжно, такъ сладко, душа летѣла къ тебѣ и жаждала съ тобою... *слиться...* Но будетъ объ этомъ. Теперь мысли и дѣла на сцену.

И такъ (я остановился), жизнь Евангелистовъ доказываетъ намъ истину ихъ авторитета. Въ доказательство истины ими свидѣтельствованнаго можно бы было еще привести и внутреннее убѣжденіе многихъ изъ людей глубокомыслящихъ, ученыхъ, глубокочувствующихъ и вдохновенныхъ, *что человѣчество идетъ безпрестанно впередъ, совершенствуясь чрезъ откровеніе, и начала его все болѣе и болѣе вкореняются въ человѣчествѣ,* очищаясь отъ прикрывающихъ ихъ предразсудковъ и невѣжества. Доказательствъ этому можно довольно найдти въ исторіи, начиная съ первыхъ временъ христіанства до сихъ поръ, разсматривая всѣ взгляды на христіанское ученіе. Но для многихъ этотъ вопросъ еще не рѣшенный. Мы, по крайней мѣрѣ, останемся при этомъ убѣжденіи: несмотря на *временное, настоящее* стремленіе общества къ паганизму, это стремленіе должно изчезнуть и разсѣяться, какъ мракъ предъ свѣтомъ.

И кто же, разсматривая исторически развитіе христіанства въ человѣчествѣ, не убѣдится въ его божественномъ началѣ. Въ то время, когда Римская Имперія достигла высшей степени своего могущества, когда цезари управляли народомъ, Еллинская мудрость процвѣтала, Виргилій и Овидій воспѣвали дѣла своихъ боговъ и героевъ, когда роскошь и наслажденія достигли точки пресыщенія, когда Римъ означалъ цѣлый свѣтъ,—въ уголку одной изъ Римскихъ провинцій, въ народѣ, пренебрегаемомъ римлянами (плѣнниковъ котораго императоръ Титъ продавалъ до 30 за одну мѣдную монету; это было даже послѣ Р. X.), появляется пророкъ, огласившій своими призывными воплями безплодную пустыню, крестившій водою и сказавшій, послѣ того, какъ цѣлыхъ 500 лѣтъ народъ, считавшій себя избраннымъ отъ Бога, не слыхалъ никакихъ болѣе пророчествъ,— „я крещу васъ въ водѣ для покаянія; Но идущій за мною крѣпче меня: я не достоинъ Ему сапоги понести. Онъ будетъ крестить Васъ Духомъ Святымъ и огнемъ“ (Матѳ. 3, 11), и въ слѣдъ за нимъ является Назарянинъ, про котораго его соотечественники говорили: „не Іисусъ ли это сынъ Іосифовъ, котораго отца и мать мы знаемъ? Какъ же говоритъ Онъ: Я сшелъ съ Небесъ“ (Іоаннъ 6, 42),—выбираетъ 12 рыбаковъ и основываетъ новую церковь, благовѣствуя о будущей жизни, но не о той, въ которую вѣрили и фарисеи, и собственною жизнью и дѣлами даетъ примѣръ, какъ должно достигать обѣщаннаго Имъ блаженства за гробомъ.

Совершаются чудеса. Но какія? Не тѣ, которыхъ требовало закоснѣлое племя; не чудеса на небѣ, не знаки небесные по-

являются; но совершаются чудеса надъ людьми, больные исцѣляются, мертвые воскресаютъ, слѣпые прозрѣваютъ. Новая добродѣтель олицетворится въ мiрѣ—милосердiе charitas. Народъ въ изумленiи, первосвященники и судьи возстаютъ, преслѣдуютъ опаснаго для нихъ Нововводителя; подговариваютъ, подкупаютъ, наушничаютъ, преслѣдуютъ, берутъ подъ стражу; и вотъ, римскiй начальникъ и два первосвященника допрашиваютъ всенародно и осуждаютъ, не находя вины ни въ чемъ. Народъ, видѣвшiй благодѣянiя невинно Осужденнаго, кричитъ: „распни, распни Его". Не являются для Его защиты ни слѣпые, которымъ Онъ возвратилъ зрѣнiе, ни воскресенные Имъ изъ мертвыхъ; ученики разбѣгаются, самый любимый трижды отрекается, Его влекутъ на Голгоѳу, позорятъ, предаютъ позорной казни. Но „свершилось" произносится Его устами и съ этимъ словомъ новая заря восходитъ для человѣчества: паганизмъ исчезаетъ, Римъ распадается на части, избранный народъ, какъ прахъ, разсѣивается по лицу земли, и обновленное человѣчество начинаетъ жить новою, дотолѣ неизвѣстною, жизнью.

Кто же не убѣдится, разсматривая это бытописанiе, что Одно Воплощенное Слово, Одинъ Воплощенный Духъ Творца, могъ свершить эти чудныя событiя, обновившiя весь внутреннiй бытъ человѣка?

Но кромѣ историческаго и, такъ сказать, матерiальнаго авторитета въ истинѣ свидѣтельствъ откровенiя мы находимъ еще *другое*, которое въ моихъ глазахъ также *важно, прочно и непоколебимо.* Поищемъ его въ бытописанiяхъ *нашего сердца* и въ бытописанiи сердца всего человѣчества. Найдется ли хоть одинъ на землѣ безчуственный и загрубѣлый, который бы идею о безсмертiи души, даже находя ее недоказанною и химерическою, не считалъ однако же высокою, утѣшительною и божественною и не понялъ бы всю цѣну, всю степень утѣшенiя, заключающагося въ ней? Не къ ней ли стремилась безсознательно искони вся лучшая часть человѣчества, даже во времена самаго грубаго паганизма, даже провозглашая ее подъ другимъ видомъ, подъ видомъ безсмертiя дѣлъ на землѣ?

Найдется ли также хоть одинъ изъ смертныхъ, возвысившiйся нѣсколько выше безмысленнаго животнаго, который бы не постигъ утѣшительнаго и высокаго въ *другой* основной идеѣ христiанства: безкорыстной любви, твердаго упованiя въ Божественный Промыселъ, и не былъ бы пораженъ до глубины души *третьею* его основою: самопожертвованiемъ для блага

общаго и другихъ? Наконецъ, когда человѣчество не искало и когда перестанетъ искать сокровенной *связи*, соединяющей его на землѣ съ Божествомъ?

Все это оно нашло въ откровеніи; и утомленное и пресыщенное бренными наслажденіями, съ полнымъ убѣжденіемъ въ ничтожествѣ своего земного существованія; и еще свѣжее и юное, едва выступившее на поприще всемірной дѣятельности, готовое ко всѣмъ самопожертвованіямъ,—оно съ упованіемъ, съ восторгомъ бросилось въ объятія христіанизма, почуявъ въ немъ поэтически родное, напоминавшее ему другую, горнюю, отчизну души.

Теперь, какъ *два есть пути* для убѣжденія истины откровенія: *историческій и нравственный*, проистекающій изъ собственной нашей души, такъ есть и *два* взгляда на сущность христіанскаго ученія: одинъ *исторической*, другой *отвлеченный. Первый* полагаетъ главнымъ основаніемъ самыя событія; въ немъ тайна Рождества Спасителя, Его чудеса, Его страданія, Его Воскресеніе и Вознесеніе составляютъ главное и существенное. При этомъ взглядѣ на христіанское ученіе нельзя быть настоящимъ христіаниномъ, не вѣруя во всѣ подробности этихъ событій, разсматриваемыхъ совершенно *фактически* или *матеріально. Другой взглядъ, отвлеченный*, видитъ въ христіанскомъ ученіи *Идеалъ* и считаетъ этотъ Идеалъ земной жизни и стремленіе къ другой, вѣчной, за самое существенное. Онъ также разсматриваетъ и человѣческую жизнь Спасителя, но разсматриваетъ, какъ одинъ идеальный образецъ для нашей практической жизни, для нашей борьбы къ достиженію обѣщаннаго блаженства,—безсмертія за гробомъ. Всѣ событія, которыми ознаменовано введеніе въ міръ христіанскаго ученія, при этомъ взглядѣ разсматриваются также со стороны болѣе отвлеченной.

Я принадлежу къ послѣдователямъ идеальнаго или отвлеченнаго взгляда. Идеалъ христіанства вѣченъ, непреложенъ, единственъ. События толкуются и разсказываются толковниками Евангелистовъ различно; нѣкоторыя изъ нихъ противорѣчатъ совершенно нашимъ понятіямъ о вѣщественномъ мірѣ, а нѣкоторыя очевидно перешли въ Откровеніе изъ Вѣтхаго Завѣта и даже изъ язычества. Не то, чтобы я не вѣрилъ въ Авторитетъ Евангелистовъ, я уже про это говорилъ; но и чистые источники теперь такъ возмущены духомъ сектъ и расколовъ, что самымъ ученѣйшимъ богословамъ трудно сказать что-нибудь положительное. Несмотря на это, я вѣрю въ главныя, существенныя событія, которыя необходимо нужно принять и при

отвлеченномъ взглядѣ на христіанизмъ; но они для меня составляютъ не главное. „Онъ (Богъ) далъ намъ способность, говоритъ и Апостолъ Павелъ, быть служителями *Новаго Завѣта, не буквы, но духа;* ибо *буква убиваетъ, а духъ животворитъ*" [1]).

Событія, которыми ознаменовано было введеніе въ міръ христіанскаго ученія Спасителемъ, я считаю необходимыми руководителями въ практической нашей жизни для стремленія къ Недостижимому и потому вѣчно истинному, вѣчно юному Идеалу. Поэтому, кто мнѣ только скажетъ, что онъ стремится къ безсмертію, что онъ ищетъ на землѣ своею жизнью приготовить себя къ достиженію Необъятнаго, Непостижимаго, Вѣчнаго, а жизнь свою располагаетъ такъ, какъ она изображена рѣзкими чертами въ ученіи Спасителя; тотъ мнѣ и братъ по душѣ. Веселъ ли онъ обыкновенно, грустенъ ли или задумчивъ, молится ли при этомъ безпрестанно или трудится и веселится; это мнѣ все равно, лишь бы дѣла его и его намѣренія соотвѣтствовали духу христіанскаго ученія; въ какой степени онъ вѣритъ въ различныя событія, что принимаетъ, что отвергаетъ,— это для меня также не главное, это *буква*, которая убиваетъ, поселяетъ разногласіе и даже *ненависть*, производитъ споры и секты, а не *духъ*, который животворитъ, одушевляетъ и все соглашаетъ.

Въ этомъ я совершенно уже отличенъ отъ піэтистовъ, главою которыхъ здѣсь въ Петербургѣ Нильсенъ; я его уважаю и люблю (даже не зная много), какъ христіанина, какъ человѣка съ хорошими убѣжденіями и чувствами, но его взглядовъ на молитву, на „brennende Liebe" я не раздѣляю.

Одно изъ двухъ, *или* нужно имѣть взглядъ отвлеченный на христіанское ученіе, и тогда, полагая въ стремленіи къ идеалу всю его сущность, и вести жизнь, соотвѣтствующую вполнѣ этому стремленію; тогда молитва—одно поэтическое вдохновеніе, хвалебный гимнъ Творцу Міровъ, преклоненіе предъ Его Верховною Святою Волею; *или* имѣть взглядъ болѣе актической, и тогда жизнь будетъ исполнена христіанскаго милосердія (charité), а молитва — простое, умиленное исполненіе святыхъ обрядовъ, завѣщанныхъ Самимъ Спасителемъ и Его учениками, соединенное съ Вѣрою, Упованіемъ и взаимною любовію, такъ,

---

[1]) Онъ же говоритъ: „Тогда какъ мы не имѣемъ цѣлью видимое, но невидимое; ибо видимое временно, а невидимое вѣчно (4. 18. Втор. Посл. къ Коринф.).

Выноска Пирогова.

какъ это дѣлалось въ первыя времена христіанства, во времена Апостольскія. Вѣрующіе же, пишетъ Евангел. Лука въ дѣяніяхъ Апостольскихъ, гл. 2, 44,—всѣ были вмѣстѣ и имѣли все общее. Они продавали имѣнія и всякую собственность и раздѣляли ихъ всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго (коммунизмъ?) и каждый день единодушно пребывали въ храмѣ и, преломляя по домамъ хлѣбъ, *принимали пищу съ веселіемъ и въ простотѣ сердца*, восхваляя Бога, и любимы были всѣмъ народомъ".

Я готовъ сердечно, и на то, и на другое. Но піэтисты говорятъ: нѣтъ, нужно еще „brennende Liebe". Да *любовь* заповѣдана и Спасителемъ, и Апостолами; я уже привелъ нѣсколько словъ Апостольскихъ, изъ которыхъ видно, что они любовь ставили даже выше Вѣры; *на приложенномъ листкѣ отъ 17 апрѣля* [1]) ты найдешь еще нѣсколько мѣстъ о любви изъ посланій Апостольскихъ. Но про какую любовь говорится въ Евангеліи и въ этихъ посланіяхъ? А вотъ, сейчасъ увидимъ:

Любовь (2-я главная христіанская добродѣтель). Въ христіанской любви мы должны различать 3 различныхъ *направленія*: 1) *любовь къ Богу отвлеченную.* Кто разъ позналъ Бога, тотъ уже долженъ почитать и вмѣстѣ любить Его. Даже не принимая никакой связи между Богомъ и человѣкомъ, человѣкъ уже долженъ любить Его. Еще болѣе тотъ, который вѣритъ въ эту священную связь, который слѣдовательно чувствуетъ себя обязаннымъ за всѣ неисчерпаемыя Его благодѣянія, которыя Онъ разлилъ по всей Вселенной. И еще болѣе, кто, обожая Идеалъ Премудрости и Вѣчности, стремится безпрестанно сдѣлаться достойнымъ къ обновленію себя новою жизнью, проистекающею изъ Обожаемаго Идеала и обѣщанною Откровеніемъ. Это самая чистая, самая безкорыстная, высокая и поэтическая любовь; она осѣняетъ человѣка вдохновеніемъ, она заставляетъ забывать и скорби, и труды, и борьбу съ прахомъ и суетою.

2) *Любовь къ Богу болѣе человѣческую, болѣе матеріальную.* Она обнаруживается преимущественно къ Воплощенному Слову, принявшему образъ человѣка, жившему земною жизнью, переносившему скорби и страданія плоти. Она выражается сочувствіемъ и состраданіемъ къ страстямъ Христа, живо представляя себѣ, *по собственнымъ своимъ ощущеніямъ*, все, что Онъ долженъ былъ переносить отъ несправедливости и грубаго звѣрства людей. Этою любовью одушевлялись нѣкогда асцеты и мученики. Эта любовь, особливо ясно проявляющаяся въ католицизмѣ, приво-

[1]) См. ниже.

дила людей къ произвольнымъ истязаніямъ плоти, она подала поводъ къ образованію самыхъ неестественныхъ восторженныхъ сектъ и она же проявляется и въ лютеранскомъ піэтизмѣ, въ различныхъ видахъ и въ различныхъ степеняхъ. Любя этою любовію Христа, мы судимъ о немъ уже совершенно по нашей плоти и слѣдовательно имѣемъ въ виду только Его одинъ вещественный матеріальный бытъ на землѣ.

3) *Любовь къ Богу и Посланному Имъ фактическую*, самую *существенную*, которою по моимъ понятіямъ проникнуто все христіанское ученіе, взятое и въ идеальномъ, и въ историческомъ смыслѣ. Эта любовь къ Богу есть наитруднѣйшая въ исполненіи и обнаруживается *дѣлами*.

„Ибо въ томъ и любовь къ Богу, говоритъ Іоаннъ Евангелистъ (I Посл. гл. 5. 3), чтобы мы соблюдали заповѣди Его, и заповѣди Его не тяжки". А что заповѣдывалъ Іисусъ юношѣ, который сказалъ ему: „Учителю благій! что добраго я долженъ сдѣлать, чтобы получить жизнь вѣчную?" Іисусъ отвѣчалъ: „Если же хочешь войти въ жизнь вѣчную, сохрани заповѣди". Говоритъ ему: „Какія?" Іисусъ сказалъ: „не убей, не прелюбодѣйствуй, не укради, не лжесвидѣтельствуй; чти отца твоего и мать и люби ближняго твоего, какъ самого себя". Юноша говоритъ Ему: „все это сохранилъ я отъ юности моей: чего еще не достаетъ мнѣ?" Іисусъ сказалъ ему: „если хочешь быть совершенъ, поди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ и получишь сокровище на небеси; и приди, слѣдуй за мною".

И такъ, дѣла. А какъ изобразилъ Спаситель страшный послѣдній день Суда? На чемъ основываясь будетъ Онъ судить человѣчество? „И соберутся предъ Нимъ всѣ народы; и отдѣлитъ ихъ другъ отъ друга, такъ какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ. Тогда скажетъ Царь стоящимъ одесную Его: „Придите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте Царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня, былъ нагъ, и вы одѣли Меня; боленъ былъ, и вы посѣтили Меня, въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ"... Царь скажетъ имъ въ отвѣтъ: „истинно говорю вамъ, поелику вы сдѣлали сіе одному изъ Моихъ братьевъ меньшихъ, то Мнѣ сдѣлали". (Матѳ. 25, 32—46).

Итакъ, вотъ чѣмъ познается эта истинно евангелическая любовь къ Богу—дѣлами, основанными на христіанскомъ милосердіи;—вотъ, чѣмъ мы будемъ судимы Богомъ въ той,—а совѣстью въ этой жизни. Вотъ главное. „Дѣти, внуки, любите другъ друга,

повторялъ безпрестанно престарѣлый Богословъ,—это завѣщаніе Спасителя; слѣдуйте ему, и этого достаточно уже, чтобы спастися".

Къ этой же любви, проникнутый уже давно отвлеченною любовью къ Предвѣчному Идеалу Мудрости, Любви, Добра и Милосердія, стремлюся, видитъ Богъ! и я. Какъ далекъ еще я отъ достиженія Недостижимаго, я знаю, я чувствую, но молю Его въ минуты вдохновенія, да осѣнитъ, да подкрѣпитъ меня на добрыя дѣла на добрыя желанія [1]).

Вотъ тебѣ, что ты называешь *высокими теоріями ума*. Признавай ихъ, если хочешь за теоріи, но оставь мнѣ *идеальное (теоретическое) благо стремиться чрезъ эти теоріи къ моему Идеалу.* Храни тебя, неоцѣненный мой другъ, Святое Провидѣніе. Ниспошли и тебѣ Силу и Волю укрѣплять меня въ моей Вѣрѣ, въ *вѣрѣ дѣлъ*, и утѣшать взаимною, вдохновенною мольбою. Но не думай, чтобы я этимъ письмомъ вздумалъ нарушать твои убѣжденія и мысли о молитвѣ.

(Письмо это получишь прежде посланнаго въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ).

Нѣтъ, онѣ для меня также священны и высоки, какъ и мои собственныя.

Дѣти и сестра тебя цѣлуютъ, обнимаютъ и Христосоваются.

Ты получишь теперь еще 2 письма: *предпослѣднее и послѣднее.* Я буду занятъ предъ отъѣздомъ за мѣсяцъ и потому не въ состояніи буду писать тебѣ много, какъ теперь. Отъ тебя же надѣюсь получать также часто, какъ и теперь.

Прощай, моя душка, мой неоцѣненный, милый, несравненный, добрый, вѣрный, чудный, идеальный другъ.

Кончилъ въ субботу 22 апрѣля.

Приписано незадолго предъ заутренею Свѣтлаго Воскресенія.

И такъ, моя Саша, *Вѣру*, т. е., по словамъ Св. Павла, „осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ", докажемъ *дѣлами*, т. е. *самымъ труднымъ путемъ.*

Любовь нашу къ *ближнимъ* докажемъ *дѣлами*, а любовь нашу

---

[1]) *Объ упованіи* я потому не говорю, что считаю его непосредственнымъ слѣдствіемъ, проистекающимъ изъ присутствія въ душѣ Вѣры и Любви.

Выноска Пирогова.

къ Богу осуществимъ чрезъ искреннюю безкорыстную любовь къ ближнимъ, слѣдовательно, также самымъ труднымъ путемъ.

Упованіе наше осуществимъ *дѣлами*, показавъ наше терпѣніе, стойкость и твердость въ терпѣніи.

Молитву нашу осуществимъ чрезъ *вдохновеніе*.

Къ щастью мірскому постараемся быть *хладнокровными*.

Въ борьбѣ постараемся искать *наслажденія и щастья*.

Вотъ моя Религія.

---

17 Апрѣля 1850 г.

Я говѣю и, читая Апостолъ, вздумалъ выписать все, что касается любви... Вотъ слова Апост. Павла. (Посл. перв. къ Коринф.).

„Есть ли я говорю языками человѣческими и Ангельскими, а *любви* не имѣю; то я мѣдь звучащая или кимвалъ звенящій. Есть ли имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны и имѣю всѣ познанія такъ, что и горы могу переставлять, а не имѣю *любви*: то я ни-что.—И есть ли я роздамъ все мое имѣніе и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю: то сіе ни къ чему не послужитъ мнѣ. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ; любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, любовь не гордится; не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не помнитъ зла, не радуется неправдѣ, а радуется истинѣ; *все прикрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ* (чудо! восхитительно!); *любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе изчезнетъ.* Ибо мы *отчасти* (только) знаемъ и *отчасти* пророчествуемъ; когда же достигнемъ совершеннаго, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я былъ младенцемъ, то по младенчески говорилъ, по младенчески мыслилъ, по младенчески разсуждалъ; а когда сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое. Теперь мы видимъ, какъ сквозь *тусклое* стекло, гадательно, тогда же—лицомъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, тогда же познаю подобно, какъ я познанъ. А теперь остаются намъ только три эти: *вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше*“ [1]).

(Послан. къ Галатамъ). Во Христѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, *но вѣра, дѣйствующая любовію* [2]).

---

[1]) Глава 13.
[2]) Глава 5, 6.

(Послан. къ Колоссянамъ). Снисходя другъ другу и прощая одинъ другаго, есть ли кто на кого имѣтъ жалобу, какъ Христосъ простилъ васъ, такъ и вы. А паче всего *облекитесь въ любовь, которая есть совокупность совершенства* [1]).

(Перв. послан. Іоанна). Всякой не творящій правду не есть отъ Бога, также не любящій брата своего. Ибо сіе есть благовѣтствованіе, которое вы слышали сначала; чтобы мы любили другъ друга... Не дивитесь, братья мои, есть ли міръ ненавидитъ васъ. Мы знали, что мы перешли изъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ: кто не любитъ брата, тотъ пребываетъ въ смерти. Любовь познали мы въ томъ, что Онъ душу свою положилъ за насъ: посему и мы должны полагать души за братьевъ. А кто имѣетъ богатство міра сего, но видя брата, имѣющаго нужду, затворяетъ отъ него сердце свое, въ томъ—гдѣ любовь Божія? Дѣти мои! *станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною.* И вотъ, почему узнаемъ мы, что мы отъ истины и успокоимъ предъ Нимъ сердца наши. Ибо, если осуждаетъ насъ сердце наше, кольми паче Богъ, потому что Богъ больше сердца нашего и знаетъ все. Возлюбленные! *если сердце наше не осуждаетъ насъ, то мы имѣемъ свободный доступъ къ Богу...* Возлюбленные! станемъ любить другъ друга; ибо любовь отъ Бога и всякой, кто любитъ, рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога; *потому что Богъ есть любовь...* Любезные! если такъ возлюбилъ насъ Богъ (что послалъ намъ Сына Своего), то должно и намъ любить друга друга, Бога не видалъ никто никогда. Если мы любимъ другъ друга: то Богъ въ насъ пребываетъ, *и любовь его совершилась въ насъ.* Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ... *Страха нѣтъ въ любви, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ; ибо въ страхѣ есть мученіе.* Боящійся *несовершенъ въ любви.* Станемъ и мы любить Его, потому что Онъ еще прежде возлюбилъ насъ. Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ: тотъ лжецъ; ибо не любящій брата, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ? [2]).

(Первое посланіе Петра). Паче же всего имѣйте усердную любовь другъ къ другу; *ибо любовь покрываетъ множество грѣховъ.* Будьте страннопріимны одинъ для другого. *Служите другъ другу, каждый тѣмъ даромъ,* какой кто получилъ. Говоритъ

---

[1]) Глава 3, 13—14.

[2]) Изъ разныхъ главъ, преимущественно четвертой.

ли кто, говори по слову Божію, служитъ ли кто, служи по силѣ, какую даетъ Богъ... [1]).

(На оборотѣ листка).

Христосъ Воскресе!

После заутрени и ранней обѣдни въ Свѣтлое Воскресенье 23 апрѣля. Въ 2 часа утра.

(Обведенъ кружокъ, а въ кружкѣ написано)

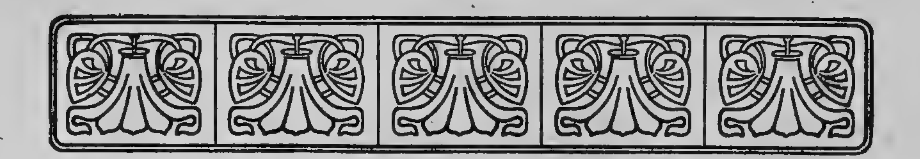
Мой поцѣлуй [2]).

Сообщилъ **С. Штрайхъ.**

[1]) Глава 4, 8—11.

[2]) Подписи, какъ и во всѣхъ другихъ письмахъ къ женѣ,—нѣтъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г.

Глава XXXIX [1]).

Время лучшій нашъ другъ въ горѣ и разочарованіяхъ: оно исцѣляетъ раны сердца, даетъ забвеніе и смягчаетъ удары судьбы...

Когда я оправилась, наконецъ, отъ пережитаго ужаса трагедіи моей любви и стала наблюдать окружавшее меня, то узнала, что на политической сценѣ Оттоманской имперіи произошла смѣна декорацій и что новая обстановка была создана Европой будто бы для мирнаго и окончательнаго рѣшенія славянскаго вопроса, подъ гнетомъ котораго находилась тогда вся Россія. Я не буду останавливаться надъ фактами, уже давно записанными въ исторію; но изъ вереницы моихъ воспоминаній о „Константинопольской Конференціи“ одна подробность заслуживаетъ вниманія общества, какъ иллюстрація политическаго фарса, устроеннаго западными державами, чтобы совершенно одурачить нашу слишкомъ довѣрчивую и наивную дипломатію, всегда ходившую съ легкой, или лучше сказать правду, съ тяжелой руки князя Горчакова подъ нѣмецкимъ ярмомъ до нашихъ дней. Что отсюда произошло, извѣстно теперь каждому, но я веду свою рѣчь къ той подробности, о которой говорила выше: она была интересна сама по себѣ, такъ какъ вѣрно отражала міровоззрѣніе турецкаго правительства на работу европейской дипломатіи въ дни международной конференціи.

Все это довольно рельефно выражено въ письмѣ Мидхатъ-паши къ моему дядѣ въ такомъ содержаніи:

„Дорогой и единственный другъ мой!

[1]) См. „Русская Старина“, декабрь 1915 г.

Ни политическая буря на горизонтахъ Турціи и Россіи, ни превратности всегда капризной измѣнчивой судьбы не омрачатъ, надѣюсь и вѣрю этому, нашей святой дружбы, такъ какъ всякое доброе чувство исходитъ отъ Бога. Но сейчасъ въ моей душѣ поселился страшный демонъ, и я не знаю, какъ бороться съ нимъ?... Онъ обѣщаетъ мнѣ очень много хорошихъ вещей, и увѣряетъ, что всѣ блага міра имѣютъ своимъ источникомъ только парламентъ. До нѣкоторой степени онъ правъ, такъ какъ, дѣйствительно, наши соціальныя болѣзни требуютъ радикальной операціи, тѣмъ болѣе, что идея прогресса и либеральныхъ учрежденій не расходится нигдѣ съ духомъ Корана.

А теперь, мой вѣрный, старый другъ, нарисуйте себѣ картинку въ такомъ видѣ, но разсматривайте ее съ объективной точки зрѣнія: въ кіоскѣ Терсане вокругъ „операціоннаго“ стола, на которомъ лежитъ моя бѣдная, истерзанная Турція, засѣдаетъ „Консилiумъ“ [1]) великихъ державъ. Я также въ качествѣ ассистента нахожусь здѣсь—словомъ, мы рѣшаемъ вопросъ, который у васъ называется „восточнымъ“, а у насъ просто грабежомъ и разбоемъ!.. Но какъ иначе понимать западную дипломатію, а также и вашу русскую? Сейчасъ, напримѣръ, вы предлагаете намъ вручить управленіе государствомъ иностранцамъ и христіанамъ мѣстнымъ уроженцамъ—слѣдовательно, по рецепту нашихъ друзей и опекуновъ мы сами должны будемъ уничтожить себя?.. Помните, вы какъ-то спросили меня: для кого, собственно, я пишу Конституцію? На это могу смѣло отвѣтить вамъ, что пишу и для блага моего народа и для освобожденія его отъ гнета вмѣшательства Европы въ наши дѣла, такъ какъ съ момента открытія у насъ парламента дипломатія силою вещей будетъ лишена, такимъ образомъ, права распоряжаться судьбами Оттоманской имперіи и навязывать ей свои реформы, пригодныя лишь для чуждаго элемента страны. А вотъ еще картинка на фонѣ этихъ роковыхъ дней: вокругъ стола, о которомъ сказано у меня выше, идетъ въ данную минуту совѣщаніе нашихъ политическихъ хирурговъ о томъ, на какія географическія части разрѣзать живое еще тѣло „больного человѣка“ [2]), какъ подѣлить добычу между собой, но такъ, чтобы и волки были сыты и овцы также цѣлы...

Все это читаю я какъ будто въ открытой книгѣ на лицахъ моихъ сотрудниковъ, и тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ ста-

---

[1]) Такъ называлъ Мидхадъ-паша засѣданія Конференціи.

[2]) На дипломатическомъ языкѣ „Турція“.

рается внушать мнѣ, что каковъ бы ни былъ исходъ грядущей войны Россіи съ Турціей, Европа, молъ, никогда не допуститъ измѣненія status quo на Балканахъ и никому не позволитъ сѣсть у нашихъ проливовъ. Таковы обѣ формулы, предложенныя намъ концертомъ великихъ державъ. Первая изъ нихъ, конечно, глупый фарсъ и ловушка, а что касаетси второй, то я охотно вѣрю ей: наши „добрые“ опекуны, взявшіе на себя благодарную роль защитниковъ имперіи Полумѣсяца, не только будутъ охранять Босфоръ и Дарданеллы отъ вашихъ свирѣпыхъ казаковъ, но и сами перерѣжутся между собой въ случаѣ, если кому-либо изъ нихъ придетъ фантазія сдѣлать шагъ впередъ къ этимъ заманчивымъ позиціямъ. Такимъ образомъ, мы вполнѣ гарантированы отъ захватовъ нашихъ морей и проливовъ со стороны Московскаго царства...

Вы плохой сосѣдъ, а потому намъ ничего другого не остается, какъ броситься въ объятія нашихъ западныхъ друзей. Однако, не забѣгая слишкомъ далеко въ будущее, могу лишь дорисовать здѣсь только схему конференціи, вполнѣ увѣренный, что васъ интересуетъ малѣйшая подробность этого дѣла. Словомъ, мы засѣдаемъ и говоримъ, говоримъ до хрипоты о реформахъ, которыя, по увѣреніямъ лорда Салисбюри, графа Зичи, Шоторди и барона Каличе, должны вывести Оттоманскую имперію на прямой и широкій путь къ свѣтлымъ горизонтамъ, гдѣ все такъ же прекрасно, какъ въ раю Магомета, въ его обширныхъ владѣніяхъ на седьмомъ небѣ. Мы слушаемъ эти сказки и думаемъ лишь о томъ, сколько дадутъ намъ субсидіи, чтобы открыть парламентъ.

Вашъ генералъ, наоборотъ, не раздѣляя міровоззрѣнія своихъ колегъ, горячится, стараясь убѣдить ихъ, что азіатъ никогда молъ не поднимется до уровня парламентаризма, такъ какъ идея раздѣленной власти не отвѣчаетъ якобы ни его душѣ, ни его взглядамъ на монарха: „Турки,—сказалъ онъ, возражая на мои аргументы,—должны оставаться турками, а иначе ваша раса изчезнетъ“...

Не знаю, кто изъ нихъ правъ, но мнѣ хочется вѣрить наперекоръ тезису генерала Игнатьева, что конституція избавитъ насъ отъ слишкомъ назойливаго вмѣшательства европейской дипломатіи въ наши дѣла и порядки, а затѣмъ мы уже сами, не оглядываясь назадъ, переложимъ ее въ другую болѣе совершенную для Востока форму жизни и, такимъ образомъ, н будемъ уничтожены... Таковъ мой девизъ, и онъ записанъ у меня въ сердцѣ.

На этомъ думалъ закончить мою политическую исповѣдь, но какой-то шаловливый бѣсъ толкнулъ меня опять къ воспоминанію о той любопытной свиньѣ, у которой, судя по русской версіи, токая оригинальная привычка! [1]) Я смѣюсь до коликъ въ бокахъ, размышляя о характерѣ этой почтенной особы, а въ параллель къ ней навязчивая, горькая мысль рисуетъ мнѣ уже заготовленный списокъ нашихъ будущихъ реформаторовъ и благодѣтелей, въ числѣ которыхъ вы не найдете ни одного съ турецкихъ именемъ за исключеніемъ вашего покорнѣйшаго слуги какъ бы въ награду за конституцію. Впрочемъ, я, кажется, повторяюсь: мы уже имѣли случай обмѣняться нашими взглядами на эту жгучую тему, но приходится возвращаться къ ней, такъ какъ она слишкомъ угнетаетъ меня, а положеніе вещей становится прямо невозможнымъ и, вѣроятно, наши засѣданія будутъ прерваны какимъ-нибудь грознымъ выступленіемъ генерала Игнатьева: онъ лѣзетъ, какъ говорится, на стѣну и не идетъ ни на какія соглашенія. А теперь прошу вашего справедливаго сужденія: что отвѣтила бы Русская держава, если бы со стороны Турціи были бы заявлены претензіи на право распоряжаться судьбами Кавказа и другихъ ея областей, заселенныхъ магометанами?! А между тѣмъ, вашъ пылкій генералъ требуетъ не только реформъ, которыя мы сами признаемъ уже назрѣвшими для христіанскихъ вилайетовъ, но мечтаетъ якобы перефасонить любезную ему Болгарію въ „Новую Византію", а Корону Палеолога возложить на себя?!. Конечно, это легенда, не буду спорить, хотя она уже проникла черезъ ограду султанскаго дворца и волнуетъ умы его населенія. А вотъ и другая версія, которую раздѣляютъ весь дипломатическій міръ и народныя массы: въ бытность мою губернаторомъ Дунайскаго округа я имѣлъ случай хорошо ознакомиться съ авторитетнымъ мнѣніемъ Садыкъ-паши [2]) о славянахъ и о политикѣ Россіи на Балканахъ. Мнѣ онъ говорилъ, напримѣръ, что Болгарія никогда, молъ, не оправдаетъ иллюзій Московской дипломатіи, такъ какъ она вообще по его убѣжденію не способна къ политической жизни. Это было сказано въ 1869 году, а теперь я смѣло утверждаю, что генералъ Игнатьевъ для того лишь и за-

---

[1]) Здѣсь у Мидхатъ-паши игра словъ на прибаутку нашу: „посади свинью за столъ, она и ноги на столъ".

[2]) Польскій эмигрантъ Чайковскій на турецкой службѣ достигъ званія паши. Его записки чрезвычайно интересны и были напечатаны въ „Русской Старинѣ" за 1895 г.

варилъ болгарскую кашу, чтобы проложить себѣ, такимъ образомъ, дорогу къ Босфору и Дарданелламъ...

Однако, я уже давно собираюсь поставить здѣсь точку: цѣль этого безконечно длиннаго посланія облегчить свою душу отъ тяжкихъ сомнѣній и колебаній, а затѣмъ, дорогой товарищъ и другъ, выразить въ немъ горячее желаніе сердца повидаться съ вами раньше, чѣмъ наши пренія въ кіоскѣ Терсане будутъ закончены: мнѣ хотѣлось бы лично передать вамъ одно чрезвычайно важное дѣло и просить вашего драгоцѣннаго совѣта, а потому еще разъ умоляю васъ пріѣхать сюда около 22 или 23 декабря. Шлю мои лучшія пожеланія и комплименты вашей милой семьѣ.

Навсегда преданный и т. д. Ахметъ-Мидхатъ-паша.

Таковъ политическій обликъ и міровоззрѣніе автора турецкой конституціи: Европа пѣла ему гимны, а онъ ненавидѣлъ ее, и тѣмъ не менѣе всегда ходилъ на ея помочахъ...

ГЛАВА XL.

Какъ и просилъ Мидхатъ-паша, дядя уѣхалъ къ назначенному времени въ Константинополь, а мы съ тетушкой Маріе остались дома, не желая возвращаться въ хаосъ политики на берегахъ всегда фатальнаго Босфора, тѣмъ болѣе, что наступали уже праздники Р. Х. въ католическомъ мірѣ, а затѣмъ и наши православные. Вотъ почему 23 декабря по новому стилю у насъ въ домѣ шла неизбѣжная въ такіе дни суматоха: мыли, скоблили, передвигали мебель, чистили ковры; поваръ то уходилъ на базаръ, то возвращался съ корзинами всякой провизіи, расчитанной на большое число визитеровъ; бѣгали сверху внизъ и обратно, шумѣли, стучали, забивая гвозди, и пыль носилась по всѣмъ комнатамъ. Моя тетушка, вѣрная дочь римской церкви, въ порывѣ благочестія и набожности, даже среди этой несносной толчеи сохраняла пріятное расположеніе духа: на ея лицѣ играла улыбка торжествующей радости, значеніе которой я поняла, когда она объяснила мнѣ, что монсеньоръ Габріело Раполо ди Монтеверди прелатъ Ватикана, управлявшій тогда католическими епархіями въ Хіосѣ, Родосѣ, Самосѣ и Чесмѣ на азіатскомъ берегу, обѣщалъ посѣтить нашъ домъ, чтобы передать ей лично благословеніе папы. Выше такого счастія она ничего другого и представить себѣ не могла, а потому всѣ фибры ея ума были направлены лишь къ тому, чтобы устроить царственный пріемъ вѣстнику благодати, исходившей какъ лучъ

солнца по ея глубокой вѣрѣ даже отъ туфли намѣстника Св. Петра на землѣ.

Тѣмъ временемъ, улучивъ моментъ, я ушла къ себѣ, распахнула жалюзи и принялась за уборку своихъ вещей; но работа не двигалась въ моихъ рукахъ: за окномъ шуршали волны, пѣнились у подножія дома, а убѣгая назадъ въ лоно холодной стихіи, разсказывали мнѣ что-то изъ давно пережитаго, о какихъ-то, страданіяхъ и будили вокругъ меня рой уснувшихъ призраковъ. Слезы бурнымъ потокомъ хлынули изъ глазъ: яркіе огоньки вдругъ затрепетали передо мной, то мелькая синими, красными, золотыми спиралями, то исчезая куда-то и возвращаясь опять, чтобы наполнить собою окружавшее меня пространство, границы котораго я уже не могла видѣть. Но вотъ, точно ароматъ весны, прямо съ берега ворвался въ мою комнату теплый, южный вѣтерокъ и шепнулъ мнѣ: „Не плачь, я согрѣю тебя! И послѣ бури солнце ярко свѣтитъ, разгоняя черныя тучи, навѣянныя сердитымъ Бореемъ, моимъ злѣйшимъ врагомъ; но я все-таки прилетѣлъ сюда, чтобы унести твое горе далеко, далеко“...

Наконецъ, свѣтовые эффекты угасли и галлюцинація прекратилась, а сердце билось точно птица въ коварныхъ сѣтяхъ ловца; но мнѣ казалось, что рядомъ со мной кто-то невѣдомый пѣлъ страстный гимнъ жизни и ея радостямъ. Погода стояла, дѣйствительно, великолѣпная: пламенная Африка наперекоръ ледяному дыханію сѣвера отдавала намъ избытокъ жара своихъ необъятныхъ, горячихъ песковъ; дозрѣвали апельсины, лимоны, мандарины, гранаты: ихъ срывали почти зелеными, укладывали въ ящики и грузили на пароходы.

— Ну, что, развѣ это не благодать?!—запѣлъ душистый вѣтерокъ, лаская и обнимая меня:—у васъ тамъ въ Россіи морозы трескучіе, а здѣсь только начинается сборъ апельсинъ—ой, ой, какъ холодно у васъ!..

— Какая благодать — не правда ли?!—прозвучало эхо въ стѣнахъ моей комнаты: я оглянулась и увидѣла тетушку, входившую ко мнѣ:—уже декабрь, а солнце грѣетъ такъ же, какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ на сѣверѣ—воображаю, что дѣлается сейчасъ, напримѣръ, хотя бы въ Орловской губерніи?!—Съ этими словами она протянула мнѣ какое-то письмо, видимо только-что доставленное съ рейда, гдѣ качался на якоряхъ нашъ русскій транспортъ, возившій грузы между Одессой и Александріей. Обрадованная вѣсточкой съ родины, я тотчасъ же принялась за чтеніе:

— Тетя!—сказала я громко, пробѣгая глазами строки,—вы угадали: сестра пишетъ о холодахъ, наступившихъ у нихъ въ Орловской губерніи, и очень завидуетъ мнѣ...

— Бр-р-ръ!!—поежилась моя собесѣдница, точно и ее кстати захватилъ нашъ „дѣдушка-морозъ", о которомъ она читала у Александра Дюма чудовищныя басни,—не даромъ вашу страну называютъ „царствомъ вѣчнаго льда и мрака"—я даже представить себѣ не могу, какъ живутъ гдѣ-то люди безъ солнца и земли?!..

— Но это неправда!—горячо перебила я,—у насъ и солнца и зелени сколько угодно, а вашъ Дюма просто шарлатанъ и больше ничего...

— Однако,—насмѣшливо улыбаясь, ваврозила она,—французская армія замерзла подъ Москвой?..

— Что же тутъ удивительнаго—это было зимой,—говорила я, раздражаясь:—но когда пишутъ такую чепуху, такія идіотскія сказки, то приходится думать, что всѣ эти господа иностранные писаки не имѣютъ даже приблизительнаго понятія о географіи, а иначе они знали бы, какое громадное мѣсто занимаетъ Русская Имперія на земномъ шарѣ—слѣдовательно, и природа и климатъ у нея разные...

Такъ горячилась я, задѣтая именно тѣмъ, что она, жена русскаго, вѣрила безусловно легендамъ, которыми всегда пользовались невѣжественные, завистливые иностранцы, чтобы такимъ образомъ уронить престижъ нашей великой Россіи.

— Такъ или иначе, а у васъ не цвѣтутъ въ декабрѣ подъ открытымъ небомъ, какъ здѣсь, алои, рододендроны, прелестныя азаліи, фіалки,—говорила тетушка, видимо еще далеко не убѣжденная моими аргументами, любуясь изъ окна лучезарнымъ сіяніемъ дня и блескомъ голубой воды Эгейскаго моря, державшаго въ своихъ объятіяхъ синій небосклонъ и зеленые берега Хіоса.

По всему широкому пути къ рейду, точно стая какихъ-то перелетныхъ, гигантскихъ птицъ, неслись, распустивъ бѣлые паруса, лодки и баржи, наполненные черезъ край ящиками съ мандаринами, апельсинами и лимонами; гремѣла цѣпями паровая лебедка, и весь этотъ душистый, сладкій грузъ исчезалъ въ глубокихъ трюмахъ уходившей на сѣверъ торговой флотиліи.

Я такъ же, какъ будто разбуженная послѣ долгаго сна, не отрывала глазъ отъ роскошной картины зимняго, яркаго дня на фонѣ пламеннаго Юга: солнце еще стояло высоко надъ чертой горизонта; но въ дальнихъ перспективахъ Малой Азіи уже

колебались тѣни и бродили лиловыя дымки у подножія Тавра; Чесма съ ея миніатюрною цитаделью рисовалась въ этой панорамѣ точно дѣйствительно „городокъ въ таборкѣ“: я навела туда бинокль и долго любовалась ею, какъ игрушкой, заброшенной случаемъ въ другую часть свѣта—такой хорошенькой, элегантной казалась она мнѣ издали...

Но вотъ прямо оттуда грянуло протяжное эхо выстрѣла изъ пушки, раскатилось надъ моремъ, а затѣмъ ухнуло гдѣ-то за горами; за нимъ послѣдовалъ другой, третій...

— Что такое? Почему стрѣляютъ изъ Чесмы? Не сигналъ ли къ революціи, о чемъ ходили уже давно темные слухи въ народныхъ массахъ дикаго побережья Анатоліи?—спрашивали мы другъ друга, такъ какъ не было ровно никакихъ основаній для салютовъ?

— Ужъ не воскресъ ли графъ Орловъ и снова явился, чтобы разстрѣлять турецкій флотъ, спавшій крѣпкимъ сномъ на днѣ Чесменской бухты?—пронеслась въ моей головѣ шаловливая мысль и захватила меня историческимъ воспоминаніемъ о славныхъ дняхъ побѣды Россіи надъ врагомъ...

Однако, не болѣе минутъ 10 спустя и Хіоская крѣпость также открыла канонаду изъ своихъ орудій:

— Ну, значитъ, опять новый султанъ!—воскликнула тетушка съ комичной досадой,—интересно, за кѣмъ теперь очередь и сколько ихъ еще перемѣнится? Заладили одно и тоже: „Par la volonté de Dieu et de nation le sultan Abdul-Hamid est déposé et Rechad effendi...

— Нѣтъ, Изрединъ-Эфенди,—возразила я,—такъ какъ его очень любитъ гвардія...

— О, нѣтъ!—увѣренно проговорила тетя,—Абдулъ-Азиса и уничтожили за то, что онъ былъ сторонникомъ вліянія Россіи—никогда Европа не допуститъ его сына къ престолу...

Рѣзкій, отчетливый стукъ въ двери параднаго хода огласилъ домъ, затѣмъ послышались голоса на лѣстницѣ.

— Неджибъ-бей!—доложилъ кавасъ, и мы вышли въ пріемную.

Я думала, что у меня никогда не хватитъ мужества снова пережить моментъ воспоминаній о Тафти; но какое-то непреодолимое, мучительное любопытство толкнуло все мое существо въ ту комнату, гдѣ находился адъютантъ губернатора...

— Мадамъ,—раскланиваясь и звякая шпорами, говорилъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ вѣстникъ чего-то необыкновеннаго, передавая ей конвертъ съ красной печатью,—имѣю

честь вручить вамъ эту бумагу для свѣдѣнія господину консулу...

— А-а! вѣроятно... новый султанъ?.. Решадъ или Изэединъ?— спрашивала тетя, какъ бы не рѣшаясь вскрыть конвертъ.

— Благодареніе Создателю міровъ ни тотъ, ни другой,— улыбнулся офицеръ,—но дѣло въ томъ, что нашъ премудрый падишахъ, его величество Абдулъ-Гамидъ, да живетъ онъ тысячу лѣтъ, изволилъ объявить конституцію!..

— Конституцію!!—повторила я въ тонѣ какого-то непонятнаго разочарованія.

— Вы рады, конечно? не правда ли?—оправилась тетушка.

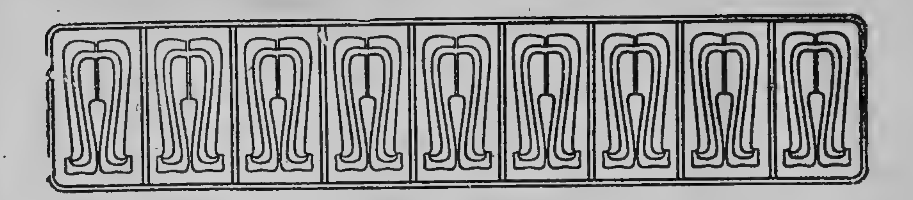
— А я пока еще не знаю, чему радоваться?—равнодушно отвѣтилъ турокъ и, пожелавъ намъ всѣхъ благъ жизни, удалился.

Опасенія мои не оправдались: невзрачный толстякъ армянскаго типа Неджибъ-бей менѣе всего могъ напомнить мнѣ красавца Тафти, и дѣло обошлось безъ всякихъ душевныхъ потрясеній.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ дальнихъ лѣтъ [1]).

(Пересказъ воспоминаній моихъ тетушекъ).

ГЛАВА II.

Пожаръ дворцовой церкви въ Царскомъ, гдѣ стояло тѣло Императора Александра I. — Княгиня Ловичъ похоронена въ католической церкви Царскаго Села.—Прогулки по Царскому Императора Николая.—Извѣстіе о его кончинѣ.—Николай I сажаетъ Брюлова на гауптвахту за то, что онъ изобразилъ Клейнмихеля въ ликѣ Господа Саваоѳа въ куполѣ Исаакіевскаго собора.—Императоръ Николай I приказываетъ взять домъ Гарновскаго въ казну.—Выступленіе кадетъ въ Петергофскій лагерь.—Порядки въ лагерѣ. — Кадеты въ Александріи. — Бѣгъ на Золотой горкѣ.—Сынъ Громова обгоняетъ Императора на рысакѣ. — Дѣйст. стат. совѣтница не генеральша.—Императоръ Александръ II въ Царскомъ.—Порядки жизни въ Царскомъ лѣтомъ.—Красивая голландка приготовляетъ пищу на улицахъ Петербурга.—Ея продѣлка.—Захаржевскій въ Царскомъ.

При отъѣздѣ въ Таганрогъ Императоръ Александръ I, взявъ за руку дѣда въ присутствіи многихъ, обратился къ кн. Голицыну и сказалъ: „прошу не забывать Петра Васильевича и его семейство и заботиться о его нуждахъ“; тутъ дѣдъ сталъ проситься въ отставку, но Государь сказалъ: „если тебѣ служба въ тягость, не по силамъ, то будетъ исполнять твой помощникъ, мнѣ дорогъ твой надзоръ, совѣты и указанія“, при этомъ обнялъ и поцѣловалъ.

Въ одинъ изъ дней декабря 1825 г. все семейство дѣдушки было перепугано скачкою войскъ, одѣвавшихся на ѣздѣ; всѣ войска, бывшія въ Царскомъ Селѣ, были выставлены на Средней рогаткѣ. Это было 14 число; разсказовъ о бунтѣ у Сената я слышалъ много и кое-что запомнилъ, но это все уже описано довольно подробно помимо меня; но по разсказамъ тетушекъ, кончина Императора Александра I была горемъ об-

---

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1916 г.

щимъ, любовь была безкорыстна; до самой смерти 1862 г. тетушка Настасья Петровна всегда разсказывала о кончинѣ Александра I со слезами на глазахъ; я видѣлъ множество переписанныхъ стиховъ, надписей въ альбомахъ, все это превозносило доброту и геній Царя, всюду писалось „нашъ ангелъ на небеси“.

Въ Царское Село былъ перенесенъ гробъ съ прахомъ Царя. Сопровождали его изъ Таганрога казаки, и поставленъ онъ былъ въ Дворцовой Церкви Воскресенія Христова. Церковь вся была задрапирована чернымъ флеромъ; панихиды служились по два раза въ день. Передъ служеніемъ панихиды, въ одинъ изъ дней, отъ одной изъ лампъ, освѣщавшихъ церковь, загорѣлся флеръ. Легкость матеріи дала возможность быстрому распространенію пламени. Стали выносить гробъ, но гробъ былъ очень тяжелъ—свинцовый: онъ вкатывался обыкновенно на валькахъ умѣлыми казаками. Въ это время казаки куда-то отлучились, несмотря на это гробъ успѣли вытащить въ сосѣдній залъ. Пожаръ прислуга потушила.

Явилось подозрѣніе, что это былъ злой умыселъ, сжечь прахъ Царя, но какъ тетушка, такъ и многіе очевидцы утверждали, что это дѣло невольнаго случая, торопливости лакея, такъ какъ и самый лакей былъ имъ извѣстенъ, и заподозрить его было нельзя. Сколько времени находился гробъ съ Царемъ въ Царскомъ Селѣ, я не знаю, но по смыслу разговоровъ предполагаю, что онъ простоялъ гораздо болѣе мѣсяца, послѣ чего и былъ перевезенъ для погребенія въ Петербургъ.

Все, что касалось Двора, даже въ давно прошедшемъ, говорилось шепотомъ, съ оглядкой. Газета читалась „Сѣверная Пчела“. О похороненной въ католической церкви въ Царскомъ Селѣ морганатической супругѣ Великаго Князя Константина Павловича княгинѣ Ловичъ переставали говорить при входѣ прислуги, если разговоръ велся о ней.

Императора Николая Павловича я живо помню. Гуляя съ тетушкой, мы постоянно его встрѣчали идущаго по направленію отъ Александровскаго къ Большому Дворцу черезъ Лицейскій садъ. Помню также похороны Десятирева, схороненнаго у ограды церкви Знаменія въ Лицейскомъ саду, гдѣ мы стояли въ разстояніи шаговъ десяти отъ Государя. Это вѣроятно было въ 1853 году. Десятиревъ похороненъ тутъ по желанію Государя, бывшаго на похоронахъ. Онъ былъ смотритель пансіонной конюшни, а прежде служилъ въ какомъ-то полку. Въ одномъ изъ сраженій, когда Николай I былъ еще

Великимъ Княземъ, загородилъ собою Великаго Князя и принялъ на себя сабельный ударъ, почему и былъ раненъ. Встрѣчалъ я также Императора, шедшаго съ дамой; впослѣдствіи я узналъ, что это была Нелидова.

Въ 1855 году, будучи уже въ кадетскомъ корпусѣ, я, находясь въ отпуску на масляницѣ, захворалъ корью, о чемъ сообщили въ корпусъ. Изъ корпуса пришло извѣщеніе, чтобы я не являлся ранѣе шести недѣль. Кажется, это было на второй недѣлѣ великаго поста. Кухарка наша Прасковья (бывшая кормилицей моего отца) ходила въ лавки за покупками. Возвратясь, она пришла къ тетушкѣ, гдѣ и я былъ, и говоритъ: „Миколай померъ“. Тетушка, предполагая, что Миколай это хозяинъ мясной лавки, гдѣ забирали провизію, очень сожалѣла. Не прошло часу, какъ взошла Надежда Николаевна Иванова, бывшая фрейлина Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и со слезами стала говорить о смерти, не упоминая, кто умеръ. Тетушка со своей стороны стала высчитывать многочисленность семейства мясника, но Надежда Николаевна, понявъ, что это недоразумѣніе, сказала: „про какого мясника толкуете, когда умеръ Императоръ“. Тутъ обѣ тетушки и двѣ горничныя онѣмѣли, и начались слезы; начали искать сообщеніе во вчерашнемъ номерѣ „Сѣверной Пчелы“, принесенной Надеждѣ Николаевнѣ, но о болѣзни Императора ничего не нашли. Въ то время газеты въ Царскомъ получались на другой день, но всѣ свѣдѣнія между публикой извѣстны были въ тотъ же день. На другой день Надежда Николаевна принесла „Сѣверную Пчелу“ и отдѣльные листочки. Это были бюллетени о болѣзни Императора, а въ газетѣ говорилось о восшествіи на престолъ Александра II, о его выходѣ и принятіи поздравленія. Тутъ же тетушка стала уговариваться съ Надеждой Николаевной, чтобы ѣхать въ Петербургъ въ крѣпость проститься съ Императоромъ. Составили письмо къ управляющему городомъ Захаржевскому съ просьбой прислать имъ билетъ для входа въ церковь крѣпости, но получили его чрезъ нѣсколько дней. Побывавъ въ крѣпости, тетушка съ Надеждой Николаевной разсказывали всѣ подробности, между которыми говорили, что лицо Императора какъ будто покрыто маской. На Пасхѣ, во время заутрени въ Дворцовой церкви, мы увидѣли первый разъ новую форму. Вмѣсто коротенькихъ мундировъ съ фалдочками, въ родѣ нынѣшнихъ фраковъ, казакины, т.-е. такіе, какъ нынче у казаковъ, но гораздо короче. Я же былъ въ старой формѣ, т.-е. въ мундирѣ, съ тесакомъ сзади на широ-

кой бѣлой толстой портупеѣ и съ каской съ чернымъ султаномъ въ рукѣ.

Императоръ Николай I имѣлъ обыкновеніе приходить осматривать работы строящагося Исакіевскаго Собора. Въ одно изъ своихъ посѣщеній, увидавъ, что Брюловъ работаетъ въ верху, взобрался туда. Въ это время Брюловъ заканчивалъ писать Бога Саваоѳа, который обыкновенно пишется голова въ треугольникѣ. Въ то время всѣ генералы носили треуголки. Всматриваясь Государь вскрикнулъ.—„Кого это ты написалъ"?—Бога Саваоѳа—согласно плана—отвѣтилъ Брюловъ. „Да это просто портретъ Клейнмихеля.—Посадить его на гауптвахту". Брюловъ высидѣлъ сутки на Сенатской гауптватѣ. Проѣзжая какъ-то черезъ Измайловскій мостъ, Императоръ увидалъ выстроенный громадный домъ. Пріѣхавъ домой, спросилъ—чей это домъ? Говорятъ Гарновскаго.—Кто это Гарновскій? Отвѣчаютъ архитекторъ. Узнать, какія постройки онъ производилъ, богатъ ли самъ, или можетъ быть женатъ на богатой.—По справкамъ оказалось, что Гарновскій, ранѣе чѣмъ строить казенныя зданія, былъ человѣкъ бѣдный, жена его тоже ничего не имѣла.—Ну, видимо, этотъ домъ выстроенъ на счетъ казенныхъ построекъ, сказалъ Государь; такъ взять его въ казну подъ казармы. Живя въ Царскомъ Селѣ, Императоръ Николай I любилъ гулять по направленію къ Баболову. Въ это время обыкновенно проходили чухны по этому же направленію, неся молоко въ Царское. Гуляя по этому направленію, онъ встрѣтилъ пожилого чухонца и попросилъ у него молока. Это было вблизи сторожевой будки, и сторожъ подалъ стаканъ. Императоръ выпилъ молоко и спросилъ чухонца, изъ какой онъ деревни. Потомъ сталъ спрашивать, какъ называется по-чухонски то и то, посадилъ чухонца рядомъ съ собой и сказалъ, что онъ будетъ приходить ежедневно учиться у него по-чухонски, что аккуратно выполнялъ въ это лѣто, приходя на то мѣсто, гдѣ встрѣтился въ первый разъ, гдѣ постоянно ждалъ его этотъ чухонецъ.

Во время царствованія Императора Николая I въ Петергофъ желѣзной дороги еще не было, и обыкновенно всѣ кадетскіе корпуса въ лагерь шли пѣшкомъ; для чего въ извѣстный день всѣ корпуса собирались на Царицынъ лугъ, гдѣ производился смотръ всѣмъ ученьямъ, и тутъ же Государь поздравлялъ съ производствомъ въ офицеры выпущенныхъ; оставшіеся всѣ направлялись въ лагерь, этотъ отрядъ всѣхъ корпусовъ, а ихъ было не мало: Пажескій корпусъ, школа

Гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, (нынѣ кавалерійское училище, но тогда вмѣстѣ съ нимъ было и пѣхотное, откуда выпускали въ гвардію) 1-й, 2-й корпусъ, Павловскій корпусъ, Дворянскій полкъ два батальона, корпусъ Путей сообщенія, Горный корпусъ, Лѣсной корпусъ, Инженерный корпусъ, Артиллерійское училище; все это шло по Петергофскому шоссе, кавалерійская школа верхомъ на лошадяхъ, артиллерійское училище при орудіяхъ, а остальные пѣшкомъ; дойдя до Краснаго кабачка, полагался ночлегъ. Тутъ намъ давали сбитень, булку съ котлеткой, была на поляхъ настлана солома, на которой всѣ и спали. Только для одного командира отряда ставилась палатка. Утромъ по пробитіи повѣстки пили сбитень съ булкой, а по зарѣ, которую играли всѣ хоры музыкантовъ, двигались далѣе. За Краснымъ кабачкомъ вплоть до Петергофа были великолѣпныя дачи, принадлежащія аристократіи. Для проходившаго отряда обыкновенно были выставлены около дачъ ведра съ водой, пирожки и булки. Живущіе въ дачахъ стояли у своихъ воротъ, а прислуга ихъ ждала, какъ маленькіе кадеты въ поту маршировали. Было чему ахать: идти въ строю, гдѣ за пылью не видать было впереди идущихъ. Политая дорога моментально высыхала. Это было въ іюнѣ мѣсяцѣ, а вспотѣть было отчего, обмундировка каждаго кадета была: суконный мундиръ, тесакъ съ портупеей, сума съ портупеей. Это надѣвалось на груди крестомъ, сума и тесакъ сзади, что било по ногамъ; каска съ султаномъ отъ жары прокаливалась. Ружья отъ 10 до 12 ф., смотря по возрасту. Вступая въ лагерь, обыкновенно Государь встрѣчалъ кадетъ верхомъ, а Императрица въ коляскѣ четверней съ жокеями. Пройдя мимо Государя церемоніальнымъ маршемъ, кадетъ распускали. Вода вся въ лагерѣ была заперта, и всѣ знали, что ея ранѣе часу времени не дадутъ, жажда была невыносимая. Съ лица, если проведешь ногтемъ, сыпятся комки грязи. Всѣ пріунывши сидятъ въ палаткахъ по кроватямъ. Вотъ отперли воду, и все ожило. Впереди не обычные Петербургскіе порядки, а измѣненіе стола; даже изморъ фронтового ученья съ вытягиваніемъ носка въ три пріема и заряжаніемъ ружья на двѣнадцать темповъ кажутся сладостями. Каждый кадетъ знаетъ, что начальство тутъ осторожно, и драть по прихоти побоится, пожалуй, еще кадеты пожалуются прямо Государю. Почти ежедневно пріѣзжалъ Государь, дѣлались тревоги; въ воскресенье отъ каждаго корпуса назначался взводъ въ церковь (на языкѣ кадетъ въ зеленчакъ, такъ какъ церковь была устроена въ зеленой палаткѣ); по окончаніи обѣдни про-

ходили церемоніальнымъ маршемъ. Вечеромъ же къ 6 часамъ по нѣсколько человѣкъ, больше маленькихъ, отправляли съ двумя офицерами отъ каждаго корпуса въ Александрію. При входѣ у воротъ былъ столъ и скамейка, тутъ оставались сидѣть офицеры, далѣе они не имѣли права ходить, и кадеты одни гуляли, подходили къ Дворцу. Императрица, увидавъ кадетъ, высылала множество подносовъ со сластями и фруктами. Тутъ обыкновенно изъ-за спины камеръ-тютки, такъ называли кадеты придворныхъ лакеевъ, вывертывался какой-нибудь малышъ, поддавалъ ногой подносъ, все летѣло въ стороны и расхватывалось. Императрица всегда смѣялась этой ловкости, такъ какъ лакеи по опыту были осторожны, осматривались и увертывались. Потомъ выходилъ Государь, игралъ съ кадетами въ лапту, заставлялъ стоя на лужайкѣ свалить его; не мало бились за этимъ кадеты, но количество брало свое, Государя валили, и тутъ кто держалъ его за руки, кто за ноги. Раздавалась его команда: „смирно!" и всѣ моментально выстраивались. Пріѣхавъ разъ въ лагерь въ коляскѣ, которую обычно обступили кадеты, (тутъ начальство подходить близко не смѣло), Государь между прочимъ спросилъ: ну хорошо ли васъ кормятъ? Кадеты 2-го корпуса стали высчитывать тѣ блюда, которыя имъ даютъ, и говорятъ, что они вѣчно голодны.—Кто у васъ экономъ? спросилъ Государь; кадеты отвѣтили Ш. Да вы бы его въ нуж... головой. Нѣсколько кадетъ отдѣлилось и побѣжали, вытащили Ш. и понесли въ мѣсто, указанное Государемъ. Въ точности бы и исполнили распоряженіе Государя, если бы не подоспѣло начальство. Ш. былъ тотчасъ же уволенъ.

Во время лагерей въ Петергофѣ устраивался бѣгъ кадетъ на Золотую Горку; горка эта мраморная, отъ постояннаго теченія по ней воды скользкая, крутая. По этой горѣ по спущенной по ней водѣ надо было вбѣжать на самый верхъ, гдѣ сидѣла Императрица. Кадеты падали, мокрые. Находились ловкачи, которые достигали до верху, и первый, вступившій наверхъ, получалъ отъ Императрицы часы. При этомъ была вся Царская фамилія и приближенные. Зимой Императоръ, объѣзжая обычно всѣ корпуса, пріѣзжалъ и во 2-ой корпусъ, заходилъ въ неранжированную роту, къ малолѣтнимъ, гдѣ, зная, что у нихъ есть игра въ пожарные, заставлялъ одѣваться въ пожарную форму (нами сдѣланная изъ картона), надѣвалъ на себя каску и, изображая изъ себя брантмейстера съ брандспойтомъ въ рукѣ, скакалъ по залѣ, и однажды свалилъ люстру, задѣвъ головой.

Однажды Императоръ, проѣзжая по набережной Невы, замѣтилъ, что какой-то молодой человѣкъ на рысакѣ обгонялъ его. Онъ крикнулъ ему: „назадъ", но тотъ его не послушалъ и обогналъ. Государь приказалъ узнать, кто его обогналъ, говорятъ, что это сынъ Громова. „Такъ забрить ему лобъ въ солдаты", это былъ сынъ Ѳедула Григорьевича Громова Василій. Тутъ начались у Громовыхъ горя и хлопоты, старикъ предлагалъ громадныя суммы въ пожертвованіе, и едва упросили Государя простить.

Проѣзжая по одной улицѣ, Государь увидѣлъ карету въ четыре лошади цугомъ (тогда эта мода уже выводилась). Это его заинтересовало. Видя, что карета остановилась, онъ послалъ спросить, чей это экипажъ. Ему отвѣтили, что эта карета генеральши такой-то. Государь зналъ по фамиліямъ всѣхъ генераловъ, въ числѣ которыхъ не было такой фамиліи.

Приказалъ спросить вторично и узналъ, что это была жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Тогда онъ приказалъ передать ей, чтобы она не смѣла себя именовать генеральшей. Генералами могутъ быть только военные, а она жена чиновника, который значится дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Императоръ Александръ II ежегодно лѣтомъ жилъ въ Царскомъ Селѣ въ Большомъ дворцѣ. Обычная его прогулка была кругомъ большого пруда съ черной съ коричневыми подпалинками собакой Милордкой. Вдовствующая Императрица Александра Ѳеодоровна лѣтомъ жила въ Петергофѣ въ Александріи, но проживала понедолгу въ Царскомъ въ Александровскомъ Дворцѣ. Царское Село, его сады, пруды содержались въ изумительной чистотѣ и порядкѣ. Въ то время всѣ жители Царскаго пользовались отъ двора всевозможной провизіей; продавалось это безъ всякой опаски, да и опасаться-то было нечего, повара получали отъ поставщиковъ по той цѣнѣ, по которой покупалось для двора, а потому они имѣли возможность все-таки дешевле продавать, чѣмъ въ лавкахъ, отчасти въ продажу шло то, что забраковано. Пиво, медъ прямо приносились корзинами поставщиками съ пивоваренныхъ заводовъ, что было выгодно для заводчиковъ, такъ какъ брали большимъ количествомъ, а для обывателя было выгодно такъ покупать, потому что въ лавкахъ продавалось все дороже. Вино же служителя приносили то, что было раскупорено для стола и не выпито. Попадало хорошее вино и не дорого. Большинство же было слитое изъ разныхъ бутылокъ, оставшихся отъ обѣдовъ, такъ что въ одной бутылкѣ бывало: хересъ, мадера и портвейнъ. Не распечатан-

ныя же бутылки вина продавались едва-ли не дороже ихъ стоимости. Знатоковъ покупателей было мало; всѣ были убѣждены, что купленное хорошо и дешево, такъ какъ во дворцѣ дурное не подается. Всѣ были довольны и благословляли жительство Высочайшаго двора, пріѣзду котораго были безконечно рады. Полагаю, что Цари объ этомъ многое знали. О чемъ свидѣтельствуетъ такой случай: Императрица Екатерина II, гуляя, встрѣтилась съ крестьянкой, шедшей по направленію отъ кухни. Увидавъ Царицу, крестьянка растерялась и выпустила изъ рукъ курицу, которую несла. Императрица, увидавъ ужасъ этой бабы, крикнула ей: „лови скорѣй курицу, а то гофмаршалъ еще пожалуй увидитъ".

Когда Императоръ Александръ II гулялъ, въ это время гуляла вся аристократія, конечно, дамы. Въ это время мужья ихъ или отцы были заняты службой. Вотъ идетъ Римская-Корсакова, вотъ Гогель съ дочерьми. Это жена управляющаго Царскимъ Селомъ. Вотъ Красикова съ двумя дочерьми, это жена Царскосельскаго полицеймейстера. Вотъ и Кушелева-Безбородко съ красивымъ лакеемъ, несущимъ собачку. Вотъ и Долгорукій съ двумя дочерьми. Всѣ стараются попасть на глаза Государю. Съ которыми онъ поговоритъ, кому только поклонится. Вечеромъ ежедневно полковая музыка на террасѣ. Государь съ Государыней въ шарабанѣ проѣзжаютъ мимо музыки въ Павловскъ. Здѣсь за рѣчкой у мостика множество экипажей ожидаетъ пріѣзда. Иногда Цари подъѣзжали къ оркестру и останавливались ненадолго. Тутъ подходила къ нимъ Александра Ѳеодоровна, подъ этимъ именемъ знали всѣ особу довольно пожилую, одѣтую во все черное, въ шапочкѣ съ брильянтовымъ крестомъ на лбу. Разговаривала она довольно непринужденно. Это было въ началѣ царствованія Александра II. Императоръ же Николай I очень любилъ съ ней разговаривать, и несмотря на то, что онъ не любилъ фамильярностей, Александра Ѳеодоровна облокачивалась на шарабанъ, ставила одну ногу на подножку. Говорили, что она ему много высказывала правды. Слухи были, что она была раньше близка ко двору, и будто къ Великому Князю Михаилу Павловичу. Достовѣрно, что она не разъ во время разговора громко говорила, указывая на тутъ же стоящихъ приближенныхъ: „гони ихъ прочь. Это все продажные да и дураки они, самъ ты ихъ отличилъ, давъ имъ свѣтлыя шапки". Приближенные смѣялись, находя ее юродивой, но Государь видимо въ ней этого не признавалъ. Въ 40 годахъ въ Петербургѣ ѣздила съ ручной телѣжкой красивая молодая

голландка. На этой телѣжкѣ устроена была печка и вдѣланъ горшокъ съ тѣстомъ. Голландка останавливалась, пекла вафли желающимъ, которые тутъ же и кушали. Богатая молодежь за ней сильно ухаживала, и за вафли расплачивалась десятками, а иногда и сотнями рублей. За это голландка награждала милыми улыбками. Однимъ словомъ, голландка за свою красоту была въ модѣ. Дошло это и до Государя. Гуляя какъ-то и встрѣтивъ ее, онъ тоже покушалъ вафель, и очень она ему понравилась. Въ слѣдующій разъ она какъ-то сумѣла выпросить у Государя клочекъ земли на Большой Морской улицѣ. Это то мѣсто, гдѣ въ настоящее время стоитъ Реформатская церковь. На этомъ мѣстѣ она построила домикъ, въ которомъ былъ залъ съ ложами на верху, въ которыхъ были столы, кресла, кушетки, внизу помѣщалась кухня. Это были танцевальные вечера, на эти вечера допускались только лично извѣстные голландкѣ, т.-е. M-me Гебгардъ. Тутъ собиралась вся золотая молодежь: не рѣдко можно было знать, что тутъ присутствуютъ и министры; видѣть ихъ конечно нельзя было: они прятались за занавѣсями со своими барынями, а входили особымъ секретнымъ входомъ. Ложи эти оплачивались за право ихъ занять сотнями рублей; какъ внизу въ столовой, такъ и въ ложахъ устраивались ужины, для чего имѣлся отличный поваръ, музыка, тоже хорошій оркестръ. Начинались ужины съ десяти часовъ до шести утра. Шампанское лилось рѣкой. M-me Гебгардъ появлялась только изрѣдка въ залѣ, гдѣ шли танцы, или когда она приглашалась въ ложи. Всѣмъ распоряжался ея мужъ; сама же Гебгардъ больше занималась устройствомъ свиданій и знакомствомъ барышень, приглянувшихся кому-либо изъ молодежи. Я довольно часто въ концѣ 50 и началѣ 60 годовъ видѣлъ, какъ привозились барышни даже изъ очень хорошихъ фамилій, и какъ одна барышня поднесла Гебгардъ хлѣбную корзину, наполненную золотыми монетами. Впослѣдствіи эта Гебгардъ открыла Зоологическій садъ, а по смерти мужа, будучи уже старухой, вышла за второго—Роста.

Въ Царскомъ Селѣ съ 1818 года по 1865 г. былъ управляющимъ городомъ, дворцами и удѣльными крестьянами артиллерійскій генералъ Яковъ Васильевичъ Захаржевскій; малороссъ, холостой, умный, добрый и честный. О его привычкахъ жизни ничего не сохранилось даже въ архивахъ Царскаго Села. Я, какъ бывшій у него еще въ дѣтствѣ, многое что припоминаю. Росту онъ былъ средняго, носилъ только усы, которые подстригалъ, жилъ съ сестрой Анной Васильевной, другая его сестра

Елена Васильевна была замужемъ за отставнымъ генераломъ Чулковымъ, у которой было нѣсколько дочерей. Они жили на углу Средней и Оранжерейной ул. въ домѣ Теребцовыхъ, несмотря на то, что, при имѣющейся казенной квартирѣ, у Захаржевскаго былъ не занятый флигель, по величинѣ болѣе чѣмъ достаточный для помѣщенія Чулковыхъ.

Кто-то разъ у него спросилъ, почему бы не дать этотъ флигель сестрѣ; онъ вамъ не нуженъ. На это Я. В. отвѣтилъ: квартира, которая мнѣ дается, дана не Захаржевскому, а управляющему городомъ; какое право я имѣю пускать въ казенное зданіе постороннихъ.—Да вамъ бы никто про это слова бы не сказалъ, даже если бы Государь узналъ, то, любя васъ, нашелъ бы это въ порядкѣ вещей.—Не знаю, какія бъ поблажки сдѣлалъ мнѣ Государь, а знаю, что эту квартиру онъ не далъ Чулкову. Жизнь Яковъ Васильевичъ велъ самую простую. Вставалъ въ 6 час., пилъ чай, всегда съ молокомъ, а въ 7 час. уже ѣхалъ верхомъ по городу и садамъ, осматривалъ работы на фермѣ, какъ сортируютъ молоко. Къ 9 час. пріѣзжалъ въ дворцовое правленіе, больше въ свою канцелярію, которая была на Леонтьевской ул. въ домѣ, гдѣ теперь Маріинская женск. гимназія. Канцелярія эта, съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, упразднена. Въ 12 час. онъ пріѣзжалъ завтракать домой. На завтракъ подавалась ежедневно гречневая каша; послѣ чего онъ отдыхалъ, въ 4 час. обѣдалъ, самыя простыя три блюда; послѣ обѣда опять отправлялся смотрѣть за порядками, и только въ 7 ч. веч. можно было видѣть гуляющаго. Онъ былъ безъ правой ноги; ему былъ поддѣланъ костыль, а потому онъ всегда опирался на палку. Лѣтъ за десять до смерти онъ пересталъ ѣздить верхомъ. Лѣтомъ же ѣздилъ въ широкихъ дрожкахъ на круглыхъ рессорахъ; таковыя тогда только и были; зимой же въ низкихъ пошевняхъ. Порядокъ и чистота при немъ были изумительные. Однажды въ саду онъ увидѣлъ, что Наслѣдникъ ѣдетъ по той дорожкѣ, которая предназначена для пѣшеходовъ. Онъ подъѣхалъ туда, всталъ съ дрожекъ и загородилъ дорогу палкой, и доложилъ Наслѣднику: Ваше Высочество, потрудитесь вернуться назадъ, эта дорога для пѣшеходовъ.—Яковъ Васильевичъ, вы знаете, кто я.—Знаю, отвѣтилъ Захаржевскій—Вы тотъ, который долженъ служить примѣромъ, а не дѣлать безпорядки. Наслѣдникъ, а впослѣдствіи Императоръ Александръ II переконфузившись поѣхалъ обратно. До воцаренія своего Александръ II не любилъ Захаржевскаго. По воцареніи же своемъ, въ первый же пріѣздъ, посѣтилъ Я. В. и часто потомъ вспо-

миналъ, какъ онъ его выгналъ съ дороги. Объѣжая Александровскій садъ, Захаржевскій увидѣлъ, что какія-то дамы, гуляя, кушаютъ апельсины и корки бросаютъ на дорожку. Онъ всталъ съ дрожекъ, подошелъ къ нимъ и говоритъ: здѣсь убираютъ, заботятся о чистотѣ, а вы сорите. Потрудитесь возвратиться подобрать корки. Дамы переконфузились, но онъ настойчиво потребовалъ, чтобы онѣ подобрали. Онѣ видятъ, что онъ дожидается, вернулись и подобрали. Оказалось, что дамы эти были дежурныя фрейлины. Пріѣхавъ въ деревню въ село Кузьмино, онъ увидѣлъ на улицахъ соръ и всякую нечистоту, онъ приказалъ позвать старостъ; когда они собрались, накричалъ на нихъ за безпорядки и велѣлъ подбирать соръ. Тѣ съ особымъ усердіемъ стали собирать съ улицъ соръ и нечистоты къ себѣ въ полы кафтановъ. Каждый старался собрать больше, онъ приказалъ сосчитать, у кого сколько набрано, и столько же дать розгъ. Затѣмъ онъ приказалъ: у кого набрано было больше, значитъ, ты видѣлъ большій безпорядокъ, и ничего не убиралъ, ну, и отвѣчай больше.

У пруда, гдѣ стоятъ лодки, около Голландіи онъ приказалъ выстроить голубятню, помѣстилъ лучшихъ породъ голубей. Пріѣзжая сюда почти ежедневно, навязавъ на свою палку платокъ, онъ гонялъ голубей, подсвистывая. За этимъ занятіемъ очень часто заставалъ Якова Васильевича Царь, вступалъ съ нимъ въ разговоръ, и онъ тутъ разсказывалъ о породахъ голубей.

Захаржевскій, при подвижности своей натуры, не могъ долго сидѣть, а тѣмъ болѣе стоять на одномъ мѣстѣ. У него тогда и разбаливалась отнятая нога. Даже на выходахъ Высочайшихъ во Дворцѣ онъ не останавливался. Зная его привычку, нарочно становился кто-нибудь около него, и, замѣтивъ его увлеченіе, тотчасъ заговаривалъ съ нимъ. Говѣлъ онъ всегда въ Знаменской церкви и во все время службы переходилъ съ одного мѣста на другое, позабывшись и посвистывалъ. Одинъ разъ служившій священникъ Гавріилъ Одоевскій, замѣтя это, во время богослуженія, обратился къ нему и сказалъ: „здѣсь церковь, прошу быть съ должнымъ уваженіемъ къ святости, и если угодно посвистывать, то потрудитесь выйдти вонъ“.—Виноватъ, батюшка, позабылся, отвѣтилъ Я. В., впередъ постараюсь этого не дѣлать.

Выходя изъ церкви, онъ обратился къ ктитору Сазонову и сказалъ: „это не попъ, а священникъ, его слѣдуетъ уважать“.

Знаменская церковь считается придворной и во многомъ подчинена управляющему дворцами.

Пріѣхавъ на Пасхальной недѣлѣ, къ концу обѣдни въ соборную церковь, Яковъ Васильевичъ сталъ подходить, чтобы приложиться ко Кресту. Увидавъ его, священникъ сталъ расталкивать прикладывающійся народъ и пошелъ навстрѣчу Захаржевскому. Увидавъ это, Захаржевскій свернулъ въ сторону къ аналою, гдѣ лежалъ также Крестъ, приложился и стороной пошелъ къ выходу, гдѣ и остановился; дождавшись ухода священника, подошелъ къ его благословенію и сказалъ: „батюшка, много было пожалуй менѣе меня грѣшнаго, которыхъ слѣдовало предпочесть, да и недостоинъ я, чтобы изображеніе Спасителя несли ко мнѣ навстрѣчу; самъ я подойду къ нему и земно поклонюсь“.

Кто-либо изъ придворныхъ служителей, желающій жениться, обязанъ былъ испрашивать разрѣшенія у своего начальства. Лакей, одинъ изъ такихъ просителей, придя къ Захаржевскому, изложилъ свое желаніе жениться. Яковъ Васильевичъ обрушился на него:—ты видно дуракъ и бездѣльникъ; на что ты будешь содержать семью; тебѣ самому жизнь впроголодь, да и откуда у тебя возьмется время заниматься съ женой: ты видишь, у меня нѣтъ на это время. Я и не женюсь; исполняй службу какъ слѣдуетъ, такъ на эти пустяки времени не хватитъ. Пошелъ вонъ; нѣтъ тебѣ разрѣшенія. Разобиженный уходилъ. Яковъ Васильевичъ, походивъ, посвиставъ, приказывалъ просителя вернуть. Проситель этотъ, какъ и всѣ другіе, знали обычай Якова Васильевича, что онъ вернетъ, а потому отправлялись ожидать въ его же кучерскую. Яковъ Васильевичъ снова кричалъ на просителя, а тотъ, предвидя благопріятный исходъ, говорилъ: невозможно, Ваше Превосходительство, намъ жить безъ бабы; кто же мнѣ щи сваритъ, кто обстираетъ меня?— Ну, хорошо, женись; но ничего не смѣй просить на свою бѣдность. На свадьбу Яковъ Васильевичъ все-таки кое-что выдавалъ. На другой день молодые приходили къ Якову Васильевичу, принеся конфекты въ корзиночкѣ (тогда въ коробкахъ конфектъ не было). Онъ выходилъ, поздравлялъ молодыхъ, и если молодая была не дурна, то говорилъ: вишь какую красивую взялъ, и тутъ же давалъ 25 руб. Всѣмъ женившимся служителямъ давалось за конфекты 25 р. изъ его личныхъ средствъ.

У Якова Васильевича были молодыя племянницы Чулковы. Для нихъ раза три въ годъ онъ устраивалъ балы; а зимой на масляницѣ пикники съ поѣздкой въ Славянку, гдѣ бывали обычными танцы и ужинъ. Это устраивалось такимъ образомъ:

на роспуски были поставлены лодки, выложенныя коврами и запряженныя тройками и четверками; впереди ѣхалъ оркестръ музыки: дамы и болѣе солидные мужчины сидѣли въ лодкахъ, а молодежь ѣхала на маленькихъ простыхъ саночкахъ, привязанныхъ другъ къ другу и къ лодкамъ. На поворотахъ старались покруче завернуть, и всѣ сидѣвшіе въ дровешкахъ падали въ сугробы снѣга. Большинство было гусары и кирасиры. Яковъ Васильевичъ на этихъ пикникахъ никогда не бывалъ.

Жившая у Якова Васильевича его сестра Анна Васильевна любила очень поиграть въ карты, почему и имѣла для этого свой кружокъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ главную роль игралъ полицеймейстеръ Цыловъ. Анна Васильевна играла очень несчастливо и потому всегда нуждалась въ деньгахъ. Просить же у брата она не смѣла, зная, что онъ все получаемое имъ раздавалъ и лишнихъ денегъ не имѣлъ, а поиграть ей хотѣлось. Въ одинъ изъ вечеровъ она проиграла Цылову корову. Яковъ Васильевичъ увидалъ, что съ его двора ведутъ корову, онъ спросилъ, куда ведутъ? Отвѣтили, къ полицеймейстеру. Здѣсь онъ узналъ, что корова проиграна, и спросилъ сестру, сколько она проиграла. Затѣмъ послалъ деньги, а корову приказалъ вернуть. Послѣ этого событія онъ никогда болѣе Цылова не принималъ, и съ рапортомъ къ нему ходилъ приставъ. Вскорѣ изъ полицеймейстеровъ Цыловъ былъ отчисленъ.

Яковъ Васильевичъ по добротѣ своей былъ рѣдкій начальникъ и человѣкъ. Въ Царскомъ жили двѣ пожилыя дѣвицы, дочери умершаго правленскаго чиновника Тенишны, получавшія пенсіи 3 р. въ мѣсяцъ и имѣвшія ветхій домъ. Яковъ Васильевичъ нерѣдко присылалъ мастеровъ производить кое-какія починки, чтобы онѣ могли жить въ этомъ домѣ, и ежегодно выплачивалъ изъ своихъ средствъ за поставленныя имъ для дома дрова.

Привязанностей къ женщинамъ у Якова Васильевича, видимо, не было, но слухъ ходилъ, что хорошенькая дочь его кучера Наташа часто хаживала къ нему; но она почти нигдѣ не показывалась и одѣвалась очень бѣдненько, впослѣдствіи вышла замужъ, все приданое и тысячу рублей далъ Яковъ Васильевичъ.

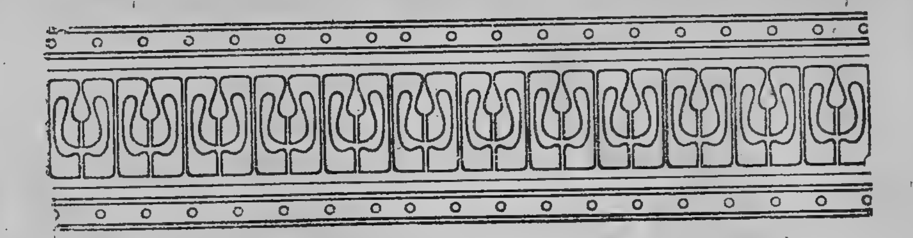
Правдивый, умный и честный Яковъ Васильевичъ былъ любимъ Царями, имѣлъ всевозможные русскіе и иностранные ордена, чинъ генерала-отъ-артиллеріи; его любили и боготворили всѣ жители Царскаго Села. Послѣ смерти онъ похороненъ въ

Царскосельскомъ Екатерининскомъ соборѣ съ правой стороны; наслѣдства послѣ себя онъ оставилъ, вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ хуторомъ, сорокъ тысячъ; люди, служившіе послѣ него на мѣстахъ съ меньшею властью и значеніемъ, наживали милліонное состояніе.

Сообщилъ **А. П. Нѣеловъ.**

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Изъ записокъ Станислава-Августа Понятовскаго [1]).

Понятовскій не долго пробылъ вдали отъ Петербурга; пріѣхавъ къ родителямъ въ исходѣ августа 1756 г., онъ 13 декабря уже отправился обратно ко двору Елисаветы Петровны, этотъ разъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла, получивъ по желанію великой княгини, за нѣсколько дней до отъѣзда изъ Варшавы, польскій орденъ Бѣлаго Орла.

Молодого посла сопровождалъ въ качествѣ секретаря нѣкто Огродцкій, о которомъ Станиславъ-Августъ отзывается съ наилучшей стороны. По его словамъ, Огродцкій получилъ болѣе разностороннее образованіе, нежели многіе изъ современниковъ; онъ обладалъ рѣдкими качествами: былъ трудолюбивъ, исполнителенъ, скроменъ, терпѣливъ, умѣлъ хранить тайны и—что имѣло особенное значеніе въ глазахъ Станислава-Августа—всей душою былъ преданъ семейству Понятовскихъ, поэтому считалъ священнымъ долгомъ стать полезнымъ молодому человѣку, всячески оберегалъ его, не беря въ то же время на себя роль докучливаго ментора; словомъ, для Станислава это былъ человѣкъ незамѣнимый.

Уѣхавъ изъ Варшавы 13 декабря, Понятовскій прибылъ 29 числа въ Ригу, гдѣ провелъ три дня, чтобы быть на балу, данномъ фельдмаршаломъ Апраксинымъ по случаю тезоименитства императрицы. „Я считалъ нужнымъ быть пріятнымъ Апраксину, пишетъ Понятовскій, который командовалъ арміей, выступавшей на защиту правъ моего монарха. Я познакомился съ нимъ въ мой первый пріѣздъ въ Россію и зналъ его какъ

¹) См. „Русская Старина" декабрь 1915 г.

человѣка, кичившагося тѣмъ, что онъ былъ однимъ изъ денщиковъ Петра Великаго. Лично онъ ничѣмъ не отличился по службѣ и не обладалъ талантами, которые давали бы ему право на такое видное назначеніе. Его ближайшимъ помощникомъ былъ генералъ Ливенъ, тотъ самый, который привелъ войска изъ Германіи въ 1749 г. Но самымъ дѣятельнымъ въ корпусѣ Апраксина былъ храбрый генералъ Петръ Панинъ, въ званіи дежурнаго генерала вѣдавшій всѣмъ, успѣвая, какъ говорили, въ то же время, очень энергично и съ успѣхомъ ухаживать за супругой фельдмаршала".

Пріѣхавъ въ Петербургъ 3 января 1757 г., Понятовскій получилъ 11-го числа аудіенцію у императрицы. Такъ какъ по правиламъ придворнаго этикета посланники второстепеннаго ранга не могли, въ продолженіе своей миссіи, говорить съ императрицей о дѣлахъ, то Станиславъ воспользовался своей аудіенціей, какъ единственной возможностью изложить императрицѣ сущность возложеннаго на него порученія.

Король приводитъ въ своихъ запискахъ содержаніе произнесенной имъ передъ императрицею рѣчи.

„Имѣя честь говорить съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ отъ имени Е. В. короля польскаго", такъ началъ Станиславъ Понятовскій, „я исполняю его повелѣніе съ чувствомъ вѣрноподданнаго и ревностнаго патріота; смѣю увѣрить В. И. В. въ томъ, что дружественныя чувства и преданность польскаго народа къ священной особѣ В. И. В. такъ же неизмѣнны при данныхъ обстоятельствахъ, какъ они были донынѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо, которое я имѣю честь вручить Вамъ отъ имени моего короля".

„Справедливость, коей отмѣчены всѣ рѣшенія В. В., а равно интересы Вашей имперіи говорятъ одинаково въ пользу короля, моего монарха, и противъ дерзостнаго захвата его наслѣдственныхъ владѣній. Основываясь на этомъ, я могъ бы надѣяться на успѣхъ возложеннаго на меня чрезвычайно важнаго порученія, хотя бы В. И. В. еще не высказались на этотъ счетъ, но Европѣ извѣстенъ взглядъ на этотъ вопросъ В. В. изъ высочайшихъ граматъ, въ которыхъ она съ восторгомъ узнала дщерь Петра Великаго".

„Поэтому полученныя мною инструкціи повелѣваютъ мнѣ прежде всего выразить В. В. живѣйшую и почтительнѣйшую признательность, коей преисполнено сердце короля, моего монарха, эти чувства безъ сомнѣнія найдутъ откликъ въ любвеобильномъ сердцѣ В. В. Вы высказали, государыня, свое спра-

ведливое негодованіе противъ монарха, честолюбіе коего грозитъ Европѣ тѣми же бѣдствіями, каковыя обрушились нынѣ на Саксонію. Вы обѣщали отомстить за нихъ. Для императрицы всероссійской не существуетъ невозможнаго; когда же императрица Елисавета возвѣстила о томъ, что она намѣрена предпринять, это надобно считать не только возможнымъ, но и непререкаемымъ; потому можно уповать на то, что король, мой монархъ, будетъ съ почетомъ водворенъ въ своихъ владѣніяхъ, ибо В. В. высказали свою непреклонную волю.

„Не стану рисовать В. В. печальную картину страны, наводненной непріятелемъ, не стану говорить о нарушеніи, среди глубочайшаго міра трактатовъ, не стану говорить о королѣ, которому, величая его другомъ, оставляютъ на выборъ лишь позоръ или смерть; ни о королевской семьѣ, обреченной на крайнюю нужду, подвергающейся самымъ тяжкимъ оскорбленіямъ, не стану говорить о капитуляціи, вынужденной варварскимъ обращеніемъ съ офицерами и солдатами, коихъ преданность и вѣрность королю, своему монарху, внушили бы уваженіе всякому иному врагу, наконецъ, не стану говорить о положеніи страны, разоряемой врагомъ уже четыре мѣсяца, и сгущать краски картины, безъ того слишкомъ хорошо извѣстной. Я убѣжденъ въ томъ, что любвеобильное сердце В. И. В. будетъ взволновано при мысли, что бѣдствія ни въ чемъ неповинной Саксоніи усугубляются съ каждымъ днемъ и что каждый мѣсяцъ, каждая недѣля промедленія усиливаетъ могущество короля прусскаго.

„Силы, которыя онъ могъ собрать и употребить въ дѣло въ 1745 г. послѣ неудачъ, имъ испытанныхъ въ 1744 г., свидѣтельствуютъ о томъ, что это гидра, которую мало ниспровергнуть, но которую ниспровергнувъ нужно раздавить".

„В. В. суждено нанести королю прусскому рѣшительный ударъ. Прочія державы въ виду ихъ отдаленности не могутъ расчитывать на столь быстрый успѣхъ предпринятыхъ ими мѣръ; спасая своего угнетеннаго союзника, В. В. тѣмъ самымъ докажете міру, что захотѣть для васъ значитъ исполнить. *Ничто не можетъ остановить русское войско, когда, защищая правое дѣло, оно идетъ по пути къ славѣ и побѣдѣ*".

„Да ниспошлетъ мнѣ Господь силу убѣжденія; всѣ мои желанія были бы увѣнчаны, если бы я съумѣлъ достойнымъ образомъ оправдать выборъ моего монарха, заслуживъ во время пребыванія моего при высочайшемъ дворѣ В. И. В. своимъ поведеніемъ продолженіе тѣхъ милостей, кои В. В. столь щедро и великодушно излили на меня при отъѣздѣ моемъ отсюда".

„Моя признательность слишкомъ глубока, чтобы я могъ выразить ее словами, могу только засвидѣтельствовать В. И. В. мое почтительнѣйшее благоговѣніе“.

Станиславъ-Августъ остался доволенъ своей рѣчью.

„Императрицѣ приходилось обычно выслушивать только банальные комплименты отъ лицъ, которыя не имѣли по большей части навыка говорить публично, поэтому моя рѣчь, произнесенная громко и съ воодушевленіемъ, понравились ей, тѣмъ болѣе, что та была убѣждена въ томъ, что объявляя войну король былъ неправъ“.

„По приказанію императрицы моя рѣчь была напечатана. Когда ее прочитали въ Варшавѣ, родные осудили меня за слово „гидра“ и боялись гнѣва короля прусскаго; онъ же, узнавъ содержаніе моей рѣчи, сказалъ: „хотѣлъ бы, чтобы это была правда, и чтобы отсѣченныя мои головы отростали вновь“. Отвѣтъ достойный великаго человѣка“.

Станиславъ-Августъ надѣялся на быстрые и рѣшительные успѣхи русскаго оружія; между тѣмъ военныя операціи русской арміи подъ командою неспособнаго, слабохарактернаго и недальновиднаго Апраксина были медленны и нецѣлесообразны.

Понятовскій даетъ портретъ Апраксина:

„Онъ былъ такъ толстъ, что съ трудомъ могъ сѣсть на лошадь; вставалъ поздно, любилъ поздно засиживаться по ночамъ и засыпалъ не иначе, какъ наслушавшись сказокъ, которыя ему разсказывали, надрываясь, что есть мочи, два или три гренадера; ихъ голоса раздавались къ всеобщему изумленію изъ палатки главнокомандующаго до поздней ночи, въ то время какъ въ лагерѣ царила полнѣйшая тишина; это повторялось ежедневно.

„Апраксинъ ничего не зналъ о томъ, что дѣлалось въ арміи, да такой степени, что 20 августа 1757 г. въ день битвы при Гроссъ-Егернсдорфѣ онъ и не подозрѣвалъ о томъ, что идетъ сраженіе, когда оно было уже на половину выиграно, а когда онъ узналъ наконецъ, что дѣйствительно шло сраженіе, то онъ былъ дотого взволнованъ, что до конца не отдалъ никакихъ приказаній, а когда ему донесли объ одержанной побѣдѣ, не съумѣлъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ отдать приказъ начать на слѣдующій день отступленіе, тогда какъ магистратъ города Кенигсберга избралъ уже депутацію, которая должна была вручить Апраксину ключи отъ города...

„Пославъ своего дежурнаго генерала, графа Петра Панина въ Петербургъ съ донесеніемъ объ одержанной побѣдѣ, Апрак-

синъ подпалъ, въ отсутствіе этого храбраго и дѣльнаго генерала, подъ вліяніе лицъ, которыя, пользуясь его бездарностью, успѣли убѣдить его, что ежели онъ пойдетъ впередъ, то армія погибнетъ отъ недостатка провіанта.

„Генералъ Ливенъ былъ заподозрѣнъ въ томъ, что онъ далъ своему начальнику совѣтъ отступать, будучи подкупленъ королемъ прусскимъ; между тѣмъ онъ пользовался всю жизнь такой безупречной репутаціей, что его память не можетъ быть запятнана этимъ ничѣмъ недоказаннымъ обвиненіемъ.

Кто бы ни далъ Апраксину этотъ пагубный совѣтъ, суть въ томъ, что онъ пошелъ обратно въ Самогитію, словно онъ понесъ пораженіе... Дворы Вѣнскій и Версальскій вопили объ измѣнѣ; Варшавскій дворъ жаловался, что пособіе, обѣщанное Саксоніи, не было имъ получено.

„Было бы излишне перечислять подробно всѣ мои ходатайства и многочисленныя записки, поданныя мною во время моего пребыванія въ Петербургѣ, чтобы добиться исполненія обѣщаній, данныхъ моему монарху; отвѣты на мои прошенія получались всегда благопріятные, но неурядица при дворѣ и въ управленіи была такъ велика, что исполненіе обѣщаннаго замедлялось или исполнялось наполовину.

„Всѣ семь лѣтъ, которыя длилась эта ужасная война, Августъ II не получалъ накакихъ доходовъ со своего курфиршества. Обыкновенные доходы Саксоніи равнялись въ то время 9 милліонамъ ефимковъ; но король прусскій извлекъ изъ нея по крайней мѣрѣ въ три раза больше разными наборами и налогами, т.-е. Саксонія дала ему въ семь лѣтъ 189 милліоновъ ефимковъ. Если прибавить къ этому 700 тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежегодной субсидіи со стороны Англіи, то будетъ понятно, что невозможное оказалось возможнымъ, т.-е., курфирстъ Бранденбургскій могъ въ теченіе семи лѣтъ противостоять соединеннымъ силамъ Россіи, Австріи, Франціи и Швеціи. Къ сказанному надобно прибавить тѣ неисчислимые доходы, которые доставило курфюрсту вопіющее злоупотребленіе, которое онъ, первый изъ монарховъ, позволилъ себѣ, начавъ чеканить монеты съ изображеніемъ Августа III; мало того, что онъ чеканилъ ихъ на монетныхъ дворахъ Саксоніи, онъ поддѣлывалъ ихъ также въ своихъ владѣніяхъ, вслѣдствіе чего онѣ мало по малу были обезцѣнены, до $^1/_3$ ихъ прежней стоимости".

Отъ этого страдала не только Саксонія, но и Польша, которая была наводнена фальшивыми монетами, которыми пруссаки расплачивались за хлѣбъ, лошадей, скотъ, селитру, холстъ и

солдатское сукно, пріобрѣтаемые для войска. Въ Польшу было ввезено до ста милліоновъ фальшивой монеты прежде, нежели мои соотечественники, среди коихъ было не мало сторонниковъ короля прусскаго, поняли, до чего были обезцѣнены ихъ деньги. Когда они наконецъ спохватились и подняли цѣны на продукты, то курсъ еще болѣе упалъ. Къ концу войны, въ 1763 году, въ Польшѣ оказалось до 200 милліоновъ фальшивыхъ денегъ.

„Польскіе евреи, лучше освѣдомленные, нежели остальные жители, быстро столковались съ прусскими евреями, черезъ руки которыхъ шли фальшивыя монеты; польскіе евреи такъ ревностно работали въ то время на пользу короля прусскаго, что они содержали на свой счетъ почту въ Турціи и отъ границъ Силезіи до Венгріи, что очень помогало пруссакамъ въ ихъ сношеніяхъ съ этими странами и въ особенности съ Польшей, гдѣ они старались поддержать бодрость духа среди сторонниковъ Фридриха, распространяли нужные имъ слухи и получали свѣдѣнія о русскихъ и австрійскихъ войскахъ, наконецъ устраивали тысячу разныхъ дѣлъ, послѣдствія которыхъ Августъ III ощущалъ постоянно, не имѣя возможности устранить ихъ“.

„Король и его дворъ существовали исключительно доходами съ королевскихъ имѣній, что составляло едва-едва сто тысячъ дукатовъ въ годъ. Субсидіи, получаемыя изъ Франціи, шли на содержаніе королевы и многочисленной королевской семьи въ Дрезденѣ и на уплату жалованія саксонскимъ войскамъ.

„Таково было по истинѣ бѣдственное положеніе Августа III, въ которое онъ попалъ потому, что не захотѣлъ насильно стать союзникомъ короля прусскаго“.

„Не берусь судить, которая изъ сторонъ была права во время этой ужасной войны“, говоритъ Станиславъ-Августъ, „но она была тяжела для Саксоніи; друзья и враги одинаково разоряли ее. Пруссаки и австрійцы бомбардировали Дрезденъ; послѣдніе безо всякаго повода бомбардировали Циттау—самый промышленный городъ курфиршества. Обѣ стороны обвиняли другъ друга въ грабежахъ и звѣрствахъ. По повелѣнію короля прусскаго былъ сожженъ Губертсбургскій королевскій замокъ, изъ котораго предварительно была вывезена и продана мебель. Мѣдная крыша замка продана еврею. По повелѣнію короля было взорвано великолѣпное зало въ саду графа Брюля въ Дрезденѣ, и разрушено двѣ виллы, принадлежавшія министру, одна изъ нихъ была разрушена въ присутствіи самого короля, который

собственноручно разбилъ о спину привратника зеркало, которое этотъ преданный слуга пытался спасти. Король утверждалъ, что это дѣлалось въ отомщеніе за опустошеніе Пруссіи русскими войсками и Шарлоттенбурга австрійцами. Изъ саксонскихъ тюремъ было выпущено до ста преступниковъ; изъ нихъ четверо, пойманные въ Богеміи, утверждали, будто король приказалъ имъ жечь и истреблять все, что было возможно. Быть можетъ это невѣрно, но всѣ были удивлены тѣмъ, что этихъ злодѣевъ выпустили на свободу".

„Бѣдствія, испытанныя Августомъ III и его подданными во время войны, и разореніе его страны прусскими войсками возбудили къ нему состраданіе и сочувствіе Россіи, Австріи и Франціи. Императрица Елисавета Петровна и Марія Терезія хотѣли вознаградить его, и Понятовскому, какъ представителю короля польскаго, было поручено представить до окончаніи войны русскому двору записку съ изложеніемъ требованій, предъявленныхъ королемъ польскимъ. Записка была представлена 19 сентября 1757 г.; копіи съ ней были препровождены въ Вѣну и въ Парижъ, но обстоятельства сложились такъ благопріятно для короля прусскаго, что обѣщанія державъ не были исполнены.

„Франція сочла моментъ благопріятнымъ, чтобы возстановить вліяніе, какимъ она пользовалась одно время при дворѣ Елисаветѣ Петровны. Французскимъ посланникомъ былъ назначенъ въ это время маркизъ Л'Опиталь. Онъ прибылъ съ многочисленной свитой и съ большой пышностью, которую онъ старался выставить напоказъ, очевидно съ цѣлью произвести впечатлѣніе. По его заказу была написана картина, изображавшая его переѣздъ со свитой черезъ Карпаты, въ двадцати трехъ экипажахъ; онъ показывалъ ее всѣмъ съ восторгомъ.

„Л'Опиталь былъ плохо образованъ и не особенно уменъ; онъ походилъ скорѣе на стараго комедіанта, нежели на стараго аристократа; онъ старался всѣми силами мнѣ вредить, будучи во время проѣзда чрезъ Варшаву возстановленъ противъ меня французскимъ посланникомъ при дворѣ Августа III, графомъ де-Брольо.

„Когда послѣдній былъ назначенъ въ Дрезденъ, въ Парижѣ хохотали и задавали другъ другу вопросъ: „ужъ не хочетъ ли король объявить войну королю польскому?" Въ самомъ дѣлѣ, Брольо былъ человѣкъ крайне вспыльчивый, гордый, повелительный, сварливый и неуживчивый; впрочемъ, онъ былъ уменъ и трудолюбивъ, хотя и не прочь былъ развлечься; онъ хотѣлъ

по-своему вертѣть Саксоніей и Польшей и не мирился съ тѣмъ, что Россія пользовалась при дворѣ Августа III большимъ вліяніемъ. Считая меня сторонникомъ Англіи и опасаясь, чтобы, благодаря моему присутствію, въ Россіи не усилилось вліяніе моей семьи, которую Брольо считалъ враждебной Франціи, онъ старался, чтобы я былъ отозванъ изъ Петербурга. Графъ Брюль цѣлый годъ противился его настояніямъ, боясь навлечь на себя гнѣвъ Бестужева и великой княгини; къ тому же я снискалъ расположеніе Вѣнскаго двора, оказавъ ему немаловажную по тому времени услугу.

„Считая своимъ долгомъ ради общей пользы измѣнить, насколько это отъ меня зависѣло, недружелюбное отношеніе великаго князя къ графу Эстергази и Вѣнскому двору, я пользовался для этого всякимъ удобнымъ случаемъ, и это мнѣ настолько удалось, что уже весною 1757 г. князь Кауницъ писалъ графу Эстергази:

„Его Величество и министръ съ особымъ удовольствіемъ узнали изъ Вашего сообщенія о томъ, что графъ Понятовскій искренно старается разсѣять неблагопріятное впечатлѣніе, которое сложилось въ умѣ великаго князя по отношенію къ вашему превосходительству, и доставить вамъ случай лично объясниться по этому поводу съ его высочествомъ... Это разсѣетъ всякое сомнѣніе относительно удостовѣреннаго вами дружелюбнаго и осторожнаго поведенія графа Понятовскаго.

„Предубѣжденіе, которое мы имѣли вначалѣ противъ названнаго графа, было очень велико; но такъ какъ нашъ дворъ привыкъ относиться скорѣе доброжелательно къ посланнику, извѣстному своей проницательностью и дорожащему своей честью, то здѣсь рады быть лучше освѣдомленными и ваше превосходительство поступите согласно съ намѣреніями нашего двора, оказывая графу Понятовскому полное довѣріе и поступая сообразно съ этимъ.

„15 іюля 1757 г., при ближайшемъ участіи Понятовскаго, между Маріей Терезіей и великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ былъ заключенъ на время войны договоръ относительно Голштинскихъ войскъ, которыя великій князь обязался въ случаѣ надобности предоставить въ распоряженіе императрицѣ, а она, въ свою очередь, обязалась уплачивать на снаряженіе этихъ войскъ сто тысячъ флориновъ ежегодно“.

„Зная фанатическую приверженность Петра III къ Пруссіи, Вѣнскій дворъ вполнѣ оцѣнилъ услугу, оказанную ему Понятовскимъ, который успѣлъ склонить великаго князя къ этому

шагу. Поддержка, оказанная въ свою очередь Понятовскому австрійскимъ посланникомъ, дала Станиславу-Августу возможность съ успѣхомъ бороться въ теченіе цѣлаго года противъ происковъ Франціи; тѣмъ не менѣе вопросъ объ его отозваніи изъ Петербурга былъ рѣшенъ окончательно въ исходѣ 1757 г., когда Брольо удалось, наконецъ, по настоянію своего правительства, убѣдить графа Брюля въ томъ, что „пребываніе графа Понятовскаго при Петербургскомъ дворѣ опасно для интересовъ Франціи“.

Такъ какъ можно было предполагать, что англійскій посланникъ при дворѣ Августа III, Стортингъ, въ виду своихъ дружескихъ отношеній къ семейству Чарторыйскихъ и въ интересахъ своего правительства постарается воздѣйствовать на графа Брюля съ цѣлью удержать Понятовскаго въ Россіи, то Брольо также было повелѣно добиться отозванія Стортинга.

Одновременно съ отзывными граматами, которыя были присланы Понятовскому съ французскимъ курьеромъ, онъ получилъ письмо отъ короля и отъ графа Брюля.

Король благодарилъ Станислава-Августа за усердіе и за службу и писалъ, что онъ помимо воли вынужденъ отозвать его, что онъ не могъ поступить иначе, такъ какъ король Франціи, подозрѣвая его въ симпатіи къ Англіи и въ поддержкѣ съ этой настраною тайныхъ сношеній въ ущербъ интересамъ Франціи, настаивалъ на его немедленномъ отозваніи.

То же подтвердилъ король отцу Понятовскаго, когда послѣдній, встревоженный отозваніемъ сына, испросилъ у Августа III аудіенціи.

„Вы видите мое положеніе“, сказалъ король, „необходимость заставила меня отозвать его, ибо въ противномъ случаѣ Франція угрожала лишить меня дальнѣйшей поддержки“; онъ же, король, писалъ сыну Понятовскій, только и существуетъ субсидіями, получаемыми отъ Франціи и Россіи, безъ нихъ у него не было бы куска хлѣба для себя и для королевы; ошибки, сдѣланныя Апраксинымъ, не позволяютъ болѣе расчитывать на русское войско, поэтому онъ вынужденъ держаться Франціи, которая даетъ ему средства къ существованію“.

„Говоря это, король былъ растроганъ до слезъ.

Когда въ Петербургѣ стало извѣстно объ отозваніи Понятовскаго, всѣ, не исключая Л'Опиталя, поспѣшили выразить ему свое сочувствіе; молодой фаворитъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, относившійся съ большимъ уваженіемъ къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, увѣрялъ, что онъ въ отчаяніи по

поводу случившагося и будетъ всячески стараться измѣнить это рѣшеніе; сама Императрица Елисавета Петровна вмѣсто того, чтобы дать послу прощальную аудіенцію, о которой онъ просилъ, милостиво высказала ему во всеуслышаніе свое сожалѣніе по поводу его отъѣзда — „фактъ выдающійся, такъ какъ она не имѣла обыкновенія въ дни оффиціальныхъ пріемовъ говорить съ посланниками второстепенныхъ государствъ“.

Вышесказанное имѣло послѣдствіемъ, что канцлеръ Бестужевъ заявилъ, что онъ считаетъ отозваніе Понятовскаго актомъ недружелюбнымъ по отношенію къ нему лично и въ видѣ удовлетворенія требуетъ, чтобы Станиславъ былъ вновь назначенъ въ Петербургъ, этотъ разъ полномочнымъ министромъ короля польскаго для рѣшенія возникающихъ спорныхъ вопросовъ.

Понятовскій пробылъ въ Россіи еще нѣсколько мѣсяцевъ. Въ это время великая княгиня разрѣшилась отъ бремени дочерью, скончавшейся въ 1759 году.

„Я видѣлся съ нею часто“, записалъ Понятовскій. „Теперь мнѣ для этого уже не было надобности въ содѣйствіи Нарышкина.

„Подъѣзжая къ дворцу, я выходилъ изъ экипажа, шелъ немного пѣшкомъ, а затѣмъ, подымаясь по той маленькой лѣстницѣ, по которой Нарышкинъ провелъ меня первый разъ; часовые, которыхъ очевидно предупреждали, ничего не спрашивали и не задерживали меня. Иногда Великая Княгиня выходила въ условленный часъ по той же лѣстницѣ, одѣтая въ мужское платье, садилась въ сани, и я везъ ее къ себѣ. Однажды, когда я поджидалъ ее въ саняхъ, какой-то унтеръ-офицеръ долго вертѣлся около меня и даже задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ. Я былъ въ мѣховой шапкѣ и закутанъ въ шубу. Я притворился спящимъ, какъ слуга, поджидающій барина. Признаюсь несмотря на сильный морозъ, меня бросило въ жаръ; наконецъ, унтеръ-офицеръ ушелъ, и Великая Княгиня вышла. Но это была ночь приключеній. Сани налетѣли на камень и ихъ такъ встряхнуло, что Екатерина Алексѣевна упала изъ саней, лицомъ внизъ. Она лежала не шевелясь, и я думалъ, что она убилась до смерти; я поспѣшилъ поднять ее. Она отдѣлалась одними ушибами; но когда она вернулась домой, то оказалось, что ея камеристка по ошибкѣ заперла дверь въ ея спальню; ей угрожала величайшая опасность; къ счастью, другая особа успѣла впустить ее“.

25 февраля 1758 г., возвратясь въ 10 часовъ вечера изъ театра, Понятовскій засталъ у себя Бернарди, ювелира изъ

Венеціи, который часто передавалъ Великой Княгинѣ письма отъ меня и канцлера и приносилъ намъ ея отвѣты.

„Все пропало", сказалъ онъ, канцлеръ Бестужевъ арестованъ; у его дома стоитъ стража; я узналъ объ этомъ въ домѣ Далоліо. Умоляю васъ, прикажите бросить меня въ колодезь, чтобы мнѣ не изнывать въ тюрьмѣ".

„Подумавъ съ минуту, разсказываетъ Понятовскій, я спросилъ его: есть ли у васъ въ настоящую минуту хотя какая-нибудь бумажка, написанная рукою канцлера или Великой Княгини?"

„Нѣтъ", возразилъ онъ.

„Ну, такъ отправляйтесь преспокойно домой... дѣло кончится вѣроятно не такъ трагично, какъ вы полагаете, если же вы теперь спрячетесь, это только ухудшитъ ваше положеніе".

Долго пришлось уговаривать и ободрять Бернарди; наконецъ онъ послушалъ моего совѣта. Мнѣ рѣдко приходилось переживать такую тяжкую минуту; Бернарди не только оказывалъ мнѣ не мало услугъ, но это былъ человѣкъ въ высшей степени милый и честный; онъ не избѣгнулъ тюрьмы; но его уже собирались выпустить, какъ дѣло Бестужева приняло неблагопріятный оборотъ, это отразилось на участи Бернарди, который былъ сосланъ въ Казань, гдѣ и скончался. Его жена и дѣти, жившіе въ Венеціи, получали отъ меня опредѣленную пенсію".

Опала, постигшая Бестужева, была весьма непріятна Великой Княгинѣ и такъ сильно повліяла на Понятовскаго, что онъ слегъ въ постель и проболѣлъ нѣсколько недѣль. Съ этихъ поръ у него начались головныя боли, которыми онъ страдалъ всю жизнь.

„Хотя Левъ Александровичъ Нарышкинъ и далъ Великой Княгинѣ поводъ не довѣрять ему, однако исчезновеніе Бернарди заставило ее вновь обратиться къ посредничеству Нарышкина, чтобы возобновить сношенія со мною,—пишетъ Понятовскій. Наши свиданія происходили по-прежнему; въ то же время отношенія Великой Княгини къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ улучшились, и мы имѣли основаніе думать, что она одобряетъ нашу связь. Это ободрило меня и болѣе способствовало моему выздоровленію, нежели всѣ лѣкарства моего врача Бёрграва.

„Такъ какъ дѣло канцлера Бестужева приняло плохой оборотъ и всѣ прочія обстоятельства не особенно благопріятствовали моему пребыванію въ Петербургѣ, то я рѣшилъ на нѣкоторое время взять отпускъ и уѣхать изъ Россіи.

„Въ виду этого мои ночныя поѣздки въ Ораніенбаумъ, гдѣ жилъ молодой дворъ, участились.

„Я такъ приспособился къ этому и такъ удачно проѣзжалъ никѣмъ не замѣченный, что уже не считалъ эти поѣздки для себя опасными (я ѣздилъ всегда переодѣтымъ), и 6-го іюля я даже рискнулъ пуститься въ путь, не условившись предварительно съ Великой Княгиней, какъ бывало раньше. Я нанялъ, по обыкновенію, маленькій крытый экипажъ; возница былъ мнѣ незнакомъ, но на запяткахъ сидѣлъ переодѣтый слуга, который обычно меня сопровождалъ.

„Этотъ разъ мы встрѣтились въ Ораніенбаумскомъ паркѣ Великаго Князя со свитой. Вся компанія была навеселѣ. Кучера спросили, кого онъ везетъ? Онъ отвѣчалъ: не знаю; мой слуга заявилъ, что я портной. Насъ пропустили, но фрейлина Елисавета Воронцова, фаворитка Великаго Князя, бывшая съ нимъ, такъ зло подсмѣивалась надъ мнимымъ портнымъ и высказывала такія предположенія, что Великій Князь пришелъ въ ярость и когда я вышелъ въ паркъ, проводя нѣсколько часовъ съ Великой Княгиней въ маленькомъ уединенномъ павильонѣ, гдѣ она въ то время помѣщалась, на меня напали три верховыхъ съ саблями наголо; они схватили меня за шиворотъ и потащили къ Великому Князю; узнавъ меня, онъ приказалъ намъ слѣдовать за нимъ. Мы шли нѣкоторое время по дорожкѣ, которая упиралась въ море. Я думалъ, что насталъ мой послѣдній часъ; дойдя до берега, мы свернули къ другому павильону; войдя туда, Великій Князь безъ обиняковъ спросилъ меня, что я дѣлалъ?.. съ его женою. Я отвѣчалъ: нѣтъ.

„Говорите правду, сказалъ онъ; если сознаетесь, все уладится, если нѣтъ, вамъ придется плохо.

— Я не могу сказать, что я дѣлалъ то, чего я не дѣлалъ, отвѣчалъ я.

Онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ повидимому совѣтовался со своей свитою; вернувшись, онъ сказалъ:

„Ну если вы не хотите говорить, вы останетесь тутъ до дальнѣйшихъ приказаній“ и оставилъ меня вдвоемъ съ генераломъ Брокдорфомъ.

Мы просидѣли въ глубокомъ молчаніи два часа; наконецъ явился графъ Александръ Шуваловъ, двоюродный братъ фаворита. Это былъ великій инквизиторъ, начальникъ грозной тайной канцеляріи. Словно для того, чтобы усилить страхъ, который внушало его имя и возложенная на него обязанность, его

лицо передергивалось какими-то судорогами, что придавало ему безобразный видъ.

„При появленіи его я понялъ, что Императрицѣ все было извѣстно. Онъ сконфуженно пробормоталъ нѣсколько словъ, которыхъ я не понялъ, но угадалъ, что онъ требуетъ у меня объясненія по поводу случившагося.

„Не входя ни въ какія подробности, я сказалъ: „вы вѣроятно поймете, м. г., что честь вашего собственнаго двора требуетъ, чтобы вся эта исторія разрѣшилась съ наименьшей оглаской и чтобы вы меня извлекли отсюда какъ можно скорѣе".

„Вы правы, я объ этомъ позабочусь", сказалъ онъ, заикаясь, ибо въ довершеніе всего онъ былъ заика.

Онъ ушелъ. Вернувшись приблизительно часъ спустя, онъ заявилъ, что карета для меня готова и что я могу ѣхать въ Петергофъ.

Карета была запряжена парою лошадей, маленькая, плохенькая, и вся въ стеклахъ, какъ фонарь. Было 6 часовъ утра, когда я потащился въ ней по песчаной дорогѣ; путь показался мнѣ безконечнымъ.

„Подъѣзжая къ Петергофу, я остановился и, отпустивъ карету, рѣшилъ далѣе итти пѣшкомъ, закутавшись въ шинель и нахлобучивъ свою сѣрую шапку на уши. Меня легко могли принять за разбойника, но все-таки я менѣе обращалъ на себя вниманіе любопытныхъ, чѣмъ въ каретѣ.

Дойдя до деревяннаго дома, въ которомъ я жилъ вмѣстѣ съ свитой принца Карла [1]), и увидавъ, что окна нижняго этажа были открыты, я рѣшилъ не входить въ дверь, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь, а влѣзть въ мою комнату черезъ окно; но я ошибся окномъ и попалъ въ комнату моего сосѣда генерала Роникера, который въ эту минуту брился. Онъ подумалъ, что передъ нимъ привидѣніе; мы стояли нѣсколько минутъ молча, затѣмъ расхохотались, и я сказалъ:

„Не спрашивайте меня, откуда я явился и почему я явился черезъ окно; но какъ добрый товарищъ дайте мнѣ честное слово, что вы не разболтаете объ этомъ".

Онъ обѣщалъ; я легъ и попытался уснуть, но это было тщетно.

Я провелъ два дня въ величайшей тревогѣ. По лицу окружающихъ я отлично видѣлъ, что мое приключеніе было всѣмъ извѣстно, но никто объ этомъ не говорилъ со мной. Наконецъ Великая Княгиня нашла способъ переслать мнѣ записку, изъ

---

[1]) Любимый сынъ Августа III, бывшій въ то время въ Петербургѣ.

которой я узналъ, что она сдѣлала попытку задобрить фаворитку своего мужа. Черезъ день великій князь съ супругой и весь дворъ прибыли въ Петергофъ; это было 29 іюня, день Петра и Павла.

Вечеромъ при дворѣ былъ балъ; танцуя менуетъ съ Воронцовой, я сказалъ ей: „есть люди, которыхъ вы могли бы осчастливить".

Она отвѣчала: „дѣло ужъ почти улажено, приходите въ часъ ночи съ Львомъ Александровичемъ въ Нижній садъ къ Монплезиру, гдѣ помѣщаются ихъ Высочества". Я пожалъ ей руку и пошелъ посовѣтываться съ Л. А. Нарышкинымъ. Онъ сказалъ: „приходите, я буду у Великаго Князя".

Я колебался нѣкоторое время, затѣмъ сказалъ Браницкому: „рискните прогуляться со мною сегодня ночью въ Нижнемъ саду? Одному Богу извѣстно, куда насъ заведетъ эта прогулка, но по всей вѣроятности она окончится благополучно".

Онъ сразу согласился и въ назначенный часъ мы отправились въ указанное мѣсто. Шагахъ въ двадцати отъ павильона я встрѣтилъ Елисавету Воронцову, которая сказала мнѣ:

„Вамъ придется обождать тутъ; у Великаго Князя гости, они курятъ трубки; когда они уйдутъ, онъ васъ приметъ".

Она подходила нѣсколько разъ къ павильону и прислушивалась. „Войдите", сказала она наконецъ. Великій Князь быстро подошелъ ко мнѣ съ веселымъ видомъ и сказалъ:

„Ну не дуракъ ли ты, что не сказалъ мнѣ все откровенно? Если бы ты это сдѣлалъ, всей этой кутерьмы не было бы".

Я во всемъ признался и тотчасъ сталъ восхвалять военныя способности Великаго Князя. Это такъ польстило ему и привело его въ столь прекрасное настроеніе духа, что черезъ четверть часа онъ сказалъ мнѣ: „ну вотъ мы и помирились, однако для полнаго удовольствія намъ кое-кого не хватаетъ" и пройдя въ спальню жены, онъ поднялъ ее съ постели; она едва успѣла натянуть чулки и набросить капотъ, какъ онъ притащилъ ее къ намъ въ комнату, какъ она была, безъ сапогъ и безъ юбокъ и, указывая на меня, произнесъ: „Ну вотъ. Надѣюсь мною будутъ довольны".

Она поймала его на словѣ и сказала: „не достаетъ только записочки отъ вашего имени къ вице-канцлеру Воронцову съ приказаніемъ похлопотать въ Варшавѣ о скорѣйшемъ возвращеніи нашего друга сюда".

Великій князь приказалъ принести столъ съ письменными принадлежностями, но таковаго въ павильонѣ не оказалось;

нашлась доска, которую ему положили на колѣна; и онъ набросалъ записку Воронцову и кромѣ того далъ мнѣ писанную карандашемъ записку Воронцовой слѣдующаго содержанія, которая по сей часъ хранится у меня.

„Будьте увѣрены, что я сдѣлаю все возможное, чтобы вы вернулись. Я буду всѣхъ просить объ этомъ и докажу вамъ, что я о васъ не забуду.

„Прошу васъ не забывать меня и вѣрить, что вы всегда будете имѣть во мнѣ друга. Остаюсь преданная вамъ слуга Елисавета Воронцова“.

„Затѣмъ мы всѣ шестеро стали хохотать, болтать и баловаться съ фонтанчикомъ, который былъ въ залѣ, какъ будто все было какъ нельзя лучше и разошлись только въ 4 часа утра.

„Какъ все это ни покажется дико, но я клянусь, что все это истина; съ этого дня началась моя дружба съ Браницкимъ.

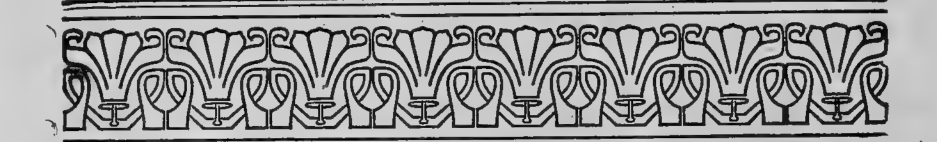
На другой день всѣ были со мною любезны. Съ вѣдома Великаго Князя я былъ еще 4 раза въ Ораніенбаумѣ. Я пріѣзжалъ вечеромъ; проходилъ по потайной лѣстницѣ къ Великой Княгинѣ; гдѣ заставалъ Великаго Князя и его фаворитку. Мы ужинали вмѣстѣ, послѣ чего онъ уводилъ Воронцову, говоря: „ну, дѣти мои, вамъ меня кажется, болѣе не нужно“; и я оставался, сколько хотѣлъ.

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ былъ со мною любезенъ, Воронцовъ также. Но все же мнѣ пришлось уѣхать изъ Петербурга, какъ это было рѣшено раньше.

В. Т.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Мои воспоминанія и размышленія [1]).

(Посвящается женѣ, дѣтямъ и внукамъ и внучкамъ).

Тамъ жизнь шла прежнимъ чередомъ. Кругомъ также свирѣпствовала жестокая холера, но ни гувернеръ мальчиковъ Карлъ Андреевичъ Козловскій (изъ онѣмеченныхъ познанскихъ поляковъ), ни я нисколько не перемѣняли обычнаго образа жизни, раза по два въ день купались и ѣли ягоды со сливками и безъ сливокъ, отъ чего всѣ прочіе воздерживались. Карлъ Андреевичъ былъ изумительно добрый, человѣколюбивый, энергичный и самоотверженный человѣкъ. По цѣлымъ днямъ онъ возился съ своими несносными мальчуганами—двумя младшими сыновьями Натальи Алексѣевны Мельгуновой, а ночи проводилъ въ деревнѣ, возясь съ холерными больными, пользуя ихъ Иноземцевскими каплями, растирая ихъ и т. д. Наталья Алексѣевна допускала это, потому что это были ея крѣпостные, а въ окрестностяхъ не было ни одного медика, и никакой врачебной помощи не было въ этой части уѣзда въ такое ужасное холерное время, притомъ же уходя изъ дому и возвращаясь домой, онъ долженъ былъ переодѣваться. И до смерти Наденьки, и послѣ ея кончины онъ нерѣдко бралъ и меня съ собою, такъ какъ плохо говорилъ по-русски, и его съ трудомъ и не всѣ понимали какъ должно: я уходилъ къ холернымъ тайкомъ отъ Натальи Алексѣевны; не знала, конечно, ничего объ этомъ и maman. Замѣчательно, что, несмотря на плохой русскій говоръ, на иноземное свое происхожденіе и на иную вѣру (онъ былъ римско-католикъ и притомъ очень усердный, обыкновенно подолгу молившійся на колѣняхъ, предъ

[1]) См. „Русская Старина“, декабрь 1915 г.

тѣмъ, какъ ложиться спать), онъ успѣлъ внушить полнѣйшее къ себѣ довѣріе народу, и слава его, какъ врачующаго холеру, широко распространилась въ окрестности, и за нимъ присылали телѣги изо всѣхъ селеній и даже привозили больныхъ въ Таболово къ церкви: это уже было не по душѣ Наталіи Алексѣевнѣ, и она всячески старалась этому воспрепятствовать. Самого Карла Андреевича наиболѣе поражало необыкновенное равнодушіе нашихъ крестьянъ къ смерти своей и своихъ ближнихъ. Онъ видѣлъ въ этомъ какую-то апатію и безчувствіе животнаго и часто говорилъ мнѣ: Das ist ein Viehvolk (конечно, переводъ польскаго „быдло"). Насилу мнѣ удалось убѣдить его, что въ этомъ равнодушіи къ смерти болѣе всего проявляется покорность волѣ Божіей, твердая вѣра въ блаженную жизнь будущаго вѣка и сознаніе тяготы земной жизни.

Еще изъ Таболова я увѣдомилъ М. Н. Каткова о смерти Наденьки и спрашивалъ его о всѣхъ близкихъ ему лицахъ, о профессорахъ и нашихъ общихъ знакомыхъ, пощадила ли ихъ холера. Онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ изъ Москвы отъ 15-го іюля 1848 г.:

„Душевно благодарю васъ, любезный другъ, за вашу дружбу, за вашу память и за письмо, которое дало мнѣ тому новое доказательство. Вполнѣ сочувствую вашимъ семейнымъ потерямъ, которыя такъ скоро послѣдовали одна за другою. Но держитесь крѣпче, не падайте духомъ; не забывайте вашихъ несчастій легкомысленно, чего впрочемъ я отъ васъ не ожидаю, но и не предавайтесь имъ: смотрите на нихъ, какъ на испытаніе и противопоставляйте имъ все, что въ васъ есть твердаго, мужественнаго. Меня радуетъ, что вы не ослабѣваете въ вашихъ занятіяхъ, что вы здоровы и окружены людьми, родственно къ вамъ расположенными; жалѣю только, что не могу такъ скоро, какъ бы хотѣлъ, видѣться съ вами, говорить съ вами лично. Я понимаю, какъ послѣ вашей послѣдней неожиданной потери мрачно должна вамъ представляться Москва. Но всѣ, о которыхъ вы съ такимъ участіемъ безпокоитесь, живы и здоровы. Эпидемія съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ, и вообще даже во время ея сильнаго разгара у насъ, по крайней мѣрѣ, въ нравственномъ отношеніи, все было спокойно и ясно.

„Что касается до моего здоровья — и я вновь благодарю васъ за дружеское участіе—то я по крайней мѣрѣ въ эту минуту не имѣю причинъ жаловаться. Я сбирался было скоро уѣхать на югъ; но бумаги объ моемъ увольненіи на будущій

годъ отъ лекцій еще все не приходятъ изъ Петербурга. Вы вѣроятно уже знаете, что я подалъ просьбу объ этомъ увольненіи. Итакъ въ университетскихъ аудиторіяхъ намъ, кажется, въ этомъ году съ вами не встрѣчаться; но все-таки зиму, вѣроятно, я проведу въ Москвѣ.

„Я твердо увѣренъ, что вы не преминете доставить мнѣ сердечное удовольствіе видѣть васъ, какъ только пріѣдете въ Москву. Жму отъ души вашу руку. Искренно любящій васъ М. Катковъ“.

Письмо это было и останется для меня навсегда драгоцѣннымъ, какъ доказательство сердечнаго участія къ моему горю и дружественнаго расположенія ко мнѣ лица, которое я неизмѣримо высоко ставилъ какъ ученаго, какъ профессора и какъ человѣка и котораго и Наденька рѣшительно предпочитала всѣмъ посѣтителямъ Елизаветы Алексѣевны Карльгофъ, очень любила читать его лекціи и подробно всегда меня о немъ разспрашивала.

Въ Таболовѣ на этотъ разъ я не долго зажился: дѣла призывали меня домой. Нашелся серіозный покупатель на нашъ домъ д-ръ медицины В. И. Бушъ. Вскорѣ пришла и новая довѣренность отъ братьевъ на имя maman (прежняя ихъ довѣренность была на имя Наденьки), и я, прибывъ въ Москву, принялся за хлопоты по этому дѣлу, получилъ отъ Буша 1 т. р. задатку, явился въ гражданскую палату по дѣлу о купчей и когда чиновникъ запросилъ съ меня за это безспорное дѣло 100 р. сер. съ тѣмъ, что онъ соберетъ всѣ нужныя справки, я отвергъ его предложеніе, самъ съ большой энергіей и съ небольшими расходами собралъ ихъ въ управѣ благочинія, въ казенной палатѣ и строительной коммиссіи, самъ написалъ проектъ купчей и со всѣми справками и съ довѣренностью отъ братьевъ явился во 2-ой департаментъ гражданской палаты. Продержавъ меня съ часъ времени, надсмотрщикъ заявилъ, что всѣ бумаги въ порядкѣ за исключеніемъ довѣренности отъ моихъ братьевъ: она явлена и удостовѣрена въ ратушѣ г. Шавлей (Ковенской губ.), а Шавли уѣздный городъ, и тамъ есть уѣздный судъ, въ уѣздномъ судѣ и слѣдовало явить довѣренность.—„Но вѣдь изъ довѣренности ясно намѣреніе моихъ братьевъ продать домъ и что они уполномочиваютъ на это свою мать.“—„Да, но ратуша существуетъ для купеческихъ и мѣщанскихъ дѣлъ и явленную въ ней довѣренность не тамошнихъ купцовъ или мѣщанъ мы не можемъ считать дѣйствительною и не можемъ совершить по ней купчую крѣпость“.

Необходимо было войти съ этимъ формалистомъ въ денежную сдѣлку, спросивъ его условія, но я по неопытности этого не сдѣлалъ и тотчасъ написалъ братьямъ, чтобы они выслали новую довѣренность, явивъ ее въ судѣ Шавлей. Дѣло было очень спѣшное и тревожное: жизнь maman висѣла на волоскѣ и въ случаѣ ея смерти продажа дома снова замедлялась процедурой ввода наслѣдниковъ во владѣніе, а Бушъ заявлялъ, что онъ не можетъ ждать долѣе половины сентября; 20-го августа братья совершили новую довѣренность на имя maman въ уѣздномъ судѣ Шавлей, но на бѣду старшій братъ, занимавшійся нашими дѣлами до поступленія въ полкъ, вздумалъ на память обозначить количество земли подъ домомъ и при этомъ тремя квадратными саженями показалъ его меньше дѣйствительнаго. Надсмотрщикъ вывелъ изъ этого заключеніе, что братья хотятъ не всю землю продать, а оставить изъ нея въ свою пользу 3 кв. саж. безъ обозначенія, гдѣ именно, и что по такой довѣренности купчей совершить нельзя. Я былъ просто въ отчаяніи и рѣшился обратиться за помощью къ графу Закревскому, такъ какъ генералъ-губернаторъ въ то время имѣлъ общій надзоръ и за мѣстными судебными учрежденіями, ограждая обывателей отъ какихъ-либо съ ихъ стороны притѣсненій и волокиты. Графъ Закревскій принялъ участіе въ нашемъ трудномъ положеніи и далъ благопріятное для насъ предложеніе палатѣ совершить купчую, буде нѣтъ какихъ-либо къ тому существенныхъ законныхъ припятствій, на что ему отвѣчено было, что купчую совершить возможно на основаніи одной изъ представленныхъ довѣренностей, но что это послужитъ поводомъ къ безконечнымъ домогательствамъ съ разныхъ сторонъ къ обходу существующихъ узаконеній по примѣру того, какой нынѣ предлагается палатѣ. Очевидно, что я и тутъ потерпѣлъ полную неудачу, и Бушъ находилъ, что обращеніемъ къ генералъ-губернатору я только испортилъ дѣло, что теперь едва-ли г.г. чиновники пойдутъ со мною на какую-нибудь сдѣлку и что необходимо уладить дѣло съ помощью запродажной записи, совершенной домашнимъ порядкомъ, при чемъ мы теперь же въ началѣ сентября выѣдемъ изъ дома, предоставивъ ему сдѣлать всѣ необходимыя ремонтныя работы (стоимостью не выше 1 т. р. сер.) и поселить въ домѣ семейство и что онъ теперь же вручитъ намъ всю сумму, за которую мы уступили ему домъ, а мы примемъ на себя обязательство за поручительствомъ состоятельныхъ лицъ или выдать ему въ продолженіе года надлежащую купчую крѣпость или возвратить ему всю полученную отъ него

денежную сумму, вмѣстѣ съ произведенными имъ на ремонтъ дома расходами, домъ же примемъ снова въ полную свою собственностъ. Такая запродажная запись между нами состоялась за поручительствомъ вдовы камергера Наталіи Алексѣевны Мельгуновой, вдовы маіора княгини Екатерины Гавриловы Бибасовой и ст. сов. Константина Александровича Левашова, и 9-го сентября 1848 г. мы переѣхали изъ дома на наемную квартиру. Полученіе новой довѣренности отъ братьевъ не только замедлилось по причинѣ передвиженій ихъ полка и неполученія моихъ писемъ, но и вовсе не состоялось, а между тѣмъ здоровье maman становилоь все хуже и хуже, и тогда Бушъ поручилъ все дѣло своему повѣренному въ дѣлахъ и, принявъ всѣ расходы на себя, совершилъ купчую крѣпость на основаніи первой довѣренности моихъ братьевъ, явленной въ ратушѣ г. Шавлей: очевидно, что и я бы успѣлъ въ этомъ такъ же хорошо, если бы съ самаго начала вошелъ въ сдѣлку съ грознымъ надсмотрщикомъ.

Первая наемная наша квартира найдена была мною близъ Сухаревой башни, на Большой Мѣщанской, въ приходѣ Адріана и Наталіи. Тяжело было maman въ ея возрастѣ и въ ея положеніи покидать приволье собственнаго дома и переселяться, хотя и въ очень нарядную, но сравнительно все-таки въ очень тѣсную квартиру. Впрочемъ maman уже не могла сама ходить, а ее перевозили въ креслѣ, не могла также лежать, а сидѣла на диванѣ, обложенная подушками, и въ креслѣ, куда ее пересаживали на короткое время. Тѣмъ не менѣе она непремѣнно желала справлять новоселье и вмѣстѣ именины свои и своихъ дочерей 17-го сентября. Собрались наиболѣе близкіе изъ знакомыхъ, между прочимъ, Елизавета Степановна Левашова, Екатерина Петровна Лачинова, сестра ея княгиня Аделаида Петровна Оболенская и др. Maman была очень весело настроена и принимала довольно живое участіе въ разговорѣ, но это вскорѣ ее утомило, и къ концу обѣда ей сдѣлалось дурно: пришлось увезти ее въ ея креслѣ въ мой кабинетъ, и обѣдъ закончился очень грустно. Очевидно, это былъ прощальный ея обѣдъ добрымъ ея знакомымъ.

Затѣмъ жизнь наша потекла очень тихо. Днемъ я снова бывалъ на лекціяхъ въ университетѣ, заходилъ читать и газеты, и журналы, а затѣмъ все время проводилъ дома, сидя съ maman и услуживая ей. По совѣту И. Т. Глѣбова, гостиная рядомъ съ моимъ кабинетомъ была обращена въ комнату maman, какъ самая большая и свѣтлая комната, соединявшаяся же

притомъ большими арками со столовою и обладавшая поэтому массою воздуха, а у maman водяной уже больше не было, но она страдала истощеніемъ силъ, удушьемъ и отъ времени до времени судорогами. Оставлять ее одну при томъ, что она все время сидѣла на диванѣ, нельзя было ни на одну минуту; обѣ дочери ея, какъ плохо слышавшія, днемъ еще могли быть до нѣкоторой степени полезны, но какъ только смеркалось и подавали лампы и свѣчи съ абажурами, Вѣра и Люба становились совсѣмъ безполезными и уходили къ себѣ на верхъ, а уходъ за maman падалъ исключительно на меня (до часу ночи), потомъ на старую няню (до 4 часовъ ночи) и наконецъ, на Наташу (до 8 или 9 часовъ утра). При всей слабости maman сохранила ясность мысли, интересовалась всѣмъ, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ, и всѣми нами, просила меня читать ей ежедневно вечернія и утреннія молитвы, которымъ нѣкогда она же сама вмѣстѣ съ отцомъ меня научила, нѣсколько разъ исповѣдывалась и пріобщалась св. таинъ. Говоръ ея былъ, хотя и тихъ, но довольно ясенъ, но часто случалось ей забывать тѣ или другія слова, которыя надо было отгадывать, что не всегда было легко, особенно когда это были имена собственныя. Часто она приходила въ забытье, но сонъ ея при ея сидячемъ положеніи не былъ крѣпокъ и надеженъ, а лечь она не могла: совсѣмъ задыхалась. Вечеромъ и ночью читать сидя около нея совсѣмъ нельзя было: надобно было сидѣть близко къ ней, чтобы въ случаѣ судорожнаго припадка поспѣть къ ней на помощь и не дать ей упасть съ дивана, а она не переносила свѣта лампъ и свѣчей безъ абажуровъ. Бывало, сидишь цѣлые долгіе вечера и тихо разсказываешь ей всѣ впечатлѣнія дня, все, что видѣлъ, слышалъ и читалъ, и видишь, какъ она начинаетъ мало-по-малу засыпать, и смолкаешь; но не успѣешь замолчать, какъ начинаетъ ее подергивать все сильнѣе и сильнѣе, при чемъ приходилось растирать ее или давать лѣкарство. Я замѣчалъ, что къ полуночи, когда въ сосѣдней квартирѣ, за стѣной очевидно не капитальной, начиналъ плакать грудной ребенокъ, начинались и наиболѣе сильные припадки maman, которые иногда и предшествовали плачу ребенка, такъ что плачъ этотъ не былъ причиною припадковъ,—да maman, повидимому, и не слышала его. Въ извѣстный часъ ночи, повидимому, всѣ слабыя существа—младенцы, больные—особенно тревожатся и страдаютъ. Не задолго до своей кончины maman заговорила о томъ, что она очень любитъ и высоко цѣнитъ Глѣбова, но что онъ вовсе ей не помогаетъ и что не лучше ли было бы обратиться къ Смоличу,

который незадолго предъ тѣмъ очень легко и скоро вылѣчилъ меня отъ легкой дезинтеріи. Желаніе больной было исполнено. Смоличъ, конечно, нашелъ, что тутъ нечего и думать ни о какомъ новомъ лѣченіи, а только употреблять тѣ же средства, которыя предписаны Глѣбовымъ. Говорила maman также и о своихъ похоронахъ, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ о нихъ сказано въ ея завѣщаніи, а о томъ, кого позвать на похороны, сколько дать нянѣ и Наташѣ за уходъ за нею, разнымъ бѣднымъ, которымъ она помогала при жизни, и очень настаивала, чтобы былъ приглашенъ для отпѣванія священникъ, кромѣ протоіерея нашей приходской церкви Адріана и Наталіи, но договориться съ нею, какого священника она разумѣла, мнѣ такъ и не удалось: я пригласилъ отъ Николы Ковыльскаго и потомъ уже post factum, когда бывшій нашъ духовникъ, настоятель церкви Іакова Апостола, сильно пенялъ моему брату Василію, что онъ, духовникъ всей семьи, не былъ приглашенъ на отпѣваніе его духовной дочери, я сообразилъ, что, вѣроятно, его и разумѣла maman, говоря о другомъ священникѣ, и чтобы сколько-нибудь загладить свою невольную ошибку, я сдѣлалъ взносъ въ церковь Іакова Апостола на поминаніе maman.

Въ ночь на 26-ое ноября 1848 г. maman скончалась. Это было въ дежурство няни, въ концѣ 4-го часа ночи, и я къ великому моему огорченію не былъ при этомъ, а спалъ по сосѣдству въ своемъ кабинетѣ. Няня разсказывала, что кончина была совершенно тихая, едва замѣтная, что никакихъ судорогъ не было, но дыханіе становилось все прерывистѣе, и, наконецъ, послышался глубокій вздохъ, и тогда она пошла тотчасъ же разбудить меня, говоря: „Чуть ли наша голубушка барыня не скончалась“. Я приложилъ зеркало къ устамъ: оно еще покрылось паромъ, но руки уже охолодѣли, пульса не было, и при вторичномъ поднесеніи зеркала къ устамъ оно нисколько не потускнѣло. Я далъ знать Глѣбову, прося его пораньше пріѣхать, и затѣмъ начались обычныя распоряженія, панихиды и т. д.

Смерть maman не произвела такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ смерть отца или Наденьки: она была давно ожиданнымъ событіемъ, maman, можно сказать, умирала съ самой кончины отца, съ 6-го августа 1847 г., переживши его на 1 годъ 3 мѣсяца и 20 дней и скончавшись на 57-мъ году отъ роду, тогда какъ отецъ умеръ на 56-мъ году своей жизни. Maman до такой степени высохла, что запаха не было ни малѣйшаго. Тѣло ея было выставлено на катафалкѣ въ той же комнатѣ, гдѣ она скончалась, то-есть, въ гостиной, а я спалъ рядомъ въ своемъ

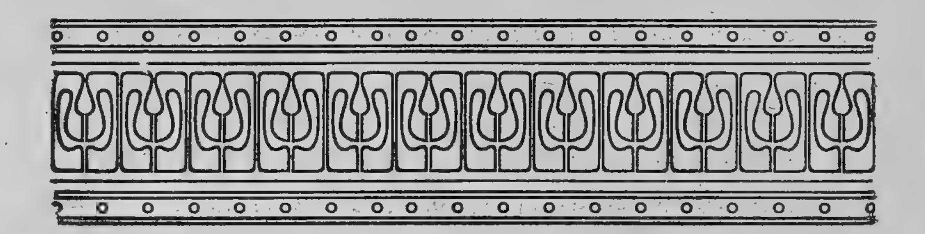
кабинетѣ, не затворяя даже дверей въ гостиную, и засыпалъ подъ монотонное чтеніе псалтыря.

Похороны происходили 28-го ноября въ воскресенье въ церкви Адріана и Наталіи при хорошемъ хорѣ пѣвчихъ; церковь была полна и прихожанъ, и нашихъ добрыхъ знакомыхъ. Поминальный, обычный въ то время послѣпохоронный обѣдъ былъ не въ кладбищенской гостиницѣ, а на нашей квартирѣ, и я къ концу его слышалъ себѣ не мало похвалъ, что похороны были справлены прекрасно, а обошлись онѣ, какъ значится въ счетной книгѣ того времени, всего въ 380 р. ас. (=108 р. 57 к. сер.), не считая мѣста могилы, заранѣе купленнаго, и раздачи наградныхъ денегъ: нянѣ (105 р.) и Наташѣ (35 р.) за уходъ, а равно и пособій неимущимъ.

А. Георгіевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Спеціальная цензура книгъ и статей по крестьянскому вопросу въ 1861—1862 г.г.

I.

Въ юбилейномъ изданіи *„Государственная канцелярія 1810—1910 г.“* сдѣлано указаніе о цензурной дѣятельности государственнаго секретаря В. Буткова по высшему наблюденію за литературой по крестьянскому вопросу въ первые годы по освобожденіи крестьянъ, при чемъ приведены два факта этой дѣятельности, которыми будто бы исчерпываются всѣ свѣдѣнія о ней. Между тѣмъ цензорская роль государственнаго секрегаря продолжалась съ 12 февраля 1861 г. по іюль 1862 и слѣды ея сохранились въ перепискѣ съ цензурными комитетами и разными учрежденіями и лицами, соприкасавшимися съ дѣломъ цензированія книгъ и статей по крестьянскому вопросу, составившей два дѣла *„о передачѣ на предварительное разсмотрѣніе въ государственную канцелярію всѣхъ статей и сочиненій, касающихся крестьянскаго вопроса* [1]).

Цензорская роль государственнаго секретаря была настолько негласной, что даже редакторъ г. „День“ И. С. Аксаковъ поначалу не былъ освѣдомленъ о ней: „вообразите,—писалъ онъ отъ 6 окт. 1861 гр. А. Блудовой—„Бутковъ прислалъ предписаніе, чтобы по крестьянскому дѣлу, безъ его дозволенія, не смѣть перепечатывать даже то, что помѣщается въ „губернскихъ вѣдомостяхъ“, слѣдовательно, въ оффиціальныхъ газетахъ; не перепечатывать никакихъ журналовъ губернскихъ присут-

[1]) Дѣла: № 163, 1861 г. и № 142, 1862 г. Главнаго Комитета объ устр. сельскаго состоянія (Архивъ Госуд. Совѣта).

ствій. Самъ ли онъ это? Или главный комитетъ? Бумага, намъ объявленная, отъ его имени" [1]).

Крайняя скудость свѣдѣній о ходѣ крестьянскаго дѣла по изданіи Положеній о крест. въ періодической печати, сопровождавшихся большею частью указаніемъ „сообщено" и заимствованныхъ изъ „*Сѣверной Пчелы*" и „*Сѣверной Почты*", находитъ себѣ объясненіе въ отношеніи спеціальной цензуры ко всему предназначавшемуся для печати изъ области крестьянскаго дѣла, хотя на службу печати при проведеніи законоположеній о крестьянахъ въ жизнь возлагались большія надежды такими дѣятелями освобожденія, какъ Н. А. Милютинъ, выражавшій „глубокое убѣжденіе, что болѣе чѣмъ когда-либо литература при примѣненіи Положеній можетъ содѣйствовать общественному сознанію: оно одно можетъ разсѣивать вѣковые предразсудки, разъяснять новый законъ и постоянно напоминать высокія цѣли, столь легко забываемыя среди мелочей и дрязгъ вседневной жизни" [2]). Внѣшнія условія для публицистики по крестьянскому вопросу, созданныя ad hoc накануне изданія законоположеній о крест., и воздѣйствіе этихъ условій лучше всего уяснятъ—могла ли печать времени освобожденія крестьянъ осуществить ожидавшуюся отъ нея миссію.

Передъ обнародованіемъ Положеній о крестьянахъ состоялось 12 февраля 1861 г. Высочайшее повелѣніе, чтобы „всѣ сочиненія и статьи, касающіяся крестьянскаго вопроса и вообще настоящихъ и будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, а также устройства крестьянскаго быта на новыхъ началахъ, прежде пропуска ихъ къ печатанію общею цензурою, должны быть посылаемы на предварительное разсмотрѣніе государственнаго секретаря въ государственную канцелярію". Вслѣдствіе этого государственный секретарь сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, чтобы онъ приказалъ цензурнымъ комитетамъ всѣ статьи и книги по означенному вопросу присылать на его имя прямо отъ цензурныхъ комитетовъ или отъ цензоровъ и даже отъ редакторовъ періодическихъ изданій; но главное управленіе цензуры, сдѣлавъ это распоряженіе, замѣтило, что редакторамъ періодическихъ изданій нельзя предоставить право такой непосредственной присылки статей за силою Высочайшаго повелѣнія 24 апрѣля 1858 г., вошедшаго въ дополненіе къ ст. 42 цензурнаго устава. Отнынѣ государственный секретарь становится по-

[1]) „*Ив. С. Аксаковъ въ его письмахъ*" т. 4, ч. 2, стр. 193. Спб. 1896 г.

[2]) Lettre de N. Milutine 29 avril 1861 a. *Leroy Beaulieu*: „Un homme d'etat russe". Paris, p. 74—75, 1884.

слѣднимъ судьею при разрѣшеніи къ печати всей литературы по крестьянскому вопросу.

Съ первыхъ же шаговъ примѣненія законоположеній о крестьянахъ возникла потребность въ популяризаціи ихъ для народа въ такомъ изложеніи ихъ по системѣ и по языку, чтобы они были совершенно доступны пониманію крестьянъ и, по своей ясности, не допускали бы никакихъ недоразумѣній или неправильныхъ толкованій. Съ этою цѣлью бывшій секретарь Я. И. Ростовцова Ѳ. Еленевъ составилъ на основаніи Положеній 19 февраля 1861 г. *„подробное наставленіе крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости“* и представилъ рукопись В. Буткову при особой объяснительной запискѣ, въ которой, между прочимъ, объяснялъ, что „всѣ оффиціальныя и частныя извѣстія подтверждаютъ, что одною изъ главныхъ причинъ происходящихъ безпорядковъ и неповиновенія между крестьянами есть непониманіе [1]) ими новыхъ ихъ отношеній къ помѣщикамъ. Грамотеи, которыхъ нарасхватъ развозятъ крестьяне изъ одной деревни въ другую для объясненія Положеній, не понимая сами ихъ, объясняютъ ихъ по-своему, въ угоду любимыхъ и превратныхъ ожиданій, распространенныхъ между крестьянами, будто бы черезъ два года выйдетъ новое Положеніе, которое осуществитъ ихъ ожиданія. Происходящія между крестьянами безпокойства должны еще болѣе усилиться при введеніи уставныхъ грамотъ, когда собственно и начнется разрѣшеніе самыхъ трудныхъ вопросовъ; крестьяне припишутъ вновь вводимый порядокъ, столь далекій отъ ихъ ожиданій, произволу и насилію помѣщиковъ въ союзѣ съ мировыми посредниками, и никакія полюбовныя соглашенія не осуществятся, пока крестьяне будутъ ожидать какого-то новаго положенія и пока они не получатъ возможности сравнить выгоды этихъ соглашеній съ тѣми поземельными правами, которыя предоставлены имъ Положеніями. Крестьяне тогда только подчинятся добровольно новому порядку, когда онъ будетъ имъ изложенъ языкомъ, совершенно для нихъ понятнымъ, въ печатной книгѣ, утвержденной высшею властью. Предоставленіе же крестьянамъ принимать на вѣру новыя постановленія закона, изъ устъ мѣстныхъ властей и помѣщиковъ, которымъ они не довѣряютъ, поведетъ только къ нескончаемымъ полицейскимъ и военнымъ экзекуціямъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не подвинутъ впередъ осуществленіе предпринятой реформы. Однако-жъ, какъ ни убѣдительны были

---

[1]) Бутковъ, подчеркнувъ это слово, написалъ: *„Нежеланіе понять“*.

эти доводы, В. Бутковъ, признавая, что къ напечатанію руководства Еленева съ тѣми исправленіями, какія сдѣланы въ рукописи красными чернилами, не встрѣчается препятствій, указалъ, что „въ настоящее время (1861 г.) изданіе подобныхъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ сокращеніе Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1861 г. Положеній о крестьянахъ, признано по теперешнимъ обстоятельствамъ неудобнымъ" и потому дозволилъ выпустить въ свѣтъ наставленіе Еленева „не прежде, какъ по окончаніи полевыхъ работъ въ 1861 г., въ концѣ сентября или началѣ октября" [1]).

Въ теченіе 1861 г. поступилъ въ государственную канцелярію рядъ рукописей съ извлеченіями изъ Положеній о крестьянахъ, но всѣ они не разрѣшались къ печати В. Бутковымъ, мотивировавшимъ свои отказы указаніемъ на то, что „при неуспокоившемся еще волненіи умовъ" правительство не считаетъ удобнымъ изданіе отдѣльными книжками и брошюрами сокращенія новыхъ о крестьянахъ Положеній и что оно „допустило и допускаетъ изданіе только руководствъ по частнымъ вопросамъ, относящимся до крестьянскихъ Положеній". Не только частнымъ лицамъ не разрѣшалось изданіе сокращенныхъ сводовъ изъ статей Положенія, но было по Высочайшему повелѣнію пріостановлено и не обращено въ продажу напечатанное уже подробное извлеченіе изъ свода законовъ о крестьянахъ, составленное II-мъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, все по тѣмъ же соображеніямъ о несвоевременности и неудобствѣ появленія такихъ изданій въ 1861 г. Въ данномъ случаѣ государственный секретарь въ своихъ отказахъ лишь отражалъ принятое главнымъ комитетомъ объ устройствѣ сельскаго состоянія рѣшеніе, поводомъ къ которому послужила отмѣтка Александра II на всеподданнѣйшемъ рапортѣ фл.-адъютанта гр. Бобринскаго о необходимости изданія краткаго извлеченія изъ Положеній о крестьянахъ, когда онъ, по усмиреніи не принимавшихъ Положеній крестьянъ въ двухъ имѣніяхъ Таврической губерніи, пришелъ къ заключенію, что одной изъ причинъ этого было изложеніе правилъ о правахъ и обязанностяхъ крестьянъ, написанныхъ языкомъ непонятнымъ для нихъ, при значительномъ объемѣ Положеній, съ частыми ссылками съ одной статьи на другую, и неопредѣлительности самой редакціи постановленій, открывавшей возможность противорѣчивыхъ толкованій ихъ.

---

[1]) Это наставленіе крестьянамъ и дворовымъ появилось только въ 1862 г.

По поводу отмѣтки государя „сообразить въ главномъ комитетѣ",—послѣдній призналъ нежелательнымъ изданіе извлеченія изъ Положеній, какъ „по трудности облечь законъ, безъ нарушенія его точности и опредѣлительности, въ форму общепонятнаго разсказа простонароднымъ языкомъ", такъ въ особенности потому, что въ то время „когда волненія умовъ не вездѣ еще успокоились и крестьяне недостаточно еще ознакомились съ дарованными имъ правами и обязанностями, такое извлеченіе могло быть принято за новый законъ и подать поводъ къ недоразумѣніямъ и затрудненіямъ болѣе важнымъ" [1]).

Боязнь, чтобы предназнавшимися для крестьянъ популярными изданіями не было порождено „превратныхъ понятій", побуждала государственнаго секретаря не пропускать въ печать уже исправленныхъ по его указаніямъ рукописей: такова была рукопись: *„прочти простой разсказъ о новомъ бытѣ твоемъ, крестьянинъ, и ты, дворовый человѣкъ"*, о которой Бутковъ высказался, что изданіе ея не только не принесетъ пользы простому народу, для котораго она написана, но „лишь спутаетъ его понятія", а потому она и не была издана.

Съ цѣлью облегченія пониманія крестьянами Положеній 19 февраля 1861 г. предпринимались переводы ихъ, въ извлеченіяхъ, на мѣстные языки: нѣкто Юшкевичъ перевелъ на литовскій языкъ мѣстное Положеніе для бѣлорусскихъ губерній съ населеніемъ въ 360.000 крестьянъ литовцевъ, и петербургскій цензурный комитетъ полагалъ, послѣ повѣрки этого перевода съ подлиннымъ русскимъ текстомъ римско-католической коллегіей, дозволить Юшкевичу напечатать его, но Бутковъ на это не согласился. Разстроилось также изданіе перевода Положеній на малороссійскомъ языкѣ, приготовленнаго П. Кулишемъ, чрезъ вмѣшательство въ это дѣло Буткова, а напечатаніе составленнаго на томъ же языкѣ „руководства къ чтенію и легчайшему пониманію Положеній" Бутковъ обусловилъ принятіемъ сдѣланныхъ имъ измѣненій въ рукописи и чтобы она была выпущена въ свѣтъ не отъ имени правительства.

II.

Печатному обсужденію вопросовъ, вызваннымъ примѣненіемъ Положеній о крестьянахъ, цензура государственной канцеляріи ставила всяческія препоны; въ апрѣлѣ 1861 г. чиновники Яновъ

[1]) Дѣло главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, № 27, 1861 (Архивъ Государственнаго Совѣта).

и Снѣгиревъ ходатайствовали о разрѣшеніи на изданіе газеты подъ названіемъ: *„19 февраля 1861 г.“*, въ которой они предполагали помѣщать: 1) все, что разовьетъ, выяснитъ и опредѣлитъ примѣненіе Положеній 19 февраля на практикѣ и 2) всѣ необходимыя по разнымъ предметамъ сельскаго, фабричнаго и ремесленнаго хозяйства указанія, освященныя наукою и опытомъ. Но Бутковъ нашелъ это предположеніе „во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ, въ виду того, что правительственныя распоряженія по крестьянскому дѣлу будутъ помѣщаться въ правительственныхъ изданіяхъ“, а потому изданіе газеты не было разрѣшено.

Редакторъ журнала *„Солдатская бесѣда“* Погосскій ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему помѣщать статьи, относящіяся до новаго устройства крестьянскаго быта, и представилъ въ государственную канцелярію особую записку объ общемъ значеніи, характерѣ и направленіи предположенныхъ статей; Бутковъ, усмотрѣвъ въ запискѣ „взгляды и сужденія не вполнѣ вѣрныя“, разрѣшилъ помѣщеніе статей, относящихся до устройства быта крестьянъ, только подходящихъ къ программѣ журнала, и притомъ лишь по просмотрѣ ихъ въ государственной канцеляріи.

Вслѣдъ за обнародованіемъ Положеній о крестьянахъ при примѣненіи ихъ возникли обильныя недоразумѣнія, получившія на оффиціальномъ языкѣ названіе „печальныхъ событій по крестьянскому дѣлу“. Замалчивать эти явленія въ печати признавалось нежелательнымъ и минисромъ внутреннихъ дѣлъ С. Ланскимъ, испросившимъ разрѣшеніе Государя публиковать во всеобщее свѣдѣніе содержаніе представляемыхъ имъ всеподданнѣйшихъ записокъ о послѣдствіяхъ обнародованія Положеній о крестьянахъ „для устраненія невѣрныхъ и превратныхъ толковъ“ [1]. Съ вступленіемъ же въ министерство внутреннихъ дѣлъ Валуева оффиціальныя извѣщенія о безпорядкахъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по поводу примѣненія Положеній начали изрѣдка появляться въ печати въ самомъ сжатомъ видѣ статистическихъ данныхъ, при чемъ только въ этой формѣ газеты получили право ими пользоваться. Государственный секретарь съ своей стороны далъ наставленіе цензурѣ о недопущеніи никакихъ разсужденій „о печальныхъ событіяхъ по крестьянскому дѣлу“, а когда произошло самое „печальное“ изъ нихъ—усмиреніе крестьянъ въ селѣ Безднѣ, Казанской губерніи, то только съ особаго Высочайшаго разрѣшенія появилось о немъ сообщеніе

[1]) Дѣло главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія: № 166, 1861 г. (Архивъ Государственнаго Совѣта).

въ „*Русскомъ Инвалидѣ*“, въ редакціи, одобренной Бутковымъ, и изъ этого только источника оно могло быть перепечатываемо in extenso. Но „*Современная лѣтопись*“, издававшаяся при „*Русскомъ Вѣстникѣ*“ [1]), при изложеніи казанскихъ событій допустила нѣкоторыя свои соображенія о причинахъ ихъ и обстановкѣ, при которой шло кровавое усмиреніе бездниныскихъ крестьянъ, что было замѣчено Бутковымъ, потребовавшимъ объясненія этого промаха отъ предсѣдателя Московскаго цензурнаго комитета Щербинина. Какъ велико было неудовольствіе Буткова такимъ дѣяніемъ Щербинина, видно изъ оправдательнаго письма послѣдняго, въ которомъ онъ, приведенный „въ неописываемое смущеніе“ сдѣланнымъ замѣчаніемъ, „откровенно повинился въ непростительной оплошности“ и привелъ въ свое, „хотя слабое оправданіе“, слѣдующее: „изъ числа безсчетно мнѣ представляемыхъ статей, въ высшей степени возмутительныхъ, и которыя я непрестанно бракую, меня порадовало появленіе статьи, которая по своимъ выводамъ показалась мнѣ составленною въ самомъ лучшемъ направленіи, такъ какъ она представлена была редакціею, которую, по справедливости, менѣе всѣхъ прочихъ здѣсь можно заподозрить въ задней мысли, то я при общемъ обсужденіи направленія и колорита статьи, упустилъ изъ вида нѣкоторые оттѣнки ея, которые, какъ напр. въ сужденіяхъ о мѣстности событія, могутъ подать поводъ предполагать въ нихъ иронію, и въ другихъ—обвинять помѣщиковъ. Все это ускользнуло изъ моего вниманія среди всѣхъ нелѣпыхъ возгласовъ, непрестанно поражающихъ мой слухъ, въ нѣкоторыхъ кружкахъ противниковъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Всѣ слухи къ намъ доходящіе о безпорядкахъ, возникшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ, открывали для этихъ противниковъ обширное поле аргументаціи въ порицаніи совершившейся реформы, въ доказательство ея преждевременности, незрѣлости нашего народа, его грубости, невѣжества, лютости и звѣрства. Мнѣ показалось, кстати, появленіе статьи, опровергающей эти возгласы... Не постигаю, какъ при всегдашней моей тщательной оцѣнкѣ каждаго слова въ статьяхъ, представляемыхъ на мое утвержденіе, при моей крайней осторожности и строгости, возбуждающихъ противъ меня столько нареканій и жалобъ отъ нашей журналистики, меня, при первомъ прочтеніи помянутой статьи, не поразило неприличіе нѣкоторыхъ въ ней выходокъ, въ особенности той, гдѣ говорится о мѣстности села Бездна и дѣйствіяхъ военной

[1]) „Современная Лѣтопись“, 1861 г., № 20, стр. 16—17.

команды подъ начальствомъ графа Апраксина... Главнѣйшій промахъ въ этомъ дѣлѣ состоитъ въ томъ, что въ статьѣ полуоффиціальной допущены были измѣненія въ ея обстановкѣ и разсужденія, и хотя содержаніе ея заимствовано изъ „*Сѣверной Пчелы*“, но мы не должны были этого допустить. Впредь этого не будетъ, и я строго подтвердилъ цензорамъ, чтобы всѣ статьи по крестьянскому дѣлу, непосредственно намъ сообщаемыя или въ С.-Петербургскихъ журналахъ помѣщаемыя съ надписью *сообщено*, не иначе у насъ перепечатывались, какъ буквально, безъ всякихъ сокращеній, измѣненій и комментарій“. Этимъ эпизодомъ объясняется, почему о многочисленныхъ волненіяхъ крестьянъ въ 1861—1862 гг., охватившихъ по оффиціальному подсчету 2.607 селеній [1]), до насъ отъ того времени дошли самыя скудныя свѣдѣнія.

Хотя, какъ видимъ, статьи съ разсужденіями о „печальныхъ событіяхъ“ по крестьянскому дѣлу не допускались въ печати, однакожъ случалось, что статьи такого содержанія проскальзывали въ печать, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ стоитъ остановиться. М. Е. Салтыковъ предназначилъ для помѣщенія въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“ статейку: „*Нѣсколько словъ объ истинномъ значеніи недоразумѣній по крестьянскому дѣлу*,“ въ которой убѣждалъ въ необходимости осмотрительнаго отношенія къ случаямъ недоразумѣнія со стороны крестьянъ при введеніи Положеній, доказывая несправедливость примѣненія полицейскихъ мѣръ взысканія и дѣйствій угрозами и страхомъ наказанія, вмѣсто пріобрѣтенія свободнаго довѣрія крестьянъ, при которомъ только и возможенъ единственный прочный и плодотворный результатъ нравственнаго перевоспитанія народа, въ чемъ авторъ видѣлъ окончательную и истинно разумную цѣль преобразованія быта крестьянъ; при прекращеніи же безпорядковъ онъ рекомендовалъ „дѣйствовать мѣрами, не выходящими изъ предѣловъ закона общаго (порядкомъ слѣдственнымъ и судебнымъ), не допуская силы и мѣръ экстренныхъ“. Московскій цензоръ, аттестуя статью написанной „въ тонѣ умѣренномъ и хорошемъ направленіи“, одобрялъ ее къ печати съ нѣкоторыми измѣненіями и исключеніями, просилъ разрѣшенія на это Буткова, которое имъ и было дано [2]).

---

[1]) Обзоръ дѣйствій министерства внутреннихъ дѣлъ по крестьянскому дѣлу. (Спб. 1864, стр. 70).

[2]) Статья М. Е. Салтыкова въ этомъ видѣ появилась въ № 128 „*Москов. Вѣдом.*“ за 1861 г.

Уклоненіе крестьянъ отъ участія въ составленіи уставныхъ грамотъ и вообще пассивное сопротивленіе ихъ принятію Положеній, въ ожиданіи черезъ два года „новой воли“ безъ всякихъ обязательствъ за землю, которую, по ихъ понятіямъ, они должны были получить безвозмездно,—озадачивало всѣхъ примѣнителей новыхъ законовъ о крестьянахъ. Въ изысканіи способовъ выхода изъ такого положенія приняла участіе и печать: мировому посреднику Д. Ѳ. Самарину удалось провести въ газ. *„День“* (1861, № 7) ст. *„Уставная Грамота“*, въ которой онъ, въ діалогической формѣ, изложилъ народныя понятія о землѣ и землевладѣніи, приводившія къ заключенію, что народъ не доволенъ Положеніями потому, что упраздненіе личной крѣпостной зависимости, по его понятію, не мирится съ зависимостью по землѣ отъ тѣхъ же прежнихъ помѣщиковъ, въ пользу которыхъ онъ долженъ отбывать повинность; въ понятіяхъ крестьянъ, воля и вольное отношеніе къ землѣ не отдѣлимы, а при такомъ отношеніи не должно быть никакой зависимости ихъ, съемщиковъ земли, отъ помѣщиковъ, и лишь должна оставаться зависимость отъ Царя и правительства со всѣми обязанностями. По мысли Д. Самарина, слѣдовало, устранивъ непосредственное отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ по землѣ, измѣнить только форму этихъ отношеній, требуя съ крестьянъ оброка за землю не въ пользу помѣщика, а подати въ казну, чѣмъ все будетъ улажено и крестьяне будутъ легко разведены съ помѣщиками. Статья эта, написанная подъ живымъ впечатлѣніемъ толковъ Самарина съ крестьянами въ лѣто 1861 г., появилась въ печати безъ вѣдома Буткова и возбудила оживленную полемику, какъ въ самомъ *„Днѣ“*, такъ и въ другихъ газетахъ, что замѣчено было Бутковымъ, предложившимъ предсѣдателю Москов. цензурн. ком. Щербинину, чтобы онъ „по важности затронутаго въ статѣ Д. Самарина вопроса„ сдѣлалъ распоряженіе по цензурѣ о доставленіи ему на предварительное разсмотрѣніе всѣхъ вообще статей какъ въ опроверженіе, такъ и въ защиту мнѣній, выраженныхъ Самаринымъ. И вотъ, когда Д. Самаринъ изготовилъ отвѣтъ на возраженія противъ его статьи, то Бутковъ, усмотрѣвъ въ немъ „взглядъ на поземельную собственность вовсе не согласный съ духомъ и смысломъ Положеній 19 февр. 1861 г.“, рѣшительно воспротивился печатанію этого отвѣта, „искренне сожалѣя, что первоначальное помѣщеніе въ газ. *„День“* первой статьи Д. Самарина дало поводъ къ полемикѣ“. Тогда редакторъ *„Дня“* И. С. Аксаковъ обратился къ государств. секретарю съ письмомъ,

въ которомъ, между прочимъ, приводилъ: „въ моей газетѣ „*День*" была помѣщена ст. Д. Ѳ. Самарина, страшно искаженная цензурными ножницами Московскаго комитета. Эта статья вызвала сильное опроверженіе въ нѣкоторыхъ газетахъ и журналахъ и послужила поводомъ къ замѣчательнымъ статьямъ г. г. Глѣбова и Рычкова [1]), разрѣшеннымъ ваш. превосх. и помѣщенныхъ въ моей газетѣ. Помѣщая эти статьи, я предоставлялъ право и себѣ и г. Самарину возражать его оппонентамъ, но ваш. превосх. извѣстно, что двѣ статьи г. Самарина остались ненапечатанными. Споръ становился не равенъ: нападать—дозволено, защищатся—запрещено,—и получивъ еще нѣсколько статей отъ г. Глѣбова и отъ другихъ въ защиту Положеній 19 февр. и въ опроверженіе г. Самарина, я отказался помѣстить ихъ въ моей газетѣ. Между тѣмъ вынужденное молчаніе со стороны г. Самарина даетъ торжество его противникамъ и заставляетъ предполагать съ его стороны или уступку или недостатокъ доводовъ для своей обороны. Такое предположеніе ставитъ меня, какъ редактора, въ положеніе крайне двусмысленное и непріятное, какъ въ отношеніи моего сотрудника, такъ и въ отношеніи къ публикѣ. Я пытался нѣсколько разъ заявить о томъ печатно, но цензура, которой нѣтъ никакого дѣла до чувства редакторской чести и совѣсти, оставалась глуха къ моимъ просьбамъ. Нападки же и клеветы въ нѣкоторыхъ журналахъ на г. Самарина продолжаются, многія обвиненія терпитъ онъ совершенно незаслуженно, вслѣдствіе искаженій, сдѣланныхъ въ его статьѣ цензурнымъ комитетомъ, и вслѣдствіе вынужденнаго съ его стороны безмолвія" [2]). Прилагая письмо къ нему Самарина, И. С. Аксаковъ просилъ Буткова прочесть его и примѣчаніе къ письму отъ редакціи, надѣясь, что онъ „вполнѣ пойметъ необходимость для него такого объясненія съ публикой". Но Бутковъ, „не довѣряя собственному мнѣнію",

---

[1]) Дмитрій Рычковъ—псевдонимъ Ю. Ѳ. Самарина. И. С. Аксаковъ, раскрывая этотъ псевдонимъ въ письмѣ къ гр. А. Блудовой, замѣчалъ: „Знаете-ли вы, что статьи Д. Рычкова, помѣщенныя въ 17 и 18 №№ „*Дня*" —Юрія Самарина? Вотъ каковъ крестьянскій вопросъ: „и братъ возстанетъ на брата". Не хорошо тутъ только то, что одному брату не позволено отвѣчать, т. е. Димитрію Самарину, по милости господина Буткова" (*И. Аксаковъ въ его письмахъ*, т. 4, ч. 2, стр. 240, Спб. 1896 г.). Статьи Ю. Ѳ. Самарина („День" 1862 г. №№ 17 и 18) перепечатаны въ 4 т. его сочиненій. Москва. 1911 г. стр. 385—418.

[2]) Письмо И. С. Аксакова отъ 6 марта 1862 г. Буткову (дѣло № 142, 1862 г. л. 66. Архив. Госуд. Сов.)

сообщилъ письмо Самарина м. в. дѣлъ Валуеву, который, усмотрѣвъ „тенденцію“ въ немъ, высказался противъ пропуска его въ печать, вслѣдствіе чего и Бутковъ отвѣтилъ И. С. Аксакову, что за отзывомъ министра внутреннихъ дѣлъ, „наблюденію котораго поручается нынѣ [1]) все печатаемое въ нашихъ журналахъ“, онъ не считаетъ себя въ правѣ разрѣшить къ печати письмо Самарина. Такимъ образомъ прекращено было обсужденіе въ печати вопроса, о принципіальной важности котораго И. С. Аксаковъ писалъ: „въ статьѣ Д. Ѳ. Самарина „*Уставная Грамота*“ и въ сопровождающей ее моей передовой —сдѣлана постановка вопроса о значеніи въ русской жизни вообще и въ русскомъ крестьянскомъ вопросѣ въ особенности—начала *бытовою* народнаго,—и начала *юридическаго*, не народнаго, и о столкновеніи между ними. Мнѣ очень важно, чтобы это воззрѣніе проникло въ сознаніе общественное и правительственное. Статья Самарина въ высшей степени благонамѣрена и выгодна для помѣщиковъ, она только подводитъ раціональное основаніе подъ слова, сказанныя Государемъ въ манифестѣ, слова, въ которыхъ сдѣлана уступка бытовымъ воззрѣніямъ народа. Она не противорѣчитъ Положенію, ибо признаетъ тѣ же размѣры поземельнаго надѣла и вознагражденія,—но только измѣняетъ принципъ и указываетъ на вѣрнѣйшее достиженіе цѣли... Самая идея такого свойства, что она залѣзетъ, какъ заноза въ голову, и помѣшаетъ совершиться предполагаемому выкупу казенными крестьянами земель, имъ принадлежащихъ“ [2]).

Выходъ изъ создавшагося положенія вслѣдствіе нежеланія крестьянъ принимать уставныя грамоты видѣли въ обязательномъ для помѣщиковъ и крестьянъ выкупѣ, и на эту тему писались статьи и дѣлались заявленія въ дворянскихъ собраніяхъ въ томъ смыслѣ, что дворянство не считаетъ обязательный выкупъ нарушеніемъ своихъ правъ, находя въ немъ единственное средство развязки обязательныхъ отношеній. Но при обсужденіи этого вопроса въ періодической печати не дозволялось критиковать положеніе о выкупѣ, и когда записка о выкупной операціи, читанная въ С. Петербургскомъ чрезвычайномъ дворянскомъ собраніи, появилась сперва въ газ. „*Промышленность*“, откуда была перепечатана въ „*Сѣверной Пчелѣ*“ (№ 94, 1862 г.), то это упущеніе было замѣчено министерствомъ внутреннихъ

[1]) Въ это время (1862 г.) уже предрѣшена была передача цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ изъ министерства народнаго просвѣщенія.

[2]) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, т. 4, ч. 2, стр. 213. Спб. 1896 г.

дѣлъ, указавшимъ министру народнаго просвѣщенія, что ее никакъ не слѣдовало допускать въ печати для публики, такъ какъ въ запискѣ „не только обсуждается, но положительно отрицается только что-изданный весьма важный государственный законъ, и доказывается его несправедливость, неосновательность и неосуществимость, въ самое критическое время, когда онъ приводится въ исполненіе". Эта цензурная бдительность министерства внутреннихъ дѣлъ проявилась въ то время, когда крестьяне во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ западныхъ губерніяхъ, упорно отказывались отъ всякихъ сношеній съ помѣщиками, находя понудительный выкупъ, совершившійся по одностороннему желанію помѣщиковъ, для себя невыгоднымъ, и отзываясь, что они желаютъ только „Царскаго выкупа": такъ крестьяне называли прекращеніе обязательныхъ отношеній посредствомъ обязательнаго выкупа поземельныхъ надѣловъ съ участіемъ правительства.

Дѣятельность мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій особенно интересовала общество, потому что только изъ журналовъ ихъ можно было получить полное понятіе о тѣхъ вопросахъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, которые подавали поводъ къ недоразумѣніямъ, и о томъ пониманіи Положеній о крестьянахъ, съ которымъ приходилось на практикѣ бороться этимъ учрежденіямъ. Особымъ распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ было предоставлено начальникамъ губерній, подъ ихъ отвѣтственностью, разрѣшать къ печатанію въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ" постановленія названныхъ присутствій, „необходимыя для общаго мнѣнія". Цензура государственной канцелярія замѣтила, что въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ" начали появляться постановенія и по такимъ дѣламъ, кои вовсе не необходимы для общаго свѣдѣнія, какъ напримѣръ разсказы о поступкахъ помѣщиковъ при примѣненіи Положенія, а потому Бутковъ просилъ министру внутреннихъ дѣлъ сдѣлать распоряженіе о недопущеніи въ печати такихъ обстоятельствъ и „избѣгать по возможности всего того, что могло бы служить поводомъ къ раздраженію помѣщиковъ и крестьянъ, и ограничиваться сущностью дѣла".

III.

Какъ ни зорко слѣдилъ государственный секретарь за печатью по крестьянскому вопросу, требуя отъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія взысканій съ винов-

ныхъ за цензурныя упущенія въ порученной ему области, однакожъ случалось, что и его цензорская проницательность подвергалась сомнѣнію: въ книжкѣ Шелаева „*Народный гимнъ и наставленіе временнообязаннымъ крестьянамъ*“, предназначавшейся къ поднесенію Государю, министръ двора усмотрѣлъ „при добрыхъ намѣреніяхъ неясности и неумѣстно употребленныя выраженія, могущія дать крестьянамъ превратныя понятія и утвердить ихъ въ мнѣніи, между ними господствующемъ, что будетъ еще новое Положеніе, третья воля, какъ они выражаются“; и, передавая по Высочайшему повелѣнію книжку министру внутреннихъ дѣлъ, замѣтилъ, что „во всякомъ случаѣ цензура обязана была обратить вниманіе на отмѣченныя имъ мѣста книжки при дозволеніи къ печатанію ея“.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, повидимому, использовалъ промахи Буткова въ интересахъ возобновленія роли министра внутреннихъ дѣлъ, принадлежавшей ему по цензурѣ литературы по крестьянскому вопросу во время работъ по освобожденію крестьянъ, и въ конфиндеціальномъ письмѣ Буткову сообщалъ: „въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ появляются съ нѣкотораго времени статьи, въ которыхъ на основаніи будто бы историческихъ изслѣдованій высказывается болѣе или менѣе откровенно мысль, что нынѣшнія помѣщичьи земли нѣкогда принадлежали и должны были принадлежать крестьянамъ,—не согласныя съ сущностью Высочайше утвержденнаго Положенія 19 февраля 1861 г. и истекающихъ изъ нихъ правительственныхъ, распоряженій. Находя, что „заявленіе и развитіе такихъ мыслей съ одной стороны, распространяя ложныя понятія въ умахъ крестьянъ, а съ другой,—раздражая помѣщиковъ поколебаніемъ идеи о правахъ ихъ собственности, можетъ припятствовать успѣшному ходу развязки взаимныхъ отношеній между обоими сословіями, составляющей нынѣ одну изъ задачъ ввѣреннаго мнѣ министерства“, Валуевъ спрашивалъ Буткова: „не изволитъ ли онъ обратитъ вниманіе на иеудобсто при разсмотрѣніи статей по крестьянскому вопросу допущенія въ печати такихъ, въ которыхъ высказываются мысли и выводы о принадлежности, будто бы по историческому праву, помѣщичьей земли крестьянамъ“. Такого же содержанія письмо было послано Валуевымъ и управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія Головнину съ вопросомъ: не слѣдуетъ ли дать соотвѣтственныя указанія цензурному вѣдомству о недопущеніи къ печатанію статей о принадлежности помѣщичьей земли крестьянамъ.

Вслѣдъ за симъ Головнинъ вошелъ чрезъ совѣтъ министсовъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ, указавъ на состоявшееся 15 апрѣля 1858 г. Высочайшее повелѣніе о недопущеніи къ печатанію сочиненій и журнальныхъ статей, въ которыхъ будетъ излагаться мнѣніе о принадлежащемъ, будто-бы, помѣщичьимъ крестьянамъ правѣ собственности на земли владѣльцевъ,—просилъ указаній по этому предмету. Въ результатѣ, по волѣ Государя, Головнинъ сдѣлалъ распоряженіе по цензурѣ: 1) чтобы въ газетахъ и литературныхъ журналахъ не допускалось вовсе статей о правѣ будто бы собственности крестьянъ на землю, состоящую только въ ихъ пользованіи, и 2) чтобы въ книгахъ и чисто ученыхъ періодическихъ изданіяхъ подобныя статьи дозволялись не иначе, какъ ученыя разсужденія, примѣняясь къ ст. 8 цензурнаго устава. Тогда же повелѣно Головнину внести въ совѣтъ министровъ, не ожидая окончанія трудовъ комиссіи по дѣламъ книгоизданія, — проектъ краткой инструкціи цензорамъ, въ замѣнъ многочисленныхъ постановленій по цензурѣ, состоявшихся съ 1828 г. по 1862 г. Съ своей стороны Бутковъ сознавалъ, повидимому, неудобство своего цензорства, и, подводя итоги цензурной дѣятельности государственной канцеляріи, писалъ министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву, что возложенная на нее Высочайшемъ повелѣніемъ 12 февраля 1861 г. обязанность добросовѣстно ею исполнялась, но когда литература по крестьянскому вопросу разрослась и достигла значительныхъ размѣровъ, то государственная канцелярія поставлена была въ рѣшительную невозможность просматривать всѣ многочисленныя журнальныя статьи и отдѣльныя изданія, присылавшіяся ежедневно на ея просмотръ, что при спѣшности пропуска статей для періодическихъ изданій создало большія затрудненія, а потому онъ полагалъ бы небходимымъ цензуру всего издающагося по крестьянскому вопросу сосредоточить на общемъ основаніи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которому принадлежало завѣдываніе крестьянскими дѣлами и ближайшее наблюденіе за ходомъ ихъ.

Исполненіе этого сдѣлалось возможнымъ съ изданіемъ „временныхъ правилъ для дѣйствія цензоровъ“, одобренныхъ Государемъ въ маѣ 1862 г., въ составленіи коихъ Бутковъ являлся экспертомъ, давая заключеніе Головнину, что онъ „не позволялъ печатать статей, гдѣ описывались случаи злоупотребленія помѣщичьей власти при существованіи крѣпостного права, а также, гдѣ порицались основныя начала Положеній 19 февр. 1861 г., или превратно истолковывались постановленія сихъ

Положеній", и считалъ полезнымъ сохранить эти ограниченія и на будущее время. Эти указанія Буткова вошли въ особое наставленіе цензорамъ, въ которомъ, между прочимъ, по крестьянскому дѣлу требовалось: не допускать никакого порицанія въ общемъ видѣ Положеній 19 февраля и вообще ничего противнаго этимъ положеніямъ; не дозволять къ печатанію статей, которыхъ содержаніе, перенося разрѣшеніе крестьянскаго вопроса съ сельско-хозяйственной на политическую арену, могло бы возбуждать неосновательныя и неумѣстныя толкованія по этому вопросу. Въ періодическихъ изданіяхъ, а равно въ отдѣльныхъ книжкахъ и брошюрахъ, предназначенныхъ для народнаго чтенія, не допускать ни подъ какимъ видомъ статей, въ которыхъ излагаются мнѣнія о принадлежащемъ будто бы крестьянамъ правѣ собственности на землю, предоставленную имъ только въ пользованіе, на установленныхъ въ законѣ условіяхъ. При сообщеніи въ газетахъ постановленій мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій не дозволять осужденія этихъ постановленій или доказательства несправедливости или неприменимости ихъ на дѣлѣ, такъ какъ эти постановленія, со времени утвержденія ихъ, имѣютъ законную обязательную силу для той мѣстности, до которой они касаются. Не дозволять никакихъ рѣзкихъ и язвительныхъ отзывовъ о настоящихъ отношеніяхъ между помѣщиками и ихъ служителями, или бывшими крестьянами, и вообще не разрѣшать къ печати никакихъ статей и разсужденій, которыя могли бы возбуждать неудовольствіе и раздраженіе одного сословія противъ другого"[1]).

Отнынѣ, съ усиленіемъ цензурной строгости и углубленіемъ надзора двухъ вѣдомствъ за общею печатью, уже не требовалось надобности въ спеціальной цензурѣ со стороны государственнаго секретаря, а успѣшность дѣйствія цензоровъ, руководившихся вновь изданнымъ наставленіемъ, была на столько утѣшительна по результатамъ, что въ оффиціальномъ *„обозрѣніи направленія періодическихъ изданій и газетъ и отзывовъ ихъ по важнѣйшимъ правительственнымъ и другимъ вопросамъ за 1862 г."* можно было констатировать, что въ 1862 г. въ журналахъ совершенно прекратилась „раздражительная полемика по крестьянскому вопросу, оскорбительная для помѣщиковъ и безполезная для крестьянъ", а также и статьи „проповѣдующія комму-

---

[1]) Это „особое наставленіе при цензированіи статей", касающихся разныхъ вѣдомствъ, сообщено было мин. нар. просвѣщ. при циркулярѣ отъ 17 мая 1862 г.

низмъ (sic!), и въ особенности тѣ, въ которыхъ доказывалось право собственности крестьянъ на помѣщичьи земли", якобы до 1862 г. „появлявшіяся почти во всѣхъ нашихъ журналахъ какъ бы съ цѣлью поколебать юридическія начала всякаго образованнаго общества" [1]).

Но не однѣ статьи съ субверсивными мыслями не пропускались въ печать; не увидѣли свѣта и такія статьи, въ которыхъ содержался фактическій разборъ того, какъ на дѣлѣ примѣнялись Положенія 19 февр. 1861 г., что попрепятствовало своевременному раскрытію злоупотребленій при ихъ примѣненіи, и только по статьямъ о крестьянскомъ дѣлѣ, недозволеннымъ цензурою [2]), можно отчасти судить, какого контроля со стороны печати лишилась крестьянская реформа въ самый важный моментъ ея движенія—при введеніи въ жизнь Положеній 19 февраля.

Цензорская роль государственнаго секретаря окончилась въ іюлѣ 1862 г.; она была создана, по объясненію Буткова, „въ виду тѣхъ особыхъ обстоятельствъ, кои могли быть вызваны совершившимся преобразованіемъ" въ бытѣ крестьянъ; какія такія обстоятельства ожидались, для которыхъ потребовалась спеціальная цензура некомпетентнаго въ этомъ дѣлѣ учрежденія, какъ государственная канцелярія,—мы даже въ настоящее время затруднились бы указать, но несомнѣнно, что отъ этой цензуры лишь потерпѣли интересы освобожденныхъ крестьянъ.

Алексѣй Попельницкій.

---

[1]) Названнаго *„Обозрѣнія"* стр. 9.

[2]) Десять статей такого содержанія напечатаны въ *„Сборникѣ статей, недозволенныхъ цензурою 1862 г."*, изданномъ по распоряженію упр. мин. народ. просв. для комиссіи по дѣламъ книгопечатанія. Спб. 1862, 1—446 стр.

Дневникъ Гордона во время его пребыванія въ Россіи.

ГЛАВА I.

1684 г. Москва.—Приготовленія къ Крымскому походу.—Просьба Гордона объ его увольненіи.—Отправка его въ Кіевъ.—Движенія турокъ къ Каменцу.—Побѣды австрійцевъ надъ турками.—Дѣло въ Запорожской Сѣчи.

10 января былъ обвѣнчанъ, по обыкновенію, въ тишинѣ царь Іоаннъ Алексѣевичъ съ Прасковьею Ѳеодоровною Салтыковой. Отецъ ея, до сего времени называвшійся Александромъ, принялъ при этомъ случаѣ имя Ѳеодора или Федора.

11-го числа я прибылъ въ Москву и на слѣдующій день представлялся бояриду князю Василію Васильевичу Голицыну, которымъ былъ очень милостиво принятъ.

13-го января я былъ у обѣдни. Служилъ обѣдню и говорилъ проповѣдь прибывшій изъ Рима и Вѣны епископъ, который намѣревался ѣхать въ Персію. Послѣ этого обѣдалъ у полковника Менгдена, а затѣмъ скоро отправился къ себѣ домой и принималъ у себя въ слободѣ именитыхъ особъ.

14 января посѣтилъ боярина Ивана Михайловича, а также различныхъ другихъ бояръ и именитыхъ особъ и обѣдалъ, по приглашенію, у боярина Петра Васильевича Шереметьева старшаго.

16 числа имѣлъ тайное совѣщаніе съ бояриномъ кн. В. В. Голицынымъ, при чемъ толковали не только о дѣлахъ въ Кіевѣ, но также и о предстоящемъ союзѣ съ римскимъ императоромъ Леопольдомъ и польскою республикою и о томъ, какъ и какимъ образомъ произвести нападеніе въ Крымъ. Къ этому послѣднему бояринъ повидимому былъ очень склоненъ, но полагалъ, что при этомъ нападеніи нельзя уповать на содѣйствіе поляковъ

и что въ настоящее время предпріятіе это не удобно выполнить по причинѣ многихъ другихъ затрудненій, съ которыми Россіи приходится бороться. Я, видя это, пытался опровергнуть и указывалъ всѣ представлявшіяся въ настоящее время удобства къ подобному нападенію, которое впослѣдствіи будетъ сопряжено съ несравненно большею опасностью. Бояринъ пожелалъ, чтобы я на письмѣ изложилъ главные мои доводы о походѣ и о томъ, что изъ современныхъ обстоятельствахъ я считаю за необходимое. Я обѣщалъ ему это исполнить и на слѣдующій день представилъ боярину письменно слѣдующія соображенія.

Современное положеніе Россіи, дипломатическія отношенія ея съ другими государствами и обстоятельства времени, повидимому, такъ сложились, что трудно дать положительный совѣтъ: соблюдать ли миръ или начать войну. Но такъ какъ желаютъ знать мое по этому предмету мнѣніе, то считаю своею обязанностью высказать таковое свободно и откровенно, въ краткихъ словахъ изложивъ соображенія и основанія, которыя могутъ быть приведены въ пользу того или другого исхода дѣйствія. По современному положенію Россіи нахожу, что для нея самой миръ очень необходимъ по слѣдующимъ основаніямъ:

1) Во время малолѣтства царей блюстители царства обыкновенно очень осторожны и мало расположены начинать войну, въ томъ вниманіи, чтобы, въ случаѣ неблагопріятнаго исхода оной, царь, достигнувъ зрѣлаго возраста, не могъ бы приписать вину этого людямъ, совѣтовавшимъ начать войну или по меньшей мѣрѣ не старавшимся отвратить оной.

2) Въ настоящее время имѣется два царя, а потому государство вслѣдствіе этого дѣлится на партіи; раздоры, несогласія и честолюбія бояръ порождаютъ замѣшательства и нерѣшительность въ ихъ совѣтахъ, что должно причинить большія затрудненія при войнѣ.

3) Недостатокъ денегъ и скудость государственной казны порождаютъ недостатокъ всѣхъ вспомогательныхъ средствъ, необходимыхъ при войнѣ и являющихся нервами войны.

4) Неудовольствіе, неповиновеніе и противодѣйствіе солдатъ и народа, не могущихъ имѣть въ виду одинаковой конечной цѣли, по той причинѣ, что преслѣдуютъ различные интересы, не различаются другъ отъ друга по своей природѣ.

5) Малая очень склонность къ войнѣ у большей части русскаго народа, особенно же у знатныхъ и совѣтниковъ;

6) Надежда, которою льстятъ себѣ въ Россіи, что турки и татары будутъ ненарушимо соблюдать заключенное съ ними

20-ти - лѣтнее перемиріе, въ каковое время цари достигнутъ совершеннолѣтія, пріобрѣтутъ опытность и познанія въ государственныхъ дѣлахъ и пополнятъ свою казну.

7) Убѣжденіе русскихъ, что несогласно съ божескими и человѣческими законами явиться нападающею стороною и первымъ нарушить заключенное съ турками перемиріе.

8) Недовѣріе и ревнивость, проявляемыя со стороны русскихъ къ ихъ союзникамъ и особенно предположеніе въ отношеніи поляковъ, что послѣдніе, доведя Россію до разрыва съ турками, будутъ, несмотря на самые подробные союзные договоры, преслѣдовать свои собственныя цѣли и для достиженія болѣе выгодныхъ себѣ условій заключатъ миръ съ турками и покинутъ Россію или же, допустивъ, что и Россія будетъ участвовать въ заключеніи мира, тѣмъ скорѣе будутъ въ состояніи осуществить свои древнія домогательства въ отношеніи Россіи. Нерасположеніе поляковъ заключить съ Россіею постоянный миръ,— развѣ только на невозможныхъ для насъ условіяхъ,—дастъ Россіи основаніе и поводъ сомнѣваться въ ихъ откровенности и правдивости.

9) Выгода, избытокъ, удовольствіе, благосостояніе, которыя во всѣ времена должно предпочитать всякому другому намѣренію.

Разсматривая соображенія и побудительные причины, по которымъ я намѣревался совѣтовать начать войну, надлежитъ привести сначала тѣ, которыя ослабляютъ только-что приведенные мною доводы въ пользу мира, а затѣмъ уже изложить тѣ, которыя могутъ быть выставлены наравнѣ съ первыми. Таковыми являются слѣдующія:

1) Малолѣтство царей. Признаюсь, что оно является большимъ препятствіемъ въ государствѣ, когда намѣреваются предпринять что-либо важное, какъ напр. начать войну. Однако опасеніе подвергнуться отвѣтственности за неблагопріятную войну можетъ не быть принято во вниманіе потому, что послѣдствія войны являются не дѣломъ одного лица или немногихъ лицъ, но цѣлаго государства, допустившаго себя уговорить къ тому и доставившаго со своей стороны все къ тому необходимое. Есть также не мало примѣровъ, что войны, начатыя при малолѣтствѣ правителей, были продолжаемы съ успѣхомъ, напримѣръ во время малолѣтства короля Генриха V англійскаго и королевы шведской Христины.

2) Многочисленность главныхъ правителей можетъ быть большимъ препятствіемъ при осуществленіи важнаго предпрія-

тія,—я это допускаю. Но быть, можетъ, такого рода опасность въ настоящее время не столь велика, какъ она быть можетъ окажется, когда принцы достигнутъ совершеннолѣтія. Теперь все зависитъ отъ обращенія и отъ мудрыхъ совѣтовъ именитѣйшихъ особъ; если они между собою согласны, а государство отъ себя доставляетъ все необходимое, то окажется ихъ виною, если дѣло не будетъ ведено съ зрѣлымъ обсужденіемъ, мужествомъ, рѣшимостію и единодушіемъ.

3) Денегъ достаточно въ странѣ и при необходимости должно поэтому ихъ взять, гдѣ только онѣ найдутся. Совершенное поляками на сеймѣ 1658 года можетъ служить примѣромъ и для русскихъ.

4) Такъ какъ неудовольствіе, неповиновеніе и сопротивленіе солдатъ и народа имѣютъ до крайности различныя причины и преслѣдуютъ различныя цѣли, то тѣмъ менѣе надлежитъ ихъ опасаться, коль скоро въ арміи будетъ соблюдаться строгая дисциплина.

5) Награды и наказанія являются главнѣйшими двигателями въ войнѣ. Однихъ побуждаетъ исполнять ихъ обязанности—надежда, пріобрѣтеніе почета, добраго имени, богатства; другихъ же—страхъ наказанія, презрѣніе и потеря добраго имени. Если пріобрѣтеніе почестей и выгодныхъ условій будетъ предоставлено только лицамъ военнаго званія, то каждый изъ нихъ будетъ стремиться пріобрѣсти таковыя этимъ путемъ.

6) Насколько турки и татары соблюдаютъ точно и добросовѣстно заключенные съ христіанами мирные договоры и перемирія, о томъ прошедшія и настоящія времена являютъ многіе и печальные примѣры. Всѣ эти договоры теряютъ для нихъ силу, коль скоро они находятъ время, случай и удобство ихъ прекратить. Стоитъ только подумать, развѣ не станутъ обвинять Россію въ томъ, что она дѣйствовала вопреки договорамъ, не разрѣшивъ казакамъ возвратиться въ свои жилища по ту сторону Днѣпра? Переходы же русскихъ казаковъ чрезъ рѣку съ тѣмъ, чтобы помогать полякамъ и вторгаться въ земли турокъ и татаръ, будутъ по меньшей мѣры сочтены турками попустительствомъ, если только не натравленіемъ этого народа. И сколько другихъ подобнаго рода дѣлъ они укажутъ, когда обстоятельства потребуютъ подробно и точно ихъ означить? Всѣ объявленія турками войны излагаются въ общихъ выраженіяхъ и при этомъ указаны мѣста и земли, возвращенія которыхъ они требуютъ.

7) Если Россія и въ настоящее время нарушитъ миръ, то

и тогда она не явится нападающею стороною, потому что татары, съ самаго заключенія мира, не разъ уже вторгались въ предѣлы русскихъ владѣній, увели тысячи ея обывателей въ неволю и не давали за это требуемаго вознагражденія. Турки, при всякомъ отправленномъ къ нимъ со стороны Россіи посольствѣ, требовали измѣненія мирныхъ условій, встрѣчали оскорбительно русскаго посла и угрожали запретить впредь посылать къ нимъ такого. Изъ этого легко заключить, что должно ожидать отъ турокъ, коль скор оу нихъ не будетъ больше другихъ враговъ, кромѣ Россіи? Основное правило турецкаго государства—не оставлять въ праздности солдатъ.

8) Недовѣріе и ревнивость между сосѣдними государствами существовали издревле; они встрѣчаются и теперь и не прекратятся въ будущія времена. Этого не въ состояніи отвратить даже самые священные союзы. И я не сомнѣваюсь, что подобное настроеніе, озлобленіе и ненависть поддерживаются воспоминаніемъ о когда-то причиненномъ оскорбленіи, неудовольствіи и проявленной враждѣ. При этомъ Россія, если она обяжется предъ поляками, въ настоящее время, своимъ содѣйствіемъ, должна обсудить, что послѣднее можетъ много содѣйствовать тому, что злоба по поводу нѣкогда бывшихъ пререканій по крайней мѣрѣ значительно уменьшится. И въ случаѣ, если бы поляки оказались неблагодарны, то за Россіею останется преимущество добраго дѣла, на что, предпочтительно предъ всѣмъ другимъ, должно смотрѣть при началѣ войны. Кромѣ того можно было бы попросить содѣйствіе нѣкоторыхъ, сосѣднихъ державъ и для вѣрности и безопасности заставить уступить себѣ нѣкоторыя крѣпости.

9) Все это говорится въ томъ предположеніи, что миръ доставитъ вышеупомянутыя выгоды. Но Россія очень ошибается, полагая, что можетъ постоянно или долгое время пользоваться миромъ, находясь среди столь воинственныхъ народовъ, являющихся ея сосѣдями.

Ко всему этому необходимо еще привести нѣкоторыя особыя основанія, которыя могутъ служить противовѣсомъ первымъ. Прежде всего надлежитъ не упускать изъ виду, что эта война должна окончиться миромъ и при томъ въ скорѣйшее время и затѣмъ надо обсудить, какое вліяніе этотъ миръ окажетъ на Россію. Если поляки будутъ настолько счастливы, что заключатъ выгодный миръ и освободятъ страну свою отъ опасности неожиданнаго нападенія, а турки доведутъ дѣло до того, что будутъ дѣйствовать заодно съ поляками и дозволятъ татарамъ

помогать имъ или по крайней мѣрѣ оставаться нейтральными, то тогда поляки въ состояніи будутъ осуществить свои требованія и завоевать Россію, такъ какъ ненависть ихъ къ Россіи достигнетъ высшей степени вслѣдствіе отказа съ ея стороны имъ въ содѣйствіи. Обладая побѣдоносною, хорошо обученною и дисциплинированною арміею и также содѣйствіемъ своихъ союзниковъ, которымъ она въ эту войну столь преданно и столь успѣшно помогала, Польша въ состояніи долго воевать съ Россіею и гораздо долѣе, нежели при иныхъ условіяхъ. Со своей стороны Россія, принявъ участіе въ войнѣ въ настоящее время, будетъ имѣть такого же рода преимущества. Если же поляки будутъ принуждены заключить невыгодный и безславный для нихъ миръ и уступить по крайней мѣрѣ свои права на Украину и казаковъ, то должно опасаться, что турки лучше Россіи докажутъ свои права и потребуютъ себѣ изъ казачьихъ земель на этой сторонѣ Днѣпра столько земли, сколько Польша когда-либо владѣла. И если Польша кромѣ того принуждена будетъ уступить имъ Волынь, то турки будутъ имѣть еще болѣе удобный случай осуществить свои требованія и притязанія. Если же поляки сдѣлаются вассалами турокъ, то послѣднія безъ сомнѣнія будутъ содѣйствовать намѣреніямъ поляковъ и помогать имъ вновь завоевать себѣ всѣ тѣ земли, на которыя они заявляютъ притязанія. Такимъ образомъ я предвижу, что чѣмъ невыгоднѣе и хуже для поляковъ будетъ заключенный миръ, тѣмъ хуже это будетъ и для Россіи.

Должно опасаться, что, при соединеніи армій, казаки могутъ быть побуждены покинуть русскихъ и перейдти на сторону прежняго ихъ властителя;—поэтому я не полагаю, чтобы поляки потребовали какого-либо другого содѣйствія, кромѣ того, чтобы съ русской стороны было бы сдѣлано вторженіе въ Крымъ и тѣмъ учинена диверсія татарамъ, и чтобы отрядъ войскъ русскихъ въ Кіевѣ, прикрывая Россію, вмѣстѣ съ тѣмъ безпокоилъ бы турокъ. Необходимо также обратить большое вниманіе и на казаковъ. Это безпокойное, непостоянное, воинственное населеніе, необычайно расположенное къ грабежамъ и разбоямъ. Поляки, какъ они всегда это и дѣлали, будутъ стараться привлечь на свою сторону лучшихъ и наиболѣе воинственныхъ людей изъ среды казаковъ и щедростью и ласками относительно сихъ послѣднихъ будутъ снискивать себѣ расположеніе и остальныхъ казаковъ.

Основанія, которыя могутъ побудить русскихъ напасть на Крымъ и опустошить его (я нисколько не сомнѣваюсь въ сча-

стливомъ для насъ успѣхѣ), дотого важны, что мнѣ нѣтъ надобности ихъ подробно излагать: укажу ихъ вкратцѣ. 1) Россія совершитъ Богу угодное дѣло, раззоривъ гнѣздо, нѣсколько столѣтій уже опасное христіанамъ, при чемъ будутъ освобождены изъ мрачной неволи многія тысячи христіанъ. 2) Россія пріобрѣтетъ себѣ этимъ величайшую славу, которую когда-либо пріобрѣтала себѣ нація, потому что избавитъ не только себя одну, но и все христіанство отъ этого страшнаго, проклятаго, ядовитаго племени, а себя при томъ еще и отъ ежегодно уплачиваемой имъ дани и тѣмъ отомститъ прежнія оскорбленія и позоры. 3) Нѣтъ сомнѣнія, что Россія этимъ обогатитъ себя. Всѣ христіане, возвращающіеся изъ Крыма, завѣряютъ, что татары зарыли въ землю несмѣтныя богатства; да иначе и быть не можетъ. Они стянули къ себѣ всѣ богатства Россіи, Польши, Венгріи и другихъ земель, путемъ уплачиваемой сими послѣдними дани, а также путемъ продажи, выкупа и обмѣна плѣнныхъ и разныхъ опустошительныхъ набѣговъ, ими дѣлаемыхъ въ другія страны. 4) Легкость осуществленія подобнаго предпріятія: съ 40.000 человѣкъ пѣхоты и 20.000 всадниковъ можно совершить таковое въ одинъ годъ и всего болѣе въ два года. Дорога въ Крымъ вовсе не такъ утомительна; предстоитъ идти всего два дня, не встрѣчая нисколько воды.

Но за то дорога настолько удобна, что армія все время, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, можетъ двигаться въ боевомъ порядкѣ; на пути не встрѣчается ни лѣсовъ, ни холмовъ, ни тѣснинъ, ни болотъ.

Наконецъ необходимо присовокупить еще и то, что до крайности опасно, что русскіе солдаты и русскій народъ отвлекаются отъ войны, тогда какъ всѣ сосѣди Россіи чрезвычайно прилежно упражняются въ войнахъ.

18 числа января бояринъ сообщилъ мнѣ, что если я желаю удостоиться цѣлованія рукъ у царей, то это можетъ быть осуществлено теперь при одномъ изъ нихъ. Я это отклонилъ на этотъ разъ; я предпочелъ отложить до будущаго времени, чтобы заразъ представиться обоимъ и тѣмъ выиграть время.

19 числа—шведскій посланникъ, капитанъ, приносилъ чрезъ слугу своего жалобу въ посольскій приказъ, на состоявшаго при немъ пристава, который постоянно его обижалъ. Послѣ этого онъ лично явился съ жалобою, но не получилъ никакого удовлетворенія.

22 числа я узналъ, что молодой царь, младшій, боленъ оспою и вѣроятно не скоро оправится и не скоро будетъ видимъ. По-

этому я представился только старшему изъ царей и удостоился быть допущеннымъ къ цѣлованію руки. На взглядъ царь болѣзненный, слабый, имѣлъ видъ очень удрученный. Онъ ничего и не говорилъ самъ, но бояринъ однако, именемъ Его Величества, спросилъ меня, какъ я себя чувствую, и хвалилъ мою службу. Послѣ этого меня повели чрезъ двѣ комнаты къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Она сидѣла на стулѣ, стоявшемъ на возвышеніи у конца комнаты, въ углу, съ лѣвой стороны. Послѣ того какъ я учинилъ обычные поклоны, бояринъ, именемъ царевны, спросилъ меня о моемъ благосостояніи и добавилъ, что Ея Величество милостиво дозволяетъ мнѣ поцѣловать ея руку. Я это исполнилъ съ обычными поклонами. Затѣмъ она поблагодарила меня за мою прежнюю службу и приказала мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ приготовиться къ отправленію въ Кіевъ. Послѣ того какъ бояринъ подтвердилъ это, я, дойдя уже до противоположнаго конца комнаты, обратился къ Царевнѣ съ просьбою принять во вниманіе, что я совсѣмъ раззоренъ, прослуживъ уже почти пять лѣтъ въ Кіевѣ, и дозволить мнѣ на короткое время поѣхать въ отпускъ. Однако мнѣ былъ данъ отвѣтъ, чтобы я готовился къ отъѣзду въ Кіевъ.

23 числа, рано утромъ я отправился къ боярину и просилъ его походатайствовать за меня, чтобы меня не отправляли въ Кіевъ. Бояринъ обѣщалъ исполнить мою просьбу и на другой день, имѣя болѣе досуга, хотѣлъ подробнѣе поговорить со мною объ этомъ дѣлѣ. Въ этотъ день приглашено было во дворецъ къ обѣду все дворянство, по случаю бракосочетанія царя Іоанна Алексѣевича.

24 числа прибылъ въ Москву секретарь Іоаннъ Ховель, въ качествѣ курьера отъ римскаго императора и доставилъ извѣстіе, что въ скоромъ времени прибудутъ и послы.

25 числа рано утромъ я имѣлъ разговоръ съ бояриномъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ о моей поѣздкѣ въ Кіевъ. Бояринъ сказалъ мнѣ, что я и думать не долженъ, а тѣмъ менѣе говорить, что не желаю ѣхать въ Кіевъ. Но въ отношеніи прочихъ моихъ обстоятельствъ я долженъ подать Ихъ Величествамъ докладную записку. Я имѣлъ при себѣ такое прошеніе, а также особое объясненіе всѣхъ понесенныхъ мною подъ Чигириномъ потерь, простиравшихся на сумму свыше 700 рублей; то и другое я отдалъ боярину, который, прочтя ихъ, передалъ бумаги секретарю, для составленія изъ нихъ краткаго извлеченія. Послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ стольникъ Филиппъ Дѣевъ съ другимъ, княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Волконскимъ и принесъ отъ

имени Царя, какъ милостивый подарокъ, сахарный пирогъ отъ брачнаго царскаго стола. Послѣ многихъ благопожеланій я подарилъ стольнику пару кіевскихъ пистолетовъ и вышитый патронташъ.

26 числа выѣхалъ изъ Москвы шведскій курьеръ (messenger).

29 числа императорскій посолъ имѣлъ аудіенцію, при чемъ въ караулѣ, во дворцѣ, стоялъ полкъ стрѣльцовъ.

31 января тотъ же посолъ имѣлъ конференцію въ посольскомъ приказѣ.

Я получилъ указъ относительно принадлежащаго мнѣ въ г. Сѣвскѣ дома, что онъ долженъ быть оцѣненъ по тому виду, въ какомъ былъ оставленъ мною, и мнѣ уплачены деньги изъ Царской казны.

При объясненіи съ бояриномъ, кн. Голицынымъ, я жаловался ему на то, что католики не пользуются тою же свободою богослуженія, что и прочія иноземныя вѣроисповѣданія. Бояринъ отвѣтилъ на это, что должно подать объ этомъ прошеніе царямъ, и католикамъ будетъ предоставлена таковая же свобода богослуженія и выдана на это привилегія.

2-го марта католическій архіепископъ произнесъ очень трогательную, прощальную предъ своимъ отъѣздомъ проповѣдь, при которой присутствовали датскій посланникъ, М. Г. лордъ Грехамъ, Боэтенантъ и многіе другіе обыватели, изъ которыхъ бóльшая часть обѣдала потомъ у меня.

3 марта, намѣреваясь на другой день уѣхать изъ Москвы, я рано утромъ 3 числа отправился къ боярину кн. Голицыну чтобы откланяться ему. Бояринъ просилъ меня подождать его возвращенія отъ царей. Я это выполнилъ и скоро узналъ, что цари всемилостивѣйше повелѣли выплатить мнѣ жалованье и за другую половину года. Это побудило меня рѣшиться отложить свой отъѣздъ до четверга.

4 числа писалъ письма вмѣстѣ съ В. въ пакетѣ англійскаго купца Вульфа, господамъ Меверслю и Грове и моему двоюродному брату Александру Гордону.

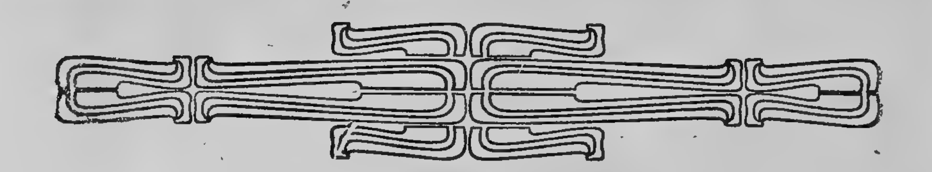
5 числа простился съ кн. Голицынымъ, который далъ мнѣ разныя порученія въ Кіевъ и сказалъ, что хорошо дѣлаю, исполняя волю Ихъ Величествъ относительно поѣздки въ Кіевъ; что же касается разрѣшенія выѣхать изъ Россіи, то въ этомъ я долженъ на него положиться. О всемъ же происходящемъ въ Кіевѣ я долженъ, безъ замедленія и ничего не утаивая, писать ему. Жалованья за вторую половину года я получилъ въ количествѣ 200 рублей.

Около этого времени въ Москвѣ было получено извѣстіе, что римскіе, уполномоченные послы прибыли 24 февраля въ Нарву и намѣревались 1-го марта ѣхать далѣе. Вслѣдствіе этого немедленно былъ высланъ курьеръ съ тѣмъ, чтобы по возможности ускорить прибытіе пословъ такъ, чтобы они, еще до начала Страстной недѣли, могли бы быть приняты царями. Если же это почему-либо невозможно, то посламъ надлежитъ ѣхать медленно съ такимъ разсчетомъ, чтобы они могли прибыть въ Москву во время Святой недѣли или послѣ оной.

П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1]).

---

1 октября. „Нѣкій германскій патріотъ, посѣтившій русскій храмъ, построенный близъ поля битвы народовъ въ 1813 году близъ Лейпцига, обратилъ вниманіе на доску съ надписью на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и въ „Berliner Local Anzeiger“ выражаетъ возмущеніе всей своей мелкой и неблагодарной тевтонской души:

„Памяти 22.000 русскихъ воиновъ, павшихъ за освобожденіе нѣмцевъ въ 1813 году у Лейпцига“... Нѣмецъ негодуетъ, что Русскіе выставляютъ себя освободителями Германіи, такъ какъ, по его мнѣнію, сраженіе не могло быть выиграно безъ Пруссаковъ и Блюхера, и считаетъ время подходящимъ для удаленія этой надписи

Такъ за что же пали 22.000 русскихъ воиновъ, г-нъ нѣмецъ [1]).

Греція отказалась выступить на помощь Сербіи. Вѣдь договоръ Греціи съ Сербіей есть простой клочекъ бумаги. Такова наглость греческаго Константина, мужа нѣмецкой Софіи и его присныхъ совѣтниковъ.

Въ № 1299 „Развѣдчика“ приведенъ интересный отвѣтъ нашего солдата о нѣмцахъ:

— То онъ насъ маленько попретъ, то мы его, а какъ больно осерчаемъ, такъ переходимъ въ наступленіе и тогда нѣмцы

---

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1916 г.

[1]) „Нов. Вр.“ 1 октября 1915 г.

бѣгутъ безъ оглядки. Плохо будетъ нѣмцамъ, когда мы всѣ осерчаемъ какъ слѣдуетъ, и начнется наше общее наступленіе.

Членъ Государственной Думы Милюковъ въ своей рѣчи по поводу законопроекта о нѣмецкомъ засильи сказалъ, что онъ не можетъ идти противъ германской культуры. По поводу этихъ словъ у петроградскаго обывателя невольно возникаетъ вопросъ: выясняетъ ли себѣ г. Милюковъ, что въ настоящей войнѣ ученые и германская наука идутъ рука объ руку съ германскими звѣрствами. Ихъ ученые въ одинъ голосъ одобряютъ пакостныя дѣянія германцевъ, изощряютъ свой умъ на изготовленіе всѣхъ средствъ для истребленія враговъ Германіи: будь то удушливые газы, бациллы гнилостнаго зараженія крови или иныя средства. Во время послѣдняго налета цеппелиновъ въ Англію цеппелинскія бомбы были отравлены бациллами гнилостнаго зараженія крови и всѣ раненые ими погибли. Совмѣстно ли съ этой германской наукой идетъ г. Милюковъ.

Всѣ свѣдѣнія изъ-за границы свидѣтельствуютъ единогласно о значительномъ истощеніи въ Германіи мѣди, жировъ, взрывчатыхъ веществъ, резины и пеньки.

Нѣмецкіе ученые, хваленые нѣкоторыми россіянами, создатели германской культуры, присоединили къ своимъ почтеннымъ работамъ по истребленію человѣчества еще усиленные труды по изысканію суррогатовъ взрывчатыхъ веществъ, а также по возсозданію искусственной резины и пеньки.

Пока еще неизвѣстно, увѣнчаются ли успѣхомъ эти изысканія. Одно только не подлежатъ никакому сомнѣнію, что, въ виду безумныхъ потерь, понесенныхъ германцами отъ распоряженій фельдмаршала Макензена, германскіе ученые ничего не могли придумать къ воскресенію нелѣпо загубленныхъ симъ полководцемъ его соратниковъ, а также не изыскали никакихъ средствъ къ тому, чтобы всѣ нѣмки рождали ежемѣсячно нѣмчатъ и чтобы нѣмчаты эти росли, какъ грибы.

На помощь германскимъ ученымъ выступилъ самъ кайзеръ и рекомендовалъ своимъ полководцамъ беречь кровь германскаго солдата и стараться ее охранить съ помощью кирки и мотыги.

Но и самому кайзеру не воскресить загубленныхъ герман-

скихъ соратниковъ и не усилить ихъ рядовъ значительными силами болгаръ и турокъ.

Нелѣпое веденіе германскихъ войскъ на убой дастъ полную и несомнѣнную побѣду союзникамъ надъ германцами, не взирая на всю ихъ культуру и пресловутую технику.

---

2 октября. Въ Петроградѣ недостатокъ муки, а на Калашниковской набережной грузятъ суда мукой для отправки въ Финляндію, гдѣ населеніе стало почему-то усиленно пожирать русскій хлѣбъ. Изъ Финляндіи идетъ необычайный вывозъ масла въ Швецію, которая никогда не нуждалась въ финляндскомъ маслѣ.

Впрочемъ и у насъ одна торговая, русская фирма съ улицы Гоголя въ громадномъ количествѣ отправляла за границу масла. Грозная резолюція еще въ іюлѣ по поводу отправки масло предержащаго лица и по сіе время мирно почіетъ среди другихъ бумагъ. Каковъ патріотизмъ у этихъ нѣмцелюбовъ, и какая пламенная любовь къ набиванію кармановъ у этихъ позорныхъ людей!

„Вечернее Время“ [1]) сообщаетъ изъ города Феллина Лифляндской губ. о необычайно лояльныхъ дѣяніяхъ барона Вольфа.

„Баронъ Вернеръ Вольфъ, оказывается, почему-то до сихъ поръ считалъ себя въ правѣ избивать на улицахъ людей, а теперь уже принялся за чиновниковъ. Раньше, до войны, ему обыкновенно, въ случаѣ избіенія какого-либо лица, выдавали удостовѣреніе въ томъ, что онъ, какъ полицейскій чинъ, билъ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Такимъ образомъ дѣло въ мировомъ судѣ прекращалось и шло въ административномъ порядкѣ. Тамъ оно кончалось ничѣмъ, и баронъ рѣдко попадалъ подъ судъ.

20 августа этотъ баронъ явился въ феллинскую почтово-телеграфную контору и, проникнувъ самовольно въ помѣщеніе простого отдѣла, ткнулъ пальцемъ въ одно изъ лежащихъ тамъ писемъ съ цензурнымъ штемпелемъ и спросилъ: „Чей это штемпель“?

Когда начальникъ конторы Елисеевъ отвѣтилъ, что это его штемпель, баронъ Вольфъ замахнулся палкой надъ головой на-

---

[1]) „Веч. Вр.“ 2 октября 1915 г.

чальника конторы и принялся, стуча палкой, кричать: „Не смѣй смотрѣть, собачье“... а затѣмъ, вынувъ изъ кармана письмо съ такимъ же штемпелемъ, добавилъ: „Если еще разъ найду штемпель, морду побью, собачье“... а затѣмъ загнулъ еще крѣпче.

На указаніе, что цензура корреспонденцій производится по Высочайшему повелѣнію и на основаніи предписаній высшей военной власти, баронъ Вольфъ совершенно обнаглѣлъ и опять заоралъ: „Наплевать на всѣ распоряженія, я приказываю, не смѣй, собачье“...

Покидая контору, баронъ продолжалъ грозить всѣмъ чинамъ конторы и кричалъ: „Всѣхъ васъ убью“.

Всѣ жалобы на барона ни къ чему не приводили, а бывшій лифляндскій губернаторъ Звегинцевъ его не увольнялъ“.

Въ Россіи недостатокъ сахару. Длинные ряды стоятъ передъ магазинами Петрограда, а часть сахару обязательно вывозится за границу.

„Новое Время“ [1]) передаетъ возмутительную исторію, какъ у насъ въ тылу, внутри Россіи, охраняютъ семьи доблестныхъ нашихъ воителей:

„И разсказалъ мнѣ этотъ, серьезно въ четвертый разъ, а легко — раненый безъ счету, кавалеръ двухъ георгіевскихъ крестовъ печальную исторію.

Послѣ второго серьезнаго раненія осколкомъ между ребрами, вылѣчивши въ госпиталѣ, отпустили его на побывку, на двѣ недѣли, домой, въ С-ую губернію. Радость семьи была, конечно, неописуема, но ненадолго. Жена его и 15-лѣтній сынъ работали на фабрикѣ. Послѣ призыва мужа, фабричный мастеръ-нѣмецъ сталъ за ней пріударять, сначала лаской, а потомъ угрозой, и ничего не добившись, передъ самымъ пріѣздомъ мужа, поставилъ ей условіемъ,—либо вступить съ нимъ въ сожительство, либо ей и сыну убираться съ фабрики. Хотѣлъ было раненый расправиться съ мастеромъ по-свойски, но, узнавъ отъ волостного, что мастеръ—нѣмецъ и скоро его выселятъ, на этомъ успокоился. Вернулся онъ успокоенный въ полкъ, заслужилъ второй крестъ, и вдругъ получилъ отъ жены письмо, что

[1]) „Нов. Вр.“ 2 октября 1915 г.

мастера не выселили, а она и сынъ съ фабрики уволены. Хотѣлъ было по начальству прошеніе подать, да все откладывалъ, въ бою былъ, а потомъ третій разъ ранили, снова полтора мѣсяца лѣчился, опять домой попалъ. Пошелъ на фабрику—не пустили.

— Да ты бы пожаловался...

— Хотѣлъ, да волостной отсовѣтовалъ, говоритъ, лучше вашему начальству жалуйся. Такъ я и сдѣлалъ. Докладную по командѣ подалъ. Теперь дѣло выйдетъ. Доживу—увижу".

Вотъ что говорятъ германцы латышскому населенію, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ими заняты:

„Пока мы, германцы, здѣсь,—будьте спокойны. Намъ запрещено раздражать населеніе, но если мы должны будемъ уйти... бойтесь: мы камня на камнѣ не оставимъ и перебьемъ все населеніе, не щадя женщинъ, стариковъ и дѣтей".

Такъ говорятъ германцы въ Курляндіи, въ той странѣ, которую теперь они щадятъ. А на Волыни творятся такія насилія:

Въ Выжвѣ, въ семи верстахъ отъ Рудки, германцы, несмотря на вопли отцовъ и матерей, захватывали молодыхъ дѣвушекъ и на глазахъ всѣхъ совершали надъ ними возмутительнѣйшія насилія. Старшая дочь кр. Терещука была изнасилована нѣсколькими германцами въ присутствіи родителей. Во время отчаяннаго сопротивленія дѣвушка подверглась жестокимъ побоямъ. Съ уходомъ германцевъ дѣвушка, не приходя въ сознаніе, скончалась. Ея мать, видя такіе ужасы, не перенесла страданія и умерла отъ разрыва сердца. Факты насилій надъ женщинами и дѣвушками происходили на хуторѣ Оссово и въ селѣ Глухи. Здѣсь германцы, насилуя дѣвушекъ, набрасывали имъ на голову мѣшки, чтобы онѣ не кричали.

---

3 октября. Въ Берлинѣ имѣютъ особый успѣхъ аукціоны награбленнаго германцами имущества во Франціи, Россіи и Бельгіи.

На аукціонѣ пользовались большимъ спросомъ предметы церковнаго обихода, вывезенные изъ Россіи: иконы, распятія и церковные сосуды.

Въ числѣ плѣнныхъ въ одномъ изъ лагерей Германіи находилась, по словамъ „Вечерняго Времени“ [1]), одна плѣнная казачка:

„Про нее очень много говорили. Сильная, хорошаго роста, съ солдатской выправкой, она поражала всѣхъ своей независимостью и смѣлостью. Говорятъ, что, когда ее привезли въ лагерь и, по обыкновенію, опрашивали, на вопросъ, кто такая,—она уперлась руками въ бока и, глядя свысока на нѣмцевъ, сказала: „Казачка“. Вскочившій оберъ-лейтенантъ ударилъ ее по лицу. Тогда казачка, вытянувъ шею и подставляя правую щеку, сказала: „Ударьте еще разъ—это нѣмецкая культура“ Оберъ-лейтенантъ ударилъ вторично. „Благодарю васъ“,—проговорила она, элегантно кланяясь. Ее назначали на всякія тяжелыя работы; но она все исполняла легко и виду никогда не показывала, что ей что-либо трудно. Ко всѣмъ нѣмцамъ она относилась съ рѣдкимъ презрѣніемъ, которое подчеркивала, и кажется, что ее ничѣмъ нельзя было устрашить. Въ концѣ концовъ вся администрація ея избѣгала. Она прекрасно знала нѣсколько языковъ и на всякую фразу кого-либо изъ начальства всегда быстро и рѣзко отвѣчала. Пріѣзжалъ еще разъ какой-то ревизоръ и спрашивалъ между другими и ее, хорошо ли ихъ кормятъ. „А вотъ попробуйте изъ нашего котла, тогда и будете знать“,—сказала она вызывающе, мотнувъ головой въ сторону кухни“.

Пріѣхавшіе съ фронта, участники многихъ боевъ передаютъ, что наши боевыя сообщенія неизмѣнно правдивы и составляютъ необычайную противоположность хвастливому вранью германскихъ радіотелеграммъ, съ которыми приходится тамъ ознакомляться.

Корреспондентъ „Новаго Времени“ г. Лялинъ [2]) передаетъ о порядкахъ части Курляндіи, занятой германской арміей Бѣлова, слѣдующее:

„При вступленіи врага въ поселки, германцевъ встрѣчаютъ „квартирьеры“ изъ мѣстныхъ колонистовъ или даже изъ числа курляндскихъ помѣщиковъ, предусмотрительно застрявшихъ

---

[1]) „Веч. Вр.“ 3 октября 1915 г.
[2]) „Нов. Вр.“ 3 октября 1915 г.

въ мѣстности, уничтожаемой непріятелемъ. Провизія, фуражъ, скотъ давно заготовлены все тѣми же лицами, при благосклонномъ участіи евреевъ, развившихъ въ послѣдніе дни пребыванія русскихъ войскъ въ Курляндіи исключительно оживленныя торговыя сношенія, точно этой губерніи угрожалъ голодъ.

Во главѣ передовыхъ нѣмецкихъ отрядовъ обычно ѣдетъ лейтенантъ изъ бывшихъ управляющихъ имѣніями одного изъ лояльныхъ русскихъ бароновъ, а бываетъ, что и самъ владѣтельный помѣщикъ одѣвается въ германскую форму, не говоря уже о тѣхъ презрѣнныхъ измѣнникахъ, которые еще до войны перешли въ германское подданство и „легально" числятся въ войскахъ непріятеля.

Г. Ренниковъ въ своей книгѣ о прибалтійскихъ нѣмцахъ перечислилъ 26 фамилій балтійскихъ дворянъ, представители которыхъ заклеймили себя государственной измѣной. Смѣю увѣрить, что онъ не назвалъ и четвертой части этихъ достойныхъ потомковъ тевтонскихъ рыцарей.

Кровныя и родственныя узы, связующія пришлыхъ „завоевателей" съ помѣстнымъ дворянствомъ Курляндіи, являются важнымъ козыремъ въ рукахъ нѣмецкихъ стратеговъ, и учесть все значеніе этого фактора въ настоящее время невозможно. Достаточно сказать, что сыновья, братья, зятья, дѣды и т. д. встрѣчаютъ германскихъ офицеровъ въ своихъ помѣстьяхъ и оказываютъ имъ различныя услуги. Справедливость требуетъ отмѣтить, что и германскіе лейтенанты не остаются у нихъ въ долгу.

Въ имѣнія многихъ курляндскихъ бароновъ присланы русскіе военноплѣнные для обработки полей. Въ случаѣ остраго недохвата рукъ, сгоняются латыши, при чемъ этимъ пока еще незакабаленнымъ рабочимъ платятъ мало, а порою и ничего.

Одинъ изъ графовъ Ламздорфовъ, когда рабочіе пришли за расчетомъ, выдалъ имъ лишь половину причитающейся платы, объявивъ, что остальная сумма поступаетъ на усиленіе средствъ германскаго казначейства. Этотъ же почтенный графъ, пока русскія войска отходили мимо его имѣнія, прятался въ тѣни лѣсовъ, но тотчасъ же возвратился въ усадьбу, какъ только узналъ о наступленіи нѣмцевъ.

Какъ и надо было ожидать, прославленный печатью баронъ Фирксъ, наконецъ, получилъ возможность проявить всю любящую силу своего нѣмецкаго сердца...

Не хуже дѣло для германцевъ обстоитъ и въ городахъ: благодаря нѣмецкой администраціи, готовой еще съ большимъ

рвеніемъ служить новымъ господамъ, германцамъ не приходится испытывать борьбу съ скрытой крамолой. Во многихъ городахъ и селеніяхъ всѣ должностныя лица оставлены на своихъ мѣстахъ in corpore, въ другихъ же потребовались незначительныя обновленія. Административный опытъ въ управленія краемъ, знаніе нуждъ мѣстнаго населенія, а главное знаніе чувствъ, питаемыхъ имъ, дѣлаютъ этихъ лицъ цѣнными проводниками политики германскихъ военачальниковъ".

Къ этому мы прибавимъ, что совершенно такое же поведеніе лояльныхъ прибалтійцевъ было и въ 1812 году къ прусскому корпусу Іорка, занимавшему тогда Курляндію.

Передаютъ, что соціалистическая печать Германіи настойчиво требуетъ установленія максимальныхъ цѣнъ на мясо молоко, масло, сыръ, картофель и маргаринъ.

По ихъ заявленіяхъ населеніе сильно обѣднѣло и отощало.

Интересно сравнить эти заявленія съ нашими разсказами обытѣ русской деревни, гдѣ населеніе богатѣетъ.

Одинъ англійскій офицеръ, проведшій нѣсколько лѣтъ въ области Камеруна, сообщаетъ [1]) что германцы изобрѣли новую промышленность довольно зловѣщаго свойства. Они обрабатываютъ ни больше, ни меньше, какъ человѣческую кожу. Съ помощью туземцевъ, они отыскиваютъ трупы взрослыхъ и дѣтей, умершихъ насильственной смертью, и сдираютъ съ нихъ кожу, которую обрабатываютъ и красятъ. Получается чрезвычайно нѣжная, бархатистая кожа, которая отправляется въ Германію. Можно нерѣдко видѣть у германскихъ офицеровъ роскошные портфели изъ человѣческой кожи съ золотыми и серебряными украшеніями и другіе предметы.

Эта торговля идетъ очень бойко въ Берлинѣ, но ведется съ нѣкоторой осторожностью.

Корреспондентъ „Новаго Времени" [2]) встрѣтилъ на полѣ сраженія одного вольноопредѣляющагося, бывшаго студента, котораго онъ зналъ еще раньше прежде его міровоззрѣніе было такое:

Въ его отношеніи къ намъ всегда сквозила какая-то плохо

---

[1]) „Le Courrier de l'Armée belge".
[2]) „Нов. Вр.", 3 октября 1915 года.

скрытая иронія. Точно онъ считалъ насъ лишними, никому ненужными и ни за что непригодными. Помню, какъ онъ всегда насмѣшливо улыбался, глядя въ сторону моего товарища, адъютанта, блестѣвшаго своимъ всегда безукоризненнымъ аксельбантомъ.

— Подвѣсочки, мишура...—такъ и свѣтилось въ его большихъ пронизывающихъ сѣрыхъ глазахъ.

Однажды мы, въ своемъ тѣсномъ кругу, заговорили о немъ и рѣшили провѣрить его отношенія къ намъ. Оказалось, что мы не ошибались въ своихъ предчувствіяхъ. Онъ считалъ себя ярымъ противникомъ войны и доказывалъ, что человѣкъ настолько высокая цѣнность, что убивать его нельзя.

— Война—не убійство...

— Какъ же? Конечно, убійство, только массовое... И я его могу только осуждать...

— Но вѣдь признаете же вы въ природѣ борьбу за существованіе? Не будете же вы отрицать того, что все живущее завоевываетъ себѣ лучшее мѣсто подъ солнцемъ, дѣлая это вовсе не умозрительнымъ путемъ, а просто—силой?

— Это не доказательство, — упорствовалъ студентъ. — Съ годами все усовершенствуется...

— Ну, хорошо... А что будете дѣлать вы, когда столкнутся расовые интересы и всѣ пути для мирнаго рѣшенія спора окажутся исчерпанными безъ удовлетворяющихъ обѣ стороны результатовъ?

— Гм., расовые интересы!—пренебрежительно усмѣхнулся онъ...—Развѣ есть расы? Развѣ онѣ имѣютъ оправданіе въ человѣческомъ разумѣ?

— Позвольте... Но какъ же вы, напримѣръ, опредѣлите себя? Кто вы—русскій, итальянецъ, французъ?..

— Я? Никто... Житель земли...

Споръ оборвался единодушной улыбкой. Съ тѣхъ поръ за студентомъ такъ и укрѣпилось, въ видѣ прозвища, это, случайно слетѣвшее съ его устъ, крылатое слово: житель земли.

И теперь, когда я увидѣлъ его на взятой высотѣ устраивающимъ окопъ для отбитаго и повернутаго на врага пулемета—въ моей памяти возстановлялись всѣ подробности нашего спора".

— Проходя по окопу, снова натыкаюсь на „жителя земли". У него на груди уже блеститъ новенькій георгіевскій крестъ.

— За что?

— За взятіе германскаго пулемета...

— Того самаго, около котораго вы тогда работали?

— Такъ точно... Онъ и сейчасъ здѣсь... Еще не стрѣляли изъ него... Ждемъ, когда нѣмцы въ атаку пойдутъ. Пока только пристрѣлку сдѣлали.

— Удачно?

— Такъ точно. Хорошо бьетъ. Совсѣмъ еще не разстрѣлянъ; видно, мало въ работѣ былъ.

— Скажите, вы меня узнаете?

— Такъ точно.

И онъ назвалъ мою фамилію.

— А „жителя земли“ помните?

Онъ смутился.

— Помню... Что же? Событія сильнѣе насъ... Да наконецъ какой же житель земли не возмутится ихъ звѣрствомъ“?

Болгарскій Фердинандъ призываетъ къ своему совѣщанію депутатовъ болгарской о позиціи. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ ему непріятности, но ничего осязательнаго для Россіи изъ этого конечно не произойдетъ. Болгарія со всѣми ея депутатами уже черезчуръ закуплена германскимъ золотомъ. Возврату имъ нѣтъ никакого. Просвѣтленія умовъ тоже ожидать нельзя. Уже пора Россіи разъ навсегда отказаться отъ всякихъ политическихъ благодѣяній.

---

4 октября. Интересный разговоръ на трамваѣ передаютъ „Биржевыя Вѣдомости“ [1]).

— Слушай, тетка, давай-ка мнѣ пересадочный на Сѣнную.

— Я те не тетка, я—кондукторъ...

— А коли кондукторъ, такъ надѣвай штаны замѣсто юбки.

— А вотъ я тебя за штаны высажу, такъ ты мнѣ совѣтовать не будешь.

— Да ты не серчай, я вѣдь не въ обиду, а просто не знаю, какъ тебя называть.

Самое непріятное слово, которое народилось у насъ на Руси въ эту войну, это „эвакуація“.

---

[1]) „Бирж. Вѣд.“, 4 октября 1915 г.

Желаю пламенно, чтобы въ будущемъ оно никогда не повторялось.

Многіе и очень многіе находятъ, что самое вѣрное средство для обузданія нашихъ Россійскихъ грабителей установленіе неизмѣнной таксы до окончаніи войны на предметы первой необходимости и запрещеніе вывоза этихъ предметовъ за границу.

Разсказываютъ, что борьба съ сахарозаводчиками находится въ такомъ же печальномъ положеніи, какъ борьба съ нѣмецкимъ засильемъ. У сахарозаводчиковъ есть могущественные покровители, съ которыми такъ же трудно справиться, какъ съ Россійскими нѣмцелюбами или покровителями Московскаго электрическаго общества 1886 г. Когда въ составъ комиссіи, засѣдающей по сему вопросу, попадаютъ люди, знающіе съ хорошо подвѣшеннымъ языкомъ, то на слѣдующее засѣданіе они устраняются.

Недавно подъ Митавой подбитъ одинъ изъ лучшихъ германскихъ гидроаэроплановъ системы Альбатросъ, который представляетъ послѣднее чудо техники и является гордостью германскаго воздушнаго флота съ моторомъ въ 160 лошадиныхъ силъ, двигающимся безъ всякаго шума, съ огромными резервуарами бензина, дающими возможность пролетѣть до 1.200 верстъ, съ особымъ усовершенствованіемъ уровня для опредѣленія пользованія аппаратомъ ночью.

Передаютъ, что послѣ одной успѣшной энергичной и утомительной атаки одинъ изъ офицеровъ, наскучивъ духотой въ избѣ, вышелъ спать на воздухъ и улегся на соломѣ; вдругъ слышитъ снизу голосъ: „И тяжелая же эта военная служба! Сколько же васъ будетъ на мнѣ спать, вы одинъ, или еще кто?“ Оказалось, что подъ соломой спалъ новобранецъ.

Разсказываютъ, что въ Харьковѣ постановлено открыть 7 нѣмецкихъ школъ для бѣженцевъ.

Въ г. Вологдѣ въ центрѣ колоссальныхъ залежей дровъ, въ масляномъ краѣ и при громадныхъ соляныхъ варницахъ нѣтъ дровъ, масла и соли. За то нѣмцы и нѣмцелюбы преуспѣваютъ во всемъ.

Въ „Вечернемъ Времени" [1]) г. Мзура разъясняетъ тотъ „законъ предательства", о двуподданствѣ германцевъ, который измыслилъ германскій министръ Дельбрюкъ. Свѣдѣнія, приводимыя этимъ лицомъ, имѣютъ такую громадную цѣнность и значеніе, что на нихъ нельзя не обратить особое вниманіе. Вотъ какія данныя приводятся въ этой статьѣ:

„Въ 1909 г. всѣ выдающіеся германскіе общественные дѣятели, а также преданные своему первому отечеству нѣмцы иного подданства и руководители германскихъ торгово-промышленныхъ предпріятій въ иностранныхъ государствахъ получили въ Германіи—открыто, внѣ ея предѣловъ—какими-то секретными путями опросные листы.

Анкета, задуманная „особой комиссіей тайнаго совѣтника Дельбрюка", имѣла цѣлью установить степень патріотическаго подъема иностранныхъ нѣмцевъ и тѣхъ германцевъ, которые по роду своей дѣятельности встрѣчаются съ иностранцами.

На листахъ значились 14 вопросовъ, а послѣднимъ былъ: „Какое количество лицъ нѣмецкаго происхожденія въ вашемъ округѣ (канцеляріи, фабрики, магазины, предпріятія), считаясь въ иностранномъ подданствѣ, является истинно преданнымъ Германіи и можетъ принять отъ нея отвѣтственныя и опасныя порученія. Ихъ имена, возрастъ, родъ занятій, мѣсто жительства"?

Указанныя въ опросныхъ бланкахъ преданныя Германіи лица были впослѣдствіи вызваны консулами и здѣсь, послѣ знакомства ихъ съ консулами и спеціальными агентами, получили инструкціи на случай „необходимости дѣйствій".

Въ 1910 г. въ сентябрѣ или августѣ произошло въ Берлинѣ засѣданіе, на которомъ впервые было произнесено слово „двуподданство". На этомъ совѣщаніи былъ окончательно формулированъ законъ о двойномъ подданствѣ нѣмцевъ.

Одновременно же совѣтникомъ министерства финансовъ Клюгенбахеромъ былъ внесенъ проектъ финансовой поддержки двуподданнымъ нѣмцамъ. Тогда впервые были оговорены такіе

---

[1]) „Веч. В.", 4 октября 1915 г.

шпіонскіе пріемы, какъ принятіе завѣдомо невыгодныхъ подрядовъ въ нужныхъ районахъ, поддержка германскихъ фирмъ, которыя могли принести пользу Германіи, и составленіе обширной сѣти германскихъ купцовъ-шпіоновъ въ Англіи, Россіи, Америкѣ и Франціи.

Законъ Дельбрюка одна изъ замѣчательнѣйшихъ организаціонныхъ мѣръ и одинъ изъ гнуснѣйшихъ законовъ предательства въ мірѣ.

Съ разоблаченіемъ закона Дельбрюка исчезло всякое довѣріе къ нѣмцамъ, подъ какою бы маской и въ какой бы отрасли общественной и государственной жизни они ни появлялись.

Съ изданіемъ закона о двойномъ подданствѣ Германія сдѣлалась орденомъ, враждебнымъ, опаснымъ и преступнымъ.

Далѣе въ этой же самой газетѣ приводится г. Ельфимовымъ теперь уже историческая быль, какъ этотъ законъ осуществлялся у насъ въ Петроградѣ:

— Полковникъ фонъ-Байлеръ!

— Ваше превосходительство?..

— Полковникъ фонъ-Байлеръ. Я вчера имѣлъ счастье бесѣдовать съ Императоромъ о новыхъ командировкахъ, и Его Величество изъявилъ полное согласіе поручить вамъ отвѣтственный постъ въ Петербургѣ.

— Ваше превосходительство!

— Полковникъ, я всегда считалъ васъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ офицеровъ нашей арміи и самымъ ревностнымъ слугой Императора, и потому будетъ совершенно излишнимъ давать вамъ какія-либо инструкціи. Я уже сдѣлалъ распоряженія, и фирма „Вайсъ и Фрейтагъ“ на дняхъ открываетъ въ Петербургѣ свое отдѣленіе по желѣзо-бетоннымъ сооруженіямъ. Вы, полковникъ, будете завѣдывать Петербургскимъ отдѣленіемъ этой фирмы.

— Ваше превосходительство, я крайне польщенъ вашимъ довѣріемъ и вниманіемъ Его Величества и смѣю думать, что, какъ солдатъ прусской арміи, всегда сумѣю оправдать столь высокое довѣріе, но, Ваше превосходительство, я никогда не былъ коммерсантомъ и...

— Хо, хо, хо, дорогой полковникъ, и слава Богу, что не были. Вы полковникъ генеральнаго штаба и будете имъ всегда и вездѣ. Что же касается вашего руководительства дѣлами фирмы „Вайсъ и Фрейтагъ“, держитесь слѣдующихъ принциповъ:

Берите только заказы на военныя и военно-техническія сооруженія и берите ихъ съ какимъ угодно убыткомъ. У васъ тогда не будетъ конкуррентовъ. Мы все оплатимъ. Чѣмъ больше будетъ вашъ дефицитъ,—тѣмъ блестящѣе проведены наши инструкціи. Вы меня понимаете, полковникъ?

— Ваше превосходительство, я весь къ вашимъ услугамъ. Когда прикажете выѣхать?

— Итакъ, дорогой лейтенантъ, мы въ Петербургѣ.

— Да, какъ видите, господинъ полковникъ. Не угодно ли взглянуть?—Отдѣленіе фирмы „Вайсъ и Фрейтагъ", Захарьевская, 23, тел. 418—13, центральное бюро—Нейштадтъ-на-Гардѣ. Исполненіе срочныхъ заказовъ по желѣзо-бетоннымъ сооруженіямъ.

Недурненькій плакатикъ? Что же касается вашихъ визитныхъ карточекъ, господинъ полковникъ, то вы можете смѣло поставить на нихъ von Bailer Oberst Z. D.

— Господа, событія надвигаются,—Германія наконецъ становится лицомъ къ лицу со своими коренными задачами. Я нарочно выписалъ васъ, чтобы сказать вамъ: Вы бросили мечъ и взяли молотъ, такъ требовало отъ васъ отечество—теперь пора снова взять мечъ!! Вы всѣ исполнили свой долгъ, и Богъ и Императоръ никогда не позабудутъ вашихъ услугъ дорогому отечеству!

Полковникъ фонъ-Байлеръ, вамъ я долженъ принести особую благодарность и передать особую милость Его Величества. Ваши заслуги неоцѣненны!! За короткій срокъ вы построили мастерскія на Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ.

Вы получили работы на Самарскомъ трубочномъ, военно-артиллерійскаго вѣдомства заводѣ.

Вы работали на Охтенскомъ пороховомъ.

Вы выстроили тиръ въ Царскомъ Селѣ для лейбъ-гвардіи гусарскаго полка.

Вы выстроили домъ Гвардейскаго общества.

Гутуевскій пакгаусъ тоже дѣло вашихъ рукъ.

Вы понесли на исполненіи этихъ заказовъ огромные убытки, сумма которыхъ уже внесена въ банкъ на счетъ фирмы „Вайсъ и Фрейтагъ".

Но вы дали такъ много за сравнительно короткій срокъ, что никакіе убытки не затемнятъ присланныхъ вами свѣдѣній.

Полковникъ фонъ-Байлеръ, по приказу Императора, вы больше не полковникъ...

Не хотите ли сигару, Ваше превосходительство?

Англичане обнаруживаютъ самую энергичную дѣятельность по истребленію германскихъ судовъ и подводныхъ лодокъ въ Балтійскомъ морѣ.

Германскія суда исчезаютъ въ балтійскихъ водахъ постоянно,—приблизительно по одному въ день. Германцы потеряли 80% своихъ подводныхъ судовъ. Уже теперь германское торговое судоходство сильно затруднено.

Членъ г. Думы, Керенскій, сказалъ про нѣмецкихъ колонистовъ, что они „вмѣстѣ съ нами создали силу и мощь Русскаго государства“.

Таковы слова представителя Государственной Думы, а современные факты показываютъ совсѣмъ другое, а именно: въ Кіевѣ, вблизи пароходной пристани, въ баракѣ № 1, гдѣ помѣщаются бѣженцы, по словамъ „Кіева“, произошелъ слѣдующій случай.

Около полудня въ отдѣленіе барака, въ которомъ находились нѣмцы-колонисты, зашло два лица: мужчина и женщина. Впослѣдствіи они оказались уполномоченными отъ нѣмецкаго комитета по оказанію помощи выселяемымъ нѣмцамъ-колонистамъ. Эти уполномоченные привезли съ собой нѣсколько корзинъ, наполненныхъ пищевыми продуктами: хлѣбомъ, булками, яйцами, молокомъ и т. д. Во время раздачи уполномоченными провизіи, сопровождавшейся разговоромъ на нѣмецкомъ языкѣ, кто-то изъ нѣмцевъ-колонистовъ, находясь вблизи окна, крикнулъ: „Смотрите, наши братья идутъ“. Выдача пищи была пріостановлена и нѣмцы выбѣжали на улицу встрѣчать партію плѣнныхъ австро-германцевъ, направляющихся въ Дарницу. „Сердобольные“ уполномоченные, забывъ своихъ колонистовъ, вернулись обратно въ баракъ, вынесли продукты и стали надѣлять ими плѣнныхъ, исключительно германцевъ. Примѣру уполномоченныхъ послѣдовали нѣмцы-колонисты, вынося хлѣбъ, выданный имъ Татіанинскимъ комитетомъ. Такая открытая симпатія уполномоченныхъ и нѣмцевъ-колонистовъ къ германцамъ вызвала негодованіе со стороны нашихъ бѣженцевъ Полѣсья, испытавшихъ много горя отъ кровожадныхъ нѣмцевъ. Бѣженцы стали протестовать, требуя немедленнаго

удаленія тѣхъ лицъ, кто открыто выразилъ свои симпатіи къ врагамъ Россіи.

Уполномоченные, желая остаться неизвѣстными, пытались скрыться, но, благодаря энергичнымъ мѣрамъ мѣстной администраціи, были задержаны. Уполномоченные оказались агрономомъ Генрихомъ Карловичемъ фонъ-Фраммомъ и Элей Эрнестовной Гейнеманъ.

Повсюду приходится слышать вопросъ, какъ должна закончиться настоящая война. На это англійскіе государственные люди отвѣчаютъ—разгромомъ германскаго милитаризма. Петроградскій обыватель полагаетъ, что война должна обязательно закончиться полнымъ разгромомъ политической, экономической и военной мощи Германіи, а также разгромомъ Гогенцоллерновъ.

Вмѣсто боевыхъ заводовъ Сезиціи и Вестфаліи должно быть чистое поле.

5—9 октября. № 222 „Русскаго Инвалида" приводитъ интересное описаніе работы Царской Ставки.

„Въ одномъ изъ городовъ Бѣлоруссіи размѣстилась Ставка. Его Величество занимаетъ небольшой двухэтажный домъ и живетъ собственно только въ двухъ комнатахъ второго этажа этого дома. Одна комната—Царскій кабинетъ, другая—спальня Государя Императора. Тутъ же размѣщаются приближенные Государя".

„Недалеко отъ этого дома, тутъ же, около городского небольшого садика, въ казенныхъ зданіяхъ и провинціальныхъ гостиницахъ живетъ остальная, крайне небольшая свита Государя Императора".

„Конечно, ни о какой роскоши не приходится говорить, упоминая о Царской Ставкѣ. Жизнь здѣсь трудовая, простая, безъ всякой тѣни какихъ-либо удовольствій и развлеченій; всѣ съ утра до вечера работаютъ.

Вотъ порядокъ дня въ Ставкѣ Его Величества. Въ началѣ десятаго часа утра Государь въ защитной рубашкѣ съ ременнымъ поясомъ, въ высокихъ сапогахъ, быстро выходитъ изъ Своего дома и ровной легкой походкой направляется къ штабу. За нимъ слѣдуетъ дежурный флигель-адъютантъ и конвойный урядникъ. Штабъ недалеко, рядомъ съ Царскимъ домомъ, и Государь сейчасъ же проходитъ въ подъѣздъ штаба. Тамъ Его

Величество, вмѣстѣ съ генераломъ Алексѣевымъ, разбираетъ донесенія, поступившія за ночь и утромъ съ громаднаго фронта нашей дѣйствующей арміи, и Самъ лично узнаетъ о всемъ томъ, что произошло въ боевыхъ столкновеніяхъ нашихъ войскъ. Цѣлыя картины, вся обстановка столкновенія милліоновъ народовъ проходитъ передъ глазами Государя. Царь не только выслушиваетъ докладъ Своего начальника штаба, но непосредственно, по телеграммамъ получаетъ впечатлѣнія о дѣйствіяхъ Своихъ армій. Рядомъ съ Царемъ, тутъ же около картъ, которыя лежатъ на столахъ и висятъ на стѣнахъ, находится начальникъ штаба генералъ Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ.

Проходятъ часы, и въ напряженныхъ трудахъ, обсуждая самыя сложныя и неожиданныя событія войны, Государь и начальникъ штаба продолжаютъ работу.

Только около половины перваго Государь покидаетъ штабъ и идетъ въ Свой домъ. Въ это время здѣсь въ залѣ собираются уже лица, приглашенныя къ Высочайшему завтраку. Кромѣ 10—12 человѣкъ, обычно присутствующихъ за столомъ Государя, къ завтраку приглашаются военные агенты союзныхъ армій: англійскій, французскій, бельгійскій, сербскій, черногорскій, итальянскій, японскій, высшіе чины штаба Верховнаго Главнокомандующаго и нѣсколько другихъ лицъ. Завтракъ тянется недолго, завтракъ простой, и, конечно, никакихъ винъ не стоитъ на столѣ. За завтракомъ Государь бесѣдуетъ съ присутствующими, а по окончаніи завтрака всегда привѣтливо обходитъ приглашенныхъ лицъ. Съ каждымъ русскій Царь найдетъ что сказать и всякій, кто удостоился чести быть на Царской трапезѣ, уходитъ обласканный.

Во второмъ часу дня Государь проходитъ къ Себѣ въ кабинетъ, гдѣ опять погружается въ дѣла и доклады. Только въ серединѣ дня часа на полтора-два Его Величество выѣзжаетъ изъ дома на моторахъ и гдѣ-нибудь верстахъ въ 20 за городомъ, въ сопровожденіи лицъ ближайшей Свиты, совершаетъ прогулку. Затѣмъ опять Царственный Труженикъ за столомъ, опять идутъ доклады, доклады безъ конца, опять Государевъ умъ, Государево сердце переживаетъ все то, о чемъ Ему доносятъ правящія лица изнутри Россіи и о чемъ телеграфъ сообщаетъ съ фронтовъ.

Половина восьмого обычно бываетъ Высочайшій обѣдъ. Къ нему такъ же, какъ и къ завтраку, приглашаются, помимо лицъ,

постоянно находящихся при Государѣ, должностныя лица. Обѣдъ простой, изъ трехъ блюдъ.

Около 9 часовъ послѣ того, какъ Государь обойдетъ лицъ, приглашенныхъ къ обѣду, и побесѣдуетъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, Его Величество идетъ къ себѣ въ кабинетъ и тамъ до глубокой ночи занимается дѣлами. Если случаются какія-либо выдающіяся событія на фронтахъ, ген. Алексѣевъ сейчасъ же приходитъ къ Его Величеству и докладываетъ Царю обо всемъ, что произошло.

Штабъ Верховнаго, тоже небольшой, занятъ также круглыя сутки. Вы никогда не увидите фланирующихъ офицеровъ по провинціальнымъ улицамъ. Вамъ, наоборотъ, бросится въ глаза, что всѣ куда-то спѣшатъ и ни у кого нѣтъ времени отдаться своимъ личнымъ потребностямъ.

Седьмого октября обнародованы слѣдующіе Высочайшій Манифестъ и Правительственное Сообщеніе:

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Коварно подготовляемая съ самаго начала войны и все же казавшаяся невозможною измѣна Болгаріи славянскому дѣлу совершилась: болгарскія войска напали на истекающую кровью въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ вѣрную союзницу Нашу Сербію.

Россія и союзныя Намъ великія державы предостерегали правительство Фердинанда Кобургскаго отъ этого рокового шага. Исполненіе давнихъ стремленій болгарскаго народа—присоединеніе Македоніи—было обезпечено Болгаріи инымъ, согласнымъ съ интересами славянства, путемъ.

Но внушенные германцами тайные корыстные разсчеты и братоубійственная вражда къ сербамъ превозмогли.

Единовѣрная Намъ Болгарія, недавно еще освобожденная отъ турецкаго рабства братскою любовью и кровью русскаго народа, открыто стала на сторону враговъ Христовой вѣры, славянства, Россіи.

Съ горечью встрѣтитъ русскій народъ предательство столь близкой ему до послѣднихъ дней Болгаріи и съ тяжкимъ сердцемъ обнажаетъ противъ нея мечъ, предоставляя судьбу измѣнниковъ славянства справедливой карѣ Божіей.

Данъ въ Царской Ставкѣ въ 5-й день октября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятнадцатое, царствованія же Нашего въ двадцать первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

Правительственное сообщеніе.

Въ тотъ роковой часъ, когда злосчастная Болгарія поднимаетъ свой мечъ противъ возродившей ее Россіи и становится подъ нѣмецкія и турецкія знамена, русскій народъ отдаетъ на судъ исторіи имя того, кто является истиннымъ виновникомъ этой безпримѣрной измѣны.

Когда австрійская интрига возвела на болгарскій престолъ нѣмецкаго принца, Русское Правительство не могло не почувствовать тревоги за будущность освобожденной русской кровью Болгаріи и отказало Фердинанду въ признаніи.

Первые годы царствованія князя не могли окончательно разсѣять коренного недовѣрія Россіи къ австрійскому ставленнику, тѣмъ не менѣе нѣкоторые факты, какъ, напримѣръ, вступленіе въ лоно Православной церкви княжича Бориса, а равно и нежеланіе ввергать еще неокрѣпшее государство въ опасную смуту, побудили Русское Правительство черезъ нѣсколько лѣтъ согласиться на признаніе Фердинанда.

Однако и послѣ этого Фердинандъ Кобургскій остался болгарскимъ княземъ только по имени. Вся его внутренняя политика подготовляла пути къ установленію въ странѣ германскаго вліянія. Подавляя свободное развитіе народныхъ силъ, сѣя изъ себялюбивыхъ видовъ раздоры между партіями, всячески поощряя политическое развращеніе страны, Фердинандъ успѣлъ внести разложеніе въ широкіе слои болгарскаго общества и подчинить его своимъ видамъ. Измѣна князя славянству стала

особенно ясно обрисовываться, начиная съ 1908 года. Всего за нѣсколько дней до провозглашенія въ Тырновѣ болгарской независимости австрійскій императоръ оказалъ поспѣшившему въ Вѣну Фердинанду царскія почести. Великодушіе Россіи не позволило ей вымещать на Болгаріи поведеніе ея князя. Мало того, когда между Турціей и Болгаріей на почвѣ денежныхъ разсчетовъ возникли серьезныя недоразумѣнія, грозившія войной, Русское Правительство вмѣшалось и предупредило осложненія путемъ финансовой жертвы; часть турецкаго долга Россіи была переведена на Болгарію, чѣмъ послѣдняя и, притомъ на весьма льготныхъ для нея условіяхъ, освобождалась отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ Турціи. Реально обезпечивъ такимъ образомъ независимость Болгаріи, Россія, побуждаемая тѣми же чувствами великодушія по отношенію къ болгарскому народу, сдѣлала дальнѣйшій шагъ и признала Фердинанда болгарскимъ царемъ. Отдавая себѣ ясный отчетъ въ истинныхъ цѣляхъ кобургскаго принца, Россія все же рѣшила не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Болгаріи, твердо вѣря, что рано или поздно у освобожденнаго ею народа откроются глаза и онъ самъ найдетъ пути къ спасенію отъ грозящаго ему новаго ига.

Побѣдоносная война, объединившая балканскіе народы въ борьбѣ съ вѣковымъ врагомъ—Турціей, покрыла болгарское оружіе славой и обезпечивала Болгаріи почетное мѣсто въ славянской семьѣ.

Но, слѣдуя все тѣмъ же австро-германскимъ наущеніямъ, вопреки совѣту Русскаго Царя и безъ вѣдома болгарскаго правительства, кобургскій принцъ двинулъ 16-го іюня 1913 года болгарскія войска на сербовъ. Этимъ преступнымъ актомъ Фердинандъ создалъ пропасть между двумя братскими союзными народами. Въ этотъ черный для всего славянства день король Фердинандъ погубилъ свою страну, но сослужилъ неоцѣнимую службу Германіи.

Разгромъ обманутой имъ Болгаріи и кара, наложенная на несчастную страну букарестскимъ миромъ, лишившимъ ее почти всѣхъ плодовъ ея побѣды, нанесли тяжелый ударъ самолюбію Фердинанда. Онъ замыслилъ не только возвращеніе утраченной по его винѣ Македоніи, но и расширеніе своихъ владѣній за счетъ всѣхъ прочихъ балканскихъ государствъ. Слѣдствіемъ этого явилось окончательное подчиненіе свободной страны германскому вліянію. Изъ обнародованнаго 24-го сентября 1915 г. правительственнаго сообщенія, а равно изъ заявленій француз-

скаго и англійскаго министровъ, русское общество могло убѣдиться въ томъ, что всѣ старанія союзной дипломатіи, направленныя къ возсозданію балканскаго союза, неизмѣнно разбивались о злую волю Фердинанда и двуличную политику его правительства.

Цѣлый годъ союзники старались вырвать злосчастный болгарскій народъ изъ цѣпкихъ рукъ поработившаго его нѣмца; Болгаріи предоставлялась возможность вернуть утраченныя земли и покрыть себя новой славой въ общей борьбѣ противъ германскаго варвара; съ болью въ сердцѣ доблестная Сербія приносила на алтарь единенія тяжелыя жертвы. Но король Фердинандъ остался глухъ ко всякимъ увѣщаніямъ. Въ чудовищномъ для Болгаріи союзѣ съ турками и нѣмцами онъ отвергъ всѣ предложенія, клонившіяся къ благу довѣрившей ему свои судьбы страны и пошелъ войной на Сербію и ея союзниковъ.

Въ теченіе почти 30 лѣтъ кобургскій принцъ стоялъ между Россіей и Болгаріей. Въ теченіе этого времени Россія не переставала надѣяться на просвѣтленіе близкаго ей народа. И нынѣ, когда Болгарія приносится въ жертву германскому коварству, Россія все еще не утратила надежды, что рука вѣрныхъ своимъ историческимъ завѣтамъ болгаръ не подымется на сыновей русскихъ воиновъ, легшихъ костьми за Болгарію.

Въ газетахъ появилось трогательное воззваніе объединенныхъ русскихъ соціалистовъ, подписанное Плехановымъ, Алексинскимъ и др. Въ этомъ воззваніи они зовутъ всѣхъ къ объединенію для дружнаго служенія своему народу въ часъ переживаемой имъ опасности. Они зовутъ пролетаріатъ и крестьянъ на защиту родины и указываютъ, что теперь частичныя выступленія и забастовки были бы измѣной.

Передаютъ, что по распоряженію кавказскаго намѣстника закрыты магазины Зингеръ въ Екатеринодарѣ, Ессентукахъ и Георгіевскѣ, а въ Петроградѣ магазины эти благоденствуютъ.

Въ „Новомъ Времени“ [1]) приведено еще одно доказательство особой лояльности одного изъ прибалтійцевъ:

Напротивъ Фридрихштадта, на правомъ берегу Западной Двины, въ Лифляндской губ., находится великолѣпный замокъ

[1]) „Нов. Вр.“ 9 октября с. г.

фонъ-Сиверса „Скривермуйжа"-Ремерсгофъ. Въ свое время фонъ-Сиверсъ являлся столь же типичнымъ колонизаторомъ, какъ знаменитый курляндскій фонъ-Бредерихъ и Комп. За послѣднее пятилѣтіе въ имѣніи Сиверса поселилось свыше ста семействъ нѣмецкихъ колонистовъ. Управляющимъ имѣнія состоялъ нѣкій фонъ-Вольгемутъ, который въ 1914 году передъ мобилизаціей изчезъ... Однако, насаженные имъ совмѣстно съ фонъ-Сиверсомъ колонисты остались на мѣстѣ. Не безъ интереса отмѣтить, что военными властями у колонистовъ было отобрано до 50 ружей германскаго образца, на содержаніе коихъ колонисты имѣли „разрѣшеніе". Нынѣ курляндскіе бѣженцы утверждаютъ, что видѣли бывшаго управляющаго фонъ-Вольгемута во главѣ германскихъ войскъ, оперирующихъ въ окрестностяхъ Фридрихштадта. Весьма загадочно, что германскія войска пытались форсировать Западную Двину именно въ предѣлахъ владѣнія фонъ-Сиверса. Случайное ли это совпаденіе обстоятельствъ или обдуманный заранѣе планъ?

Разсказываютъ повсюду, что когда крайне необходима доставка въ Петроградъ хлѣба, въ него везутъ въ очередныхъ грузахъ первой категоріи, портеръ, пиво, минеральныя воды, пастилу и др. По этому поводу было напечатано въ „Новомъ Времени" [1]) разъясненіе управленія желѣзныхъ дорогъ, что минеральной воды Кувака въ Москву съ 1 по 15 сентября прибыло всего 11 вагоновъ.

Передаютъ, что одинъ изъ крупнѣйшихъ оптовиковъ по изготовленію масла въ Сибири Майманъ разослалъ въ сибирскіе кооперативы циркуляры съ убѣжденіями не забывать добрыхъ торговыхъ отношеній съ его фирмой.

По поводу ликвидацій земель нѣмцевъ съ юга одинъ тамошній сановникъ выразился такъ:

„Такихъ хорошихъ хозяевъ лишается край".

Изъ ревельскаго района, по словамъ „Риж. Вѣст.", высланы иллуктсскій предводитель дворянства баронъ Николай Руммель—владѣлецъ имѣнія Бельмонтъ, и бывшій иллукстскій

---

[1]) „Нов. Вр." 9 октября с. г.

предводитель дворянства баронъ Максимиліанъ Энгельгардъ— владѣлецъ имѣнія Бриггенъ.

Корреспондентъ „Daily Mail“ даетъ подробности трагической кончины миссъ Эдиты Кавель, приговоренной нѣмцами къ смертной казни за то, что въ ея школѣ нашли пріютъ нѣсколько бельгійцевъ, англичанъ и французовъ, бѣжавшихъ изъ плѣна. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ Брюсселѣ. Мѣстомъ казни выбрали глухой, запущенный садъ, куда миссъ Кавель была приведена подъ конвоемъ солдатъ. Ей завязали глаза и накрыли голову чернымъ покрываломъ. Она держалась все время мужественно и дошла почти до самой стѣны, возлѣ которой ее должны были поставить подъ разстрѣлъ, но здѣсь силы измѣнили ей. Она тихо вскрикнула и упала безъ чувствъ. Уже выстроившіеся солдаты въ смущеніи опустили ружья. Германскій офицеръ направился къ упавшей, вынулъ револьверъ и, приложивъ его къ виску миссъ Кавель, выстрѣлилъ. Смерть послѣдовала мгновенно.

10—15 октября. Изъ Рима телеграфируютъ въ „Daily News“, что въ Софіи разстрѣляны шесть полковниковъ, заподозрѣнныхъ въ симпатіяхъ къ Россіи [1]).

По Петрограду разсказываютъ, что гадалка сдѣлала предсказаніе одной дамѣ, и это предсказаніе въ точности исполнилось. Эта же гадалка якобы сообщала, что Вильгельмъ заболѣетъ въ ноябрѣ и закончитъ свои земные дни будущей весной.

Въ Одесскую городскую публичную библіотеку доставленъ рѣдкій экземпляръ книги, найденной во Львовѣ, въ офицерскомъ собраніи 55-го австрійскаго полка, шефомъ котораго состоялъ Императоръ Александръ I.

На заглавномъ листѣ книги, содержащей исторію полка, Францемъ-Іосифомъ собственноручно написано повелѣніе полку: „Во вѣки-вѣчные именоваться полкомъ Александра I за услуги, оказанныя Россіей Австріи“.

Плѣнные офицеры этого полка удостовѣрили, что это по-

---

[1]) „Бирж. Вѣд.“, 13 октября 1915 г.

велѣніе не отмѣнено, и полкъ продолжаетъ носить вензель императора Александра I [1]).

По прочтеніи этой замѣтки невольно возникаетъ вопросъ: сколько пролилось русской крови при совмѣстныхъ войнахъ съ австрійцами противъ турокъ въ XVIII столѣтіи на Балканскомъ полуостровѣ, почему въ 1799 году надо было использовать геніальные таланты Суворова за Австрію въ Италіи и Швейцаріи съ неменьшими потоками этой же драгоцѣнной крови и наконецъ въ 1848 г. совсѣмъ отстоять русской грудью само существованіе Австрійской монархіи и посадить на австрійскій престолъ іезуита Франца-Іосифа. Беретъ ужасъ при этихъ воспоминаніяхъ въ настоящее время.

Петроградскій обыватель былъ прежде причастенъ къ военному дѣлу, а потому и можетъ разбираться по военнымъ вопросамъ. Вотъ причина его совѣта редакціи „Русской Старины" помѣстить на страницахъ журнала изображенія россійскихъ воеводъ великой войны—настоящихъ чистыхъ, алмазовъ, военныхъ дарованій.

Это было исполнено и въ журналѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, появились портреты генераловъ Радко Дмитріева, Алексѣева, Юденича и Рузскаго. Изображенія будутъ помѣщаться и впредь, но только такія, у которыхъ нами подмѣчена Божья искра военнаго дарованія. Смѣемъ завѣрить, что фальшивыхъ брилліантовъ не будетъ.

Интересная корреспонденція въ „Новомъ Времени" № 14,222 1915 г. о изготовленіи нашихъ государственныхъ бумагъ. Вотъ она эта корреспонденція:

„До войны мы кормились нѣмцемъ, считая, что лучше безъ хлопотъ и безъ заботъ получать все въ готовенькомъ видѣ.

Неудивительно, что нѣмецъ незримо сидитъ по сей день между нами и будетъ сидѣть еще долгіе годы.

Сидитъ онъ, оказывается, и въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ—въ томъ учрежденіи, откуда по бѣлу свѣту разлетаются наши бумажки,—а въ послѣдніе дни и легкомысленныя марочки. Среди другихъ средствъ войны нѣмцы

---

[1]) „Русское Слово", 13 октября 1915 г.

не стѣснялись поддѣлывать русскія кредитки,—разсчитывая этимъ подорвать наши финансы.

„Трудностей особенныхъ въ этомъ нѣтъ,—пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ,—наша экспедиція всѣ машины, станки и подчасъ мастеровъ выписывала изъ Германіи. До войны совѣтовали держать кредитки въ оборотѣ не болѣе трехъ лѣтъ, но такой проектъ не прошелъ. По сей день наиболѣе распространены, напримѣръ, рублевки образца 1898 г. Слѣдовало бы вводить новые рисунки, рѣзко мѣняя краски,—это обойдется дороже, но зато ввозъ чужихъ кредитокъ будетъ прекращенъ, такъ какъ наши враги не успѣютъ освоиться съ нашими кредитками".

Голосъ практика, но русскаго, а такихъ у насъ не любятъ. Потому и гуляютъ по бѣлу свѣту въ 1915 г.—рублевыя бумажки 1898 г.

Нѣмецкія машины и станки—это такъ сказать духъ нѣмцевъ въ экспедиціи, ихъ незримое присутствіе.

Безъ „зримаго" тоже не обходится экспедиція. Я въ ней не бывалъ, но по справочной книгѣ—букетъ великолѣпный. Товарищемъ управляющаго значится А. Густ. Бромзенъ, въ художественно-граверномъ отдѣленіи—Фельдманъ, Гершельманъ, Бейерсдорфъ Отто Вильг., Вартенбургъ Ѳед. Оскар., Гептнеръ Алфр. Ром., Клейнъ, Гетлихъ, Энгельманъ, Хроль, Бинеманъ, фонъ Биненштамъ, Ремгельдъ, Фонштейнъ; въ бумагодѣлательномъ—Фастъ Абр. Бернг., Гасселькусъ, Мерингъ; въ печатномъ—Дрессенъ, Брандъ В. Генр.; въ граверномъ—Штубендорфъ Вл. Оттон., Леманъ Ром. Робер., Крюгеръ Вас. Вильгельм. Въ другихъ—пестрятъ имена—Брадке Бруно Генр., Вреденъ Эдг. Роб., Штернъ Руд. Роб., Шнее Арт. Карл., фонъ-Голи Густ. Густ., Даугель и т. д., и т. д.

Не экспедиція, а нѣмецкая колонія на Фонтанкѣ".

16—21 октября. Прапорщикъ одного изъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ передавалъ слѣдующее показаніе:

„2-го октября 1914 года, во время боевъ подъ Варшавой, рота, которой командовалъ П., дѣйствовала противъ германскихъ окоповъ, расположенныхъ между дер. Бержезневицы и мѣстности Козеницы.

Неожиданно во время стрѣльбы по одному изъ германскихъ окоповъ прапорщикъ П. увидѣлъ въ бинокль, что на брустверѣ окопа, съ лопатами въ рукахъ, работаютъ нѣсколько женщинъ,

пересыпая песокъ съ одного мѣста на другое. Женщины были совершенно обнажены.

Замѣтивъ это, наши солдаты прекратили стрѣльбу по окопамъ, перенеся ее на непріятельскій флангъ.

Къ концу дня окопы были заняты нашими войсками.

По окончаніи боя прапорщикъ П. неожиданно увидѣлъ въ сторонѣ отъ окоповъ клубы чернаго дыма, подымавшагося съ земли... Предполагая разрывъ заложенной германцами мины, П. бросился къ мѣсту предполагаемаго взрыва.

Но картина оказалась гораздо ужаснѣе взрыва: сбитые въ кучу, лежали обгорѣлые трупы шести женщинъ. Отъ нихъ пахло бензиномъ, которымъ онѣ были политы.

Уходя отъ нашихъ войскъ и не желая „обременять“ себя женщинами, германцы предпочли сжечь своихъ подневольныхъ защитницъ“.

Разсказываютъ, что будто бы, теперь, когда у частныхъ магазиновъ стоятъ вереницы людей, можно купить сколько угодно сахару по 12 рублей за пудъ. Если предложить такую цѣну, то сахаромъ засыплютъ съ головы до ногъ.

Разсказываютъ, что будто бы не во всѣ нѣмецкія предпріятія назначены инспектора, и что будто бы дѣятельность инспекторовъ ограничивается повѣркой счетовъ, что они не имѣютъ спеціальныхъ, потребныхъ для сего дѣла, знаній и что вообще не всѣ изъ нихъ выдерживаютъ роль Катоновъ.

Во всей Франціи на фронтахъ и въ особенности въ Парижѣ замѣчается глубокій подъемъ религіозности. Всѣ храмы наполнены молящимися. Въ этомъ отношеніи война повліяла на французовъ самымъ благотворнымъ образомъ и свершила надъ страной чудо.

Какъ и у насъ: сопряженная съ войной трезвенность тоже свершила чудесное нравственное возрожденіе русскаго народа.

Съ 1-го по 22 октября военныя дѣйствія происходили слѣдующимъ образомъ: на Риго-Двинскомъ фронтѣ:

Собственно на Рижскомъ фронтѣ германцы вели на Ригу

къ востоку отъ Митавы энергичное наступленіе, сдерживаемое нами энергичными же контръ-атаками.

Упорные бои происходили въ раіонахъ Шлока, Олая, Гарозена, Мисгофа, гр. Экау и Нейгута.

Попытка переправы черезъ Двину на лодкахъ у Фридрихштада была отбита съ большими для германцевъ потерями.

На Двинскомъ раіонѣ нѣмцы вели энергичныя атаки у Якобштадта, Шлосберга, Иллукста, Помилиной, Горбуновки, оз. Свентенъ, оз. Деменъ, Дрисвяты и Богинское.

За исключеніемъ Иллукста германцы вездѣ были отбиты; къ югу отъ Двинска западнѣе линіи указанныхъ выше озеръ повсюду мы успѣшно тѣснили германцевъ къ западу.

На среднемъ фронтѣ было тихо за исключеніемъ энергичнаго нашего удара къ сѣверо-востоку отъ Барановичей, давшаго намъ около 100 офицеровъ и $5^1/_2$ т. плѣнныхъ.

На Волынскомъ театрѣ бои развивались съ особой энергіей съ обѣихъ сторонъ.

Эти бои особаго напряженія происходили на р. Стыри въ раіонахъ Рафаловки, Чарторійска, Комарово и Колки. Начались они нашимъ налетомъ, у первыхъ двухъ пунктовъ, при чемъ нами взято 9 орудій и $5^1/_2$ т. плѣнныхъ, съ малыми потерями. Потомъ нѣмцы подвезли подкрѣпленія, и на лѣвомъ берегу Стыри завязались упорные бои. Несмотря на значительныя силы противника, мы отстояли контръ-атаками эти пункты и переправы черезъ Стырь.

Въ восточной Галиціи и Буковинѣ бои начались съ нашей стороны ударомъ на Н. Олексинацъ съ захватомъ въ плѣнъ 148 офицеровъ и $7^1/_2$ т. нижнихъ чиновъ; затѣмъ мы заняли часть окоповъ къ западу отъ Тарнополя, Терембовля и южнѣе Бучача и прорвали непріятельскій фронтъ на р. Стрынѣ у Семиковичъ, гдѣ захватили плѣнныхъ 80 офицеровъ и 3½ т. нижнихъ чиновъ.

Противникъ у этой деревни неудачно перешелъ въ контръатаку и потерялъ одними плѣнными 5 т.

На Кавказѣ происходили стычки мелкихъ отрядовъ.

Черноморскій флотъ бомбардировалъ Варну, а союзный флотъ Дедеагачъ и Лагосъ при участіи нашего крейсера „Аскольда“.

Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ изволилъ 2-го октября произвести смотръ одному корпусу; а 12 и 31 октября—посѣтили арміи юго-западнаго фронта и вблизи

боевой линіи одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ на мѣстѣ его стоянки.

Въ то самое время, когда при мобилизаціи нѣкоторые остзейскіе бароны всѣми неправдами укрывали отъ поставки въ войска своихъ лошадей, въ то самое время русскій крестьянинъ неуклонно приводилъ свою лошадку для войсковыхъ потребностей.

Не мѣшало бы этимъ господамъ баронамъ принять къ свѣдѣнію слѣдующій фактъ, сообщаемый въ № 226 „Русскаго Инвалида“.

Вятскій губернаторъ довелъ до свѣдѣнія военнаго министра о томъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего года, во время поставки лошадей въ Орловскомъ уѣздѣ, были признаны годными и приняты въ войска по военно-конской повинности три лошади, принадлежащія крестьянамъ названнаго уѣзда, Смирновской волости, Сергѣю Васильеву Кислицыну и Михаилу Александрову Смирнову и Чудиновской волости, Ивану Александрову Банникову и стоющія по нормальной оцѣнкѣ около 300 рублей.

Движимые патріотическимъ чувствомъ, владѣльцы означенныхъ лошадей отказались отъ полученія денежнаго вознагражденія, слѣдуемаго имъ отъ казны за этихъ лошадей, и просили считать ихъ пожертвованными на нужды войны.

О таковомъ пожертвованіи крестьянъ Михаила Смирнова, Сергѣя Кислицына и Ивана Банникова военнымъ министромъ былъ представленъ на благовоззрѣніе Государя Императора всеподданнѣйшій докладъ.

Его Императорскому Величеству въ 5-й день сего октября на означенномъ докладѣ благоугодно было собственноручно начертать:

„Сердечное спасибо всѣмъ тремъ“.

22—25 октября. Слышалъ, что съ тѣхъ поръ какъ Болгарія и Турція поступили на содержаніе Германіи, германцы уплачиваютъ вмѣстѣ симъ наемникамъ по 100 милліоновъ марокъ ежемѣсячно.

Сколько стоитъ Германіи содержаніе греческаго двора, его присныхъ и греческихъ сановниковъ, еще не извѣстно.

Корреспондентъ „Вечерняго Времени“, въ № 1259, даетъ ин-

тересное описаніе воздушнаго поединка, которое воспроизводимъ въ точности:

„Наконецъ довелось увидѣть воздушный бой.

Захватывающее зрѣлище единоборства двухъ рыцарей воздуха.

Моменты, когда всѣ мы, прикованные къ землѣ, могли лишь рваться ввысь всѣмъ существомъ, но, увы, только внутренно переживать всю величину трагедіи героевъ, которые, кружась, какъ два сокола, оспаривали другъ у друга честь и славу стать побѣдителями...

Около девять часовъ вечера 24 іюня подъ мѣстечкомъ Т. появились два аэроплана.

Вечеръ былъ выдающійся по красотѣ: громадное заходящее солнце бросало кроваво-красные лучи на высокіе холмы, покрытые зеленью посѣвовъ, на небѣ ни облачка, на землѣ ни одного дуновенья вѣтра—природа, казалось, медленно погружается въ сонъ вмѣстѣ съ заходомъ солнца, и лишь двѣ новыя вѣщія птицы парятъ надъ мирной землею.

Но что это?

Съ неба ясно доносятся знакомыя очереди пулеметовъ.

Самолеты производятъ сложные маневры. Очереди выстрѣловъ не умолкаютъ. Глаза всѣхъ жадно устремляются въ небо. Всюду крики: „Смотрите, смотрите! Нашъ и австрійскій! бьются въ воздухѣ! Гдѣ, гдѣ?“

Все, что только двигалось, въ одну секунду очутилось на улицѣ. Пять—десять минутъ боя въ воздухѣ, которыя мнѣ довелось наблюдать, показались вѣчностью...

Та, та, та... донеслось въ послѣдній разъ...

Моментъ... и непріятельскій самолетъ сдѣлалъ полную мертвую петлю въ воздухѣ; на одну секунду выровнялся, сдѣлалъ полукругъ, клюнулъ носомъ и почти вертикально пошелъ внизъ совсѣмъ, какъ свободно падающій листъ бумаги, что такъ искусно показывалъ знаменитый Пегу.

„Падаетъ, падаетъ! Австріецъ падаетъ! Ура!“ громомъ пронеслось среди жадно смотрѣвшись ввысь, и всѣ, кто только имѣлъ возможность, ринулись по направленію мѣста, куда падалъ непріятель.

Но онъ еще не падаетъ камнемъ. Секунда, и аэропланъ выравнивается, вновь дѣлаетъ полукругъ и, наконецъ, сильно накренившись на правое крыло, исчезаетъ за бугромъ.

Я вскочилъ на попавшуюся лошадь и полнымъ ходомъ поднялся на первый бугоръ, чтобы осмотрѣться и рѣшить, куда

ѣхать. Открывшаяся картина невольно приковала мой взоръ и заставила задержаться на нѣсколько секундъ.

Весь видимый горизонтъ былъ покрытъ бѣгущими, скачущими и ѣдущими людьми. Всѣ неслись къ мѣсту паденія непріятеля, а за вторымъ бугромъ, который скрывалъ отъ насъ мѣсто катастрофы, отчетливо поднимались зловѣщіе клубы чернаго дыма—то горѣлъ аппаратъ противника. А, надъ нимъ, порою попадая въ высоко поднявшіяся облака бензиноваго дыма, парилъ побѣдитель, все ниже и ниже спускаясь надъ своей жертвой. Быстрота, съ которой многотысячная толпа собралась къ мѣсту паденія непріятельскихъ летчиковъ, была поразительна. Аппаратъ ихъ превратился въ кучу горѣлаго желѣза, а сами они превратились въ два обгорѣлыхъ трупа.

Но вотъ побѣдители ****** (летчикъ и наблюдатель, стрѣлявшій изъ пулемета) плавно опустились на землю. Вся толпа какъ одинъ человѣкъ ринулась къ нимъ. Да, именно ринулась: въ ея движеніи была стихійная восторженность, а изъ груди этой, какъ одинъ человѣкъ, мыслящей массы, вырвалось такое ура, что на человѣческомъ языкѣ нѣтъ подходящаго выраженія, дабы охарактеризовать такую бурю восторга. Летчиковъ подхватили и понесли—ноги ихъ не должны, хотя бы въ первыя минуты, касаться земли! Конца восторгу нѣтъ. Несмолкаемое „ура“ стоитъ въ воздухѣ.

Подходя же къ трупамъ павшихъ смертью героевъ, всѣ обнажаютъ головы,—честь мертвымъ...

Слава побѣдителямъ!“

Съ тѣхъ поръ, какъ у германскаго генеральнаго штаба тактика фельдмаршала Макензена „вожденіе на убой въ массахъ“ потерпѣла крушеніе, германцы лихорадочно принялись за изготовленіе разныхъ пакостныхъ газовъ, огней, отравныхъ ядовъ, пулеметовъ, орудій и иныхъ средствъ, коими они считаютъ необходимымъ восполнять надвигающійся недостатокъ въ людяхъ.

Десятки тысячъ десятинъ лѣса въ Олонецкой и Новгородской губерніяхъ принадлежатъ германскому подданному Десауеру и его замѣстителямъ А. К. Тимму и Кларѣ-Аделѣ-Аннѣ Тимъ. Немудренно, что благодаря россійскимъ нѣмцелюбамъ, легализировавшимъ передачу лѣса, изъ сихъ лѣсныхъ богатствъ ни одного полѣна не выпало на долю Петрограда.

Я слышалъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что убойщикъ австро-германскихъ солдатъ фельдмаршалъ Макензенъ крайне нелюбимъ въ войскахъ. По результатамъ, гибельныхъ для германцевъ, боевыхъ атакъ онъ можетъ быть смѣло причисленъ къ числу лицъ четверного согласія.

Послѣ геройскаго сопротивленія въ теченіе трехъ сутокъ, одного изъ нашихъ геройскихъ полковъ, выдвинутаго далеко впередъ, было получено приказаніе отступать. И вотъ какъ это свершилось по словамъ корреспондента „Вечерняго Времени“ [1]).

„Для успѣшности отступленія нужно было оставить нѣсколько пулеметчиковъ, которые могли бы первое время сдерживать натискъ врага. Солдаты понимали, что оставшіеся пулеметчики обречены на вѣрную смерть. Но, несмотря на это, сразу нашлось пять охотниковъ пулеметчиковъ подъ начальствомъ младшаго унтеръ-офицера Ивана Галаты. На молодомъ, почти безусомъ лицѣ Галаты были написаны непоколебимая рѣшимость и большая сила воли.

Стояла темная ночь. Родной полкъ Галаты, растянувшись цѣпью, медленно отступалъ. Командиръ полка послѣднимъ покинулъ окопъ и на прощанье поцѣловалъ пятерыхъ пулеметчиковъ.

— Не выдадимъ, ваше высокоблагоро...—съ едва замѣтной дрожью въ голосѣ прошепталъ Галата.

Командиръ нырнулъ въ ночную темноту. Пятеро пулеметчиковъ сразу почувствовали себя отрѣзанными отъ всего міра. Скинувъ замусоленные картузы, они набожно перекрестились и прошептали: „Господи, спаси и помилуй“...

Среди ночной темноты можно было слабо разобрать, какъ ползли на брюхахъ пятеро солдатъ къ своимъ пулеметамъ, замаскированнымъ небольшимъ кустарникомъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ покинутыхъ окоповъ.

— Ну, ребята, даромъ патроновъ не порть, а выбирай, гдѣ погуще! Сила солому ломитъ, а хитрость звѣря ловитъ!—проговорилъ Галата, налаживая пулеметы. Ящики съ пулеметными лентами были подвинуты ближе къ пулеметамъ.

Гдѣ-то по сторонамъ гудѣла артиллерія, но напротивъ было тихо, точно передъ ними разстилалась мертвая пустыня. До самаго утра пулеметчики не сомкнули глазъ, зорко всматри-

---

[1]) „Веч. Вр.“, 25 октября 1915 г.

ваясь въ глубину ночи, ожидая каждую минуту атаки непріятеля. Едва только начало разсвѣтать, какъ сразу со всѣхъ сторонъ загудѣла артиллерія. Снаряды сотнями рвались сзади пулеметчиковъ, совершенно зарывая окопы ихъ родного полка.

— Готовься, ребята, скоро бусурманъ пойдетъ въ атаку! Ишь какъ расплевался! И не жаль ему снарядовъ по пустому мѣсту тратить,—крикнулъ Галата, совершенно не слыша своего голоса.

Пулеметчики прилегли къ землѣ и замерли. Жуткое было ожиданіе. Имъ все время приходилось держать носы по вѣтру, дабы во-время уловить невидимаго и неуловимаго врага.

Вдругъ со стороны непріятельскихъ окоповъ раздался воинственный кличъ. Затрещали барабаны, заиграли оркестры, и все это слилось въ одинъ несмолкающій стонущій гулъ. Тамъ, въ непріятельскомъ лагерѣ творилось нѣчто ужасное. Германцы лавиной пошли въ атаку. Въ бѣлесоватомъ утреннемъ туманѣ, низко стлавшемся по землѣ, можно было замѣтить фигуры германцевъ. Пулеметчикамъ казалось, что они идутъ не по землѣ, а висятъ гдѣ-то въ воздухѣ.

Нѣмцы рѣшили еще до восхода солнца захватить окопы стрѣлковаго полка. Солнце вынырнуло изъ-за лѣса и сквозь зеленую гущу листвы бросало золотистые лучи. Съ каждой секундой близится роковой моментъ. Тутъ только нѣмцы поняли, что „русскіе оборванцы“ обманули ихъ и что сдерживающій ихъ наступленіе полкъ успѣлъ благополучно улизнуть. Германцы хорошо понимали, какъ опасно терять связь съ непріятелемъ, и теперь ихнему озлобленію не было предѣла. Со звѣринымъ ревомъ они бросились къ нашимъ окопамъ. Въ это время наши пулеметчики открыли огонь. Та-та-та! запѣли пулеметы, осыпая градомъ свинца ошалѣвшаго отъ неожиданности непріятеля. Нѣмцы дрогнули, но въ это время впередъ выскочило нѣсколько офицеровъ, которые смѣло повели въ атаку свои дрогнувшія колонны. Врагъ сразу открылъ пулеметы и началъ засыпать ихъ градомъ свинца. Пули щелкали въ стальные щиты пулемета и со свистомъ пролетали мимо. Теперь нѣмцы бросились вразсыпную и старались забѣжать сбоку. Но хитрость ихъ не удалось. Галата поставилъ пулеметы полукругомъ. Онъ видѣлъ, какъ десятки труповъ корчились въ предсмертныхъ судорогахъ. Нѣмцы бѣсились. Ихняя артиллерія не могла прійти къ нимъ на помощь, такъ какъ они слишкомъ близко подошли къ пулеметамъ.

Пулеметъ Галаты стрѣлялъ мѣтче остальныхъ. То его пули

ложились низко по землѣ, то врѣзывались въ самую гущу непріятели и заставляли его разбѣгаться. Но нѣмцы, несмотря на огромныя потери, не остановились и лѣзли, какъ тараканы. Нѣкоторымъ смѣльчакамъ удавалось подползти совсѣмъ близко къ пулеметамъ, но Галата мѣткимъ огнемъ поднималъ ихъ съ земли и обращалъ въ бѣгство. Вдругъ онъ почувствовалъ сильную боль въ ногѣ. Непріятельская пуля раздробила ему ногу. Пулеметчикъ не растерялся и быстро перетянулъ рану платкомъ, а затѣмъ снова началъ засыпать непріятеля свинцомъ. Его товарищи тоже были контужены и ранены, но никто изъ нихъ и не думалъ бросать пулеметовъ.

Солнце уже поднялось высоко и бросало свои горячіе лучи на взрытое поле, усѣянное сотнями труповъ врага. Въ самый разгаръ боя Галата замѣтилъ наступающую роту чуть ли не въ тылу пулеметовъ. Впереди бѣжалъ офицеръ съ обнаженной шашкой, а за нимъ цѣпью его рота... Вотъ онъ совсѣмъ близко, но въ это время Галата быстро повернулъ пулеметъ и провелъ нѣсколько разъ вѣеромъ по наступающимъ нѣмцамъ. Нѣмецкій офицеръ упалъ на землю въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пулемета. Галата видѣлъ, какъ онъ пытался подняться съ земли, судорожно сжимая въ рукѣ шашку, но силы оставили его, и онъ замертво свалился. Сейчасъ же къ нему подползли два санитара и, несмотря на убійственный огонь пулеметовъ, потащили своего офицера въ первую попавшуюся выемку. Уцѣлѣвшій остатокъ роты пытался сдаться въ плѣнъ. Жаль было ихъ Галатѣ, но дѣлать было нечего, и пулеметъ снова заработалъ...

Въ самый критическій моментъ, когда пулеметчики выбивались изъ силъ, изъ лѣсу выскочила наша кавалерія и врѣзалась въ непріятеля и докончила наше дѣло. Затѣмъ наши пошли въ контръ-атаку и далеко прогнали германца. А мы благополучно вернулись въ тылъ".

Идутъ разговоры о залежахъ и пробкахъ на Россійскихъ желѣзныхъ дорогахъ, а между тѣмъ мы имѣемъ блестящихъ начальниковъ желѣзныхъ дорогъ южныхъ—Б. Д. Воскресенскаго и Омской—Л. Н. Любимова, которые, при скромныхъ вагонныхъ снабженіяхъ, справляются самымъ прекраснымъ образомъ съ безпрерывнымъ теченіемъ грузовъ. Казалось бы, что другимъ начальникамъ дорогъ надлежало поучиться у этихъ двухъ лицъ, а и самому подлежащему министерству при-

нять эту заслуживающую особаго вниманія дѣятельность ко всеобщему для Россіи руководству.

Въ „Новомъ Времени“ отъ 25 октября въ ст. А. Богдановскаго ясно воспроизводится та роль, которую играютъ наши банки для нѣмецкой промышленности:

„При „Обществѣ 1914 года“ имѣется торгово-промышленный отдѣлъ. Разбираясь въ вопросахъ, выясняющихъ причины нашей слабости въ рядѣ отраслей промышленности и торговли, отдѣлъ скоро между прочимъ наткнулся на невидимую, но сильно ощущаемую руку, направлявшую дѣятельность нѣкоторыхъ банковъ въ сторону не содѣйствія, а дезорганизаціи нашей торговли и промышленности. Поэтому отдѣлъ къ состоявшемуся вчера общему собранію общества выработалъ проектъ резолюціи, единогласно принятой на собраніи. Отдѣлъ полагаетъ, что пышный расцвѣтъ экономическаго засилья у насъ нѣмецкаго вліянія въ значительной мѣрѣ былъ возможенъ благодаря дѣятельности группы извѣстныхъ банковъ, руководимыхъ изъ Берлина. Нѣмецкіе акціонерны и по настоящее время, распоряжаясь черезъ своихъ ставлениковъ русскими деньгами, притекающими въ кассы банковъ, спекулируя на повышеніе цѣнъ на разные товары, при помощи банковой организаціи умышленно создаютъ затрудненія въ области нашей торговли и распредѣленія продуктовъ первой необходимости. Поэтому отдѣлъ предложилъ принять резолюцію, поддерживающую намѣреніе правительства произвести ревизію дѣятельности банковъ съ точки зрѣнія выясненія степени ихъ участія въ спекулятивныхъ сдѣлкахъ, совершаемыхъ черезъ подставныхъ лицъ для того, чтобы играть на повышеніе цѣнъ товаровъ.

На-ряду съ этимъ обнаружились также и операціи группы коммерческихъ банковъ на югѣ Россіи, открывавшихъ подъ вексельной формой кредитъ нѣмецкимъ колонистамъ для покупки земли. Вексельная операція этого типа получила даже названіе долгосрочной ссуды подъ „нѣмецкій вексель“.

Очевидно, что всѣ банки, не занимающіеся подобнаго рода дѣятельностью, должны быть заинтересованы въ томъ, чтобы правительственная ревизія выдѣлила ихъ и отмежевала отъ тѣхъ банковъ, что на русскія деньги вносятъ дезорганизацію въ страну.

Вѣдь въ сущности наблюдается странная картина. Возьмемъ восемь крупнѣйшихъ нашихъ банковъ. Ихъ можно разбить на банки, съ основнымъ капиталомъ, принадлежащимъ глав-

нымъ образомъ нѣмецкимъ держателямъ. Къ этой группѣ принадлежатъ три банка съ основнымъ капиталомъ въ 170 мил. руб. (въ нихъ нѣмецкихъ денегъ 110 мил. руб.). Во второй группѣ—смѣшанныхъ банковъ можно насчитать три учрежденія съ основнымъ капиталомъ въ 75 мил. руб. (нѣмецкихъ денегъ 13 мил. руб.), и наконецъ два банка можно отнести къ группѣ французскихъ, работающихъ съ капиталомъ въ 85 мил. руб. (нѣмецкихъ 8 мил. руб.).

Положивъ въ видѣ основного капитала 330 мил. руб., восемь банковъ при наличности работающихъ въ нихъ 220 мил. руб., принадлежащихъ иностранцамъ, собрали, въ видѣ вкладовъ и на текущихъ счетахъ и кредитовъ корреспондентовъ до трехъ миллiардовъ денегъ, въ числѣ каковыхъ до 600 мил. получено изъ Государственнаго банка и только 600 мил. числится на счетахъ иностранныхъ корреспондентовъ. Иначе говоря, изъ всѣхъ работающихъ въ банкѣ капиталовъ на долю русскихъ денегъ приходится четыре пятыхъ, на долю иностранныхъ— одна пятая. Но рѣшающій голосъ принадлежитъ иностраннымъ акціонерамъ, сосредоточившимъ въ своихъ рукахъ двѣ трети основного капитала, владѣніе коимъ и даетъ право голоса. Изъ числа всего основного капитала 41 проц. принадлежитъ нѣмцамъ и въ группѣ русско-нѣмецкихъ банковъ, сосредоточившихъ у себя 110 мил. руб. нѣмецкихъ денегъ, нѣмцы царствуютъ безраздѣльно. Такъ было до войны. Правительственная ревизія и должна будетъ выяснить, насколько со времени объявленія войны нѣмецкое вліяніе было парализовано. Вотъ почему приходится пожелать, чтобы слухи о ревизіи изъ области предположеній и плановъ перешли въ область дѣлъ и фактовъ. Вѣдь въ ежедневныхъ анналахъ часто проскальзываетъ извѣстіе, что въ то время, какъ здѣсь или тамъ населеніе страдаетъ отъ недостатка муки или сахара, десятки вагоновъ, погруженныхъ и адресованныхъ на банкъ, стоятъ невыгруженными или внезапно направляются по другому назначенію.

Общественное мнѣніе въ правѣ ожидать успокоенія въ увѣренности, что роль нѣкоторыхъ банковъ въ дезорганизаціи тыла найдетъ себѣ правильную оцѣнку со стороны правительства и его органовъ“.

Вотъ что говорятъ нѣкоторые, россійскіе нѣмцы: конечно, мы русскіе подданные. Мы не желаемъ Россіи зла, но у насъ въ жилахъ течетъ нѣмецкая кровь и намъ жаль нѣмцевъ.

26—30 октября. Въ № 244 „Русскаго Инвалида" напечатано:
25-го сего октября въ Царскосельскомъ Александровскомъ Дворцѣ, въ присутствіи Канцлера Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ генералъ-адъютанта графа Фредерикса, состоялся пріемъ прибывшаго изъ дѣйствующей арміи свиты Его Величества генералъ-маіора князя Барятинскаго, состоящаго въ распоряженіи главнокомандующаго генералъ-адъютанта Иванова.

Князь Барятинскій имѣлъ счастье доложить Его Императорскому Величеству, что онъ командированъ главнокомандующимъ генералъ-адъютантомъ Ивановымъ для представленія единогласнаго постановленія мѣстной Георгіевской Думы: повергнуть къ стопамъ Его Величества черезъ старѣйшаго Георгіевскаго кавалера генералъ-адъютанта Иванова всеподданнѣйшую просьбу оказать войскамъ великую милость и радость возложеніемъ на Себя ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени на основаніи статьи 7 Статута.

При этомъ князь Барятинскій колѣнопреклоненно имѣлъ счастье поднести Его Императорскому Величеству постановленіе мѣстной Георгіевской Думы и Военный орденъ Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени.

Постановленіе Георгіевской Думы Юго-Западнаго фронта отъ 21-го октября 1915 года.

Георгіевская Дума Юго-Западнаго фронта въ засѣданіи 21-го октября 1915 года сочла своимъ священнымъ долгомъ имѣть сужденіе о высокомъ значеніи изложеннаго въ телеграммѣ Верховной Ставки отъ 16-го октября сего года событія посѣщенія 12-го и 13-го октября Его Императорскимъ Величествомъ и Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Юго-Западнаго фронта, при семъ Георгіевская Дума усмотрѣла:

что присутствіе Государя Императора на передовыхъ позиціяхъ вдохновило войска на новые геройскіе подвиги и дало имъ великую силу духа;

что, изъявивъ желаніе посѣтить воинскую часть, находящуюся на боевой линіи, и приведя таковое въ исполненіе, Его Императорское Величество явилъ примѣръ истинной воинской доблести и самоотверженія;

что, пребывая въ мѣстахъ, неоднократно обстрѣливаемыхъ непріятельской артиллеріей, Государь Императоръ явно подвергалъ опасности Свою драгоцѣнную жизнь и пренебрегалъ опасностью въ великодушномъ желаніи выразить Лично вой-

скамъ Свою Монаршую благодарность, привѣтъ и пожеланія боевой славы.

На основаніи вышеизложеннаго Георгіевская Дума Юго-Западнаго фронта единогласно постановляетъ:

повергнуть черезъ старѣйшаго Георгіевскаго кавалера генералъ-адъютанта Иванова къ стопамъ Государя Императора всеподданнѣйшую просьбу: „оказать обожающимъ Державнаго Вождя войскамъ великую милость и радость, соизволивъ возложить на Себя орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени, на основаніи ст. 7-й Статута".

Подписали:

Предсѣдатель—командиръ XII арм. корпуса генералъ-лейтенантъ *Калединъ*.

Состоящій въ распоряженіи главнокомандующаго арміями Юго-Западнаго фронта генералъ-лейтенантъ *Баташевъ*.

Командующій 15 пѣхотной дивизіей, ген.-м. *Ломновскій*.

Командующій 10 кавалерійской дивизіей, генералъ-маіоръ *Марковъ*.

Командующій 2-й Заамурской Пограничной дивизіей, генералъ-маіоръ *Ступинъ*.

Свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь *Барятинскій*.

Генералъ-Квартирмейстеръ штаба 8-й арміи генералъ маіоръ *Стоговъ*.

И. д. генерала для порученій при главнокомандующемъ арміями юго-западнаго фронта, полковникъ *Духонинъ*.

Телеграмма Его Императорскаго Величества Главнокомандующему арміями юго-западнаго фронта

отъ 25-го октября 1915 года.

Сегодня Свиты Моей генералъ-маіоръ князь Барятинскій передалъ Мнѣ орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени и просьбу Георгіевской Думы юго-западнаго фронта, поддержанную Вами, о томъ, чтобы Я возложилъ его на Себя. Несказанно тронутый и обрадованный незаслуженнымъ Мною отличіемъ, соглашаюсь носить нашъ высшій боевой орденъ и отъ всего сердца благодарю васъ всѣхъ Георгіевскихъ кавалеровъ и горячо любимыя Мною войска за заработанный Мнѣ ихъ геройствомъ и высокою доблестью бѣлый крестъ.

„НИКОЛАЙ".

Телеграмма на Имя Его Императорскаго Величества отъ Главнокомандующаго арміями юго-западнаго фронта.

Всеподданнѣйше ходатайствую о награжденіи Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича серебряною медалью 4-й степени на Георгіевской лентѣ въ память посѣщенія Его Императорскимъ Высочествомъ вечеромъ 12-го сего октября раненыхъ въ районѣ станціи Клевань въ сферѣ дальняго огня непріятельской артиллеріи, а также пребываніи 13-го сего октября въ районѣ расположенія корпусныхъ резервовъ 11-й и 9-й армій. При этомъ дерзаю всеподданнѣйше доложить Вашему Императорскому Величеству, что таковымъ награжденіемъ Вы соизволите вновь осчастливить арміи юго-западнаго фронта, въ сердцахъ всѣхъ сыновъ коихъ уже навѣки запечатлѣлись тѣ радостныя чувства и тѣ чувства безпредѣльной преданности своему Верховному Вождю и горячей готовности положить жизнь свою за Царя и Родину, кои они испытывали при Вашемъ посѣщеніи армій.

Подписалъ: генералъ-адъютантъ *Ивановъ*.

Разсказываютъ, что будто бы германцы предлагаютъ тронъ Балканскаго Императора Фердинанду, а Византійскаго Императора Константину Греческому.

Въ „Русскомъ Словѣ“ [1]) приводится потрясающій разсказъ нашего солдата, бѣжавшаго изъ германскаго плѣна. Вотъ этотъ разсказъ:

„Не помню, какого числа, но только въ началѣ мая отправили насъ всѣхъ въ г. Плѣшно, въ Познани. Тутъ мы впервые увидѣли человѣческое къ себѣ отношеніе мѣстныхъ жителей. Часто приходили къ намъ, очень жалѣли, приносили намъ хлѣба, папиросъ, жаловались, что имъ тоже туго приходится отъ нѣмцевъ.

Но что больше насъ удивило,—стали намъ вдругъ хорошій казенный паекъ выдавать. Долго мы не понимали, что слу-

---

[1]) „Рус. Сл.“ 28 окт. 1915 г.

чилось. Думали даже, что, видно, скоро войнѣ конецъ. Анъ не тутъ-то было!

Приходитъ къ намъ однажды нѣмецкій фельдфебель и говоритъ:

— Ну, ребята, бери кирки и лопаты и айда на работу!

— На какую работу?—спрашиваемъ мы его.

— Окопы рыть.

Тогда нашъ подпрапорщикъ говоритъ:

— Лучше, ребята, намъ всѣмъ помереть, чѣмъ измѣнить присягѣ. Вѣрно я говорю?

— Такъ точно,—отвѣчали мы всѣ,—не пойдемъ рыть окопы противъ своихъ же.

Нѣмцы стали дѣйствовать силой.

Тогда всѣ мы легли на землю и ни съ мѣста.

Озвѣрѣли нѣмцы. Смертнымъ боемъ били насъ прикладами, топтали ногами. Штукъ десять винтовокъ изломали. А никого работать противъ своихъ не заставили.

— Ну,—кричитъ ихній офицеръ,—я вамъ, упрямые русскіе ослы, покажу!

Велѣлъ принести козлы. Выстроили насъ всѣхъ въ рядъ и еще разъ спросили:

— Отвѣчайте, мерзавцы, будете работать?

— Никакъ нѣтъ, не будемъ,—какъ одинъ человѣкъ, крикнули мы всѣ.—Лучше убейте!

И начали они тогда класть на козлы по четыре человѣка и бить по голому тѣлу палками. Палки ломались, ихъ замѣняли новыми. Снятые съ козелъ солдаты падали въ обморокъ.

Жители, на глазахъ у которыхъ все это происходило, плакали и кричали:

— Довольно, звѣри, что вы дѣлаете?!

Польскій ксендзъ вышелъ въ бѣломъ облаченіи и со слезами на глазахъ осѣнялъ насъ крестомъ.

Перепороли всѣхъ.

На другой день очередь была другого барака идти на работы. Тѣ тоже отказались. Солдаты были всѣ дѣйствительной службы. Съ ними поступили такъ же, какъ и съ нами, только били еще болѣе жестоко. Около 30-ти человѣкъ оказались съ переломанными руками и ногами. Тогда мы объявили голодовку. Неизвѣстно, чѣмъ бы все дѣло кончилось, но, какъ говорятъ, ксендзъ донесъ обо всемъ архіепископу познанскому. И откуда-то вскорѣ пришелъ приказъ оставить насъ въ покоѣ.

Мой спутникъ умолкъ и тяжело вздохнулъ.

— Когда же вы бѣжали?—спросилъ я.

— Вскорѣ послѣ этого и бѣжалъ. Все равно, думаю, рано или поздно погибать. Выбралъ ночь потемнѣе, при помощи товарищей подкопалъ стѣну барака и бѣжалъ. Зашелъ въ первую польскую деревню, разсказалъ добрымъ людямъ правду истинную,—тѣ и помогли. Дали вольную одежу, дали сапоги. Такъ вотъ четвертый мѣсяцъ бреду изъ деревни въ деревню".

Вотъ другое показаніе нашего плѣннаго, бывшаго на разсмотрѣніи слѣдственной комиссіи [1]).

„Одинъ изъ нашихъ плѣнныхъ въ Восточной Пруссіи, съ которымъ обращались отвратительно,—морили голодомъ и холодомъ,—съ отчаянія рѣшился бѣжать, но былъ пойманъ. Наказаніе ему придумали ужасное: на шею надѣли желѣзный ошейникъ и приковали на желѣзной цѣпи къ собачьей конурѣ, гдѣ онъ и долженъ былъ жить и спать, а два раза въ день ему приносили пищу въ собачьей мискѣ. Послѣ ѣды фельдфебель ударомъ сапога отправлялъ несчастнаго обратно въ будку, приговаривая: „Пошелъ на мѣсто, собака"!

Въ одномъ изъ военныхъ лагерей въ Германіи русскихъ плѣнныхъ очень плохо и недостаточно кормили; когда они доходили до острой степени отчаянія, нѣмцы устраивали такую забаву: дневальные выносили бакъ съ пищей и, показывая ее плѣннымъ, говорили: „Ѣшьте". Не помня себя отъ голода, плѣнники бросались къ баку, но въ этотъ моментъ изъ толпы окружавшихъ спускались съ привязи собаки, приготовленныя для этой потѣхи; собаки съ жадной злобой набрасывались на пищу. Офицеры, солдаты, горожане очень забавлялись, глядя на эту свалку человѣческихъ и собачьихъ тѣлъ и, надрываясь отъ смѣха, кричали: „Собаки, собаки, собаки!"

Приводимъ очеркъ военныхъ дѣйствій на русскомъ фронтѣ съ 22 по конецъ октября. Особеннаго вниманія и изученія заслуживаютъ наши дѣйствія на Рижскомъ фронтѣ за это время. Съ легкой руки разныхъ корреспондентовъ съ французскаго фронта, а также изъ оффиціальныхъ оттуда донесеній установилось незыблемое мнѣніе, что укрѣпленныя позиціи германцевъ неодолимы. Что передъ ними надо стоять многіе мѣсяцы и даже годы и для того, чтобы гдѣ-нибудь проломить частичный участокъ укрѣпленнаго германскаго фронта, необходимы милліоны снарядовъ.

---

[1]) „Нов. Вр." 29 окт. 1915 г.

И что же мы видимъ на Рижскомъ фронтѣ съ 22 по конецъ октября.

Германцы всегда считали и считаютъ Ригу важнымъ предметомъ дѣйствій во всѣхъ своихъ приказахъ и воззваніяхъ. И чтобы надежно, по-германски, обезпечить себѣ подступы къ этому лакомому кусочку, они передъ Рижскомъ раіономъ возвели массу укрѣпленій, вооружали ихъ артиллеріей, тщательно ихъ запулеметили и заплели нещадно проволокой каждый шагъ Рижскаго фронта.

Съ 22 октября началось наше наступленіе на западъ отъ Риги. Оно шло по береговому раіону по направленію на Шлокъ, при грозномъ и тщательно согласованномъ содѣйствіи нашего флота, къ югу отъ озера Бабитъ на Кальцнемъ, на Олай, а также отъ Кексау и Икскюля.

Наше наступленіе шло медленно, методично, безъ лишнихъ потерь; шагъ за шагомъ мы отвоевывали пространство на всемъ Рижскомъ фронтѣ и закрѣпляли его за собой.

Повсюду овладѣвали нѣмецкими укрѣпленіями и передѣлывали ихъ фронтомъ къ непріятелю.

Русская артиллерія оказывала блистательное содѣйствіе всему Рижскому фронту. Къ концу октября у рижскаго берега нами заняты Кемернъ и Антингъ, на лѣвомъ берегу Аа были заняты раіоны Франкендорфа и Посарна, взяты сильно укрѣпленныя мызы Олай и Берземюнде. Неудачъ на Рижскомъ фронтѣ не было. Въ послѣдніе дни боевъ принимали участіе латышскія дружины.

При разсмотрѣніи столь успѣшныхъ дѣйствій войскъ Рижскаго раіона возникаетъ одинъ вопросъ?

Войска наши на всѣхъ раіонахъ одинаковы; а тутъ дѣйствовали даже ополченскія дружины. Приходилось и про нихъ слышать самые лестные отзывы. „Прутъ какъ гвардейцы, говорилъ про ополченцевъ одинъ изъ начальниковъ“. Конечно, начальники на разныхъ раіонахъ разные.

На Двинскомъ фронтѣ повсюду были отбиты атаки германцевъ, а на западномъ берегу озера Свентенъ нами взята вторая линія германскихъ окоповъ, и у Иллукста наши войска продвинулись впередъ.

На Волыни шли упорные бои на р. Стырѣ, въ раіонахъ Чарторійска, Рафаловки, Колки и Комарова, а въ раіонѣ Колки

у д. Будка мы прорвали расположеніе противника и взяли 56 офиц. $3^{1}/_{2}$ т. нижнихъ чиновъ въ плѣнъ.

Въ Галиціи и Семиковице были ожесточенные бои съ сильнѣйшей контръ-атакой непріятеля, при отраженіи которой захвачено $8^{1}/_{2}$ т. плѣнныхъ.

Въ Буковинѣ близъ Усѣчко и Залещика отбиты атаки австрійцевъ.

На Кавказѣ столкновенія развѣдывательныхъ партій.

---

31 октября. Нѣмецкій кайзеръ изрядный трусъ.

Во время посѣщенія войскъ онъ не соприкасается со сферой артиллерійскаго, не говоря уже о ружейномъ огнѣ.

При поѣздкахъ на фронтъ армій его спеціально охраняютъ пѣхотныя и кавалерійскія части и эскадры аэроплановъ. Все время наступленія на Галицію Макензена, когда кайзеръ держалъ рѣчь гвардіи, упалъ близъ пустого его автомобиля нашъ снарядъ, — гвардія быстро разошлась, а кайзеръ улепетнулъ вовсю.

Во время зимняго наступленія германцевъ по восточной Пруссіи, Вильгельмъ въѣхалъ въ Лыкъ спустя лишь нѣсколько часовъ послѣ отступленія русскихъ изъ Лыка и отсюда послалъ всѣмъ губернаторамъ хвастливую телеграмму о томъ, что русскіе выброшены изъ восточной Пруссіи, затѣмъ написалъ крайне заносчивый рескриптъ Гинденбургу и его начальнику штаба Линденбургу и назначилъ Гинденбурга шефомъ гвардейскаго и армейскаго полковъ.

Въ настоящее время звѣзда бывшаго начальника генеральнаго штаба гр. Мольтке закатилась. Его замѣнилъ молодой генералъ Фалькенгайнъ, который вполнѣ управляетъ кайзеромъ. Всѣ послѣднія выступленія германцевъ за послѣдніе 10—11 мѣсяцевъ это работа Фалькенгайна, связанная съ завѣтными мечтаніями Вильгельма.

Болгарскій Фердинандъ еще большій трусъ, чѣмъ кайзеръ. Въ турецкую и настоящую войну онъ нѣсколько разъ собирался, но никогда не доѣзжалъ до боевыхъ линій. Теперь же онъ заказалъ бронированный автомобиль и въ немъ разъѣзжаетъ по простымъ дорогамъ. Онъ очень боялся покушеній на свою жизнь со стороны македонцевъ.

Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія американскій консулъ въ Петроградѣ разговаривалъ съ Петроградскимъ обывателемъ о правящихъ лицахъ Германіи. Онъ говорилъ слѣдующее: „Вы не смотрите на настоящее могущество Германіи, какъ на дѣло особенно прочное. Мольтке и Бисмаркъ люди пожилые, ихъ смерть не за горами. Не пройдетъ нѣсколько лѣтъ, какъ умретъ дряхлый Вильгельмъ. Послѣ него вступитъ на престолъ кронпринцъ Фридрихъ III, но царствованіе его будетъ кратковременно. У него ужасная, неизлѣчимая, болѣзнь.

На эти слова обыватель ему замѣтилъ: недавно кронпринцъ былъ здѣсь—это кровь съ молокомъ...

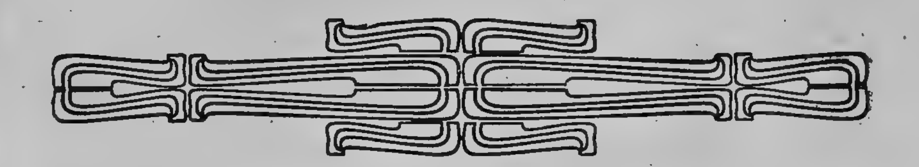
„Все это вѣрно—возразилъ консулъ, но мы знаемъ очень хорошо, что въ наслѣдующихъ Вильгельму поколѣніяхъ у Гогенцоллерновъ испорчена кровь. Вильгельмъ II наслѣдуетъ болѣзнь своего отца. Къ тому же даже и теперь онъ сухорукъ, и у него постоянная течь изъ ушей“.

Прежде эти предсказанія очень поразили Петроградскаго обывателя, а теперь онъ ихъ вспомнилъ въ виду ходящихъ по городу разсказовъ гадалки, а также и потому, что мать Вильгельма II умерла отъ той же болѣзни, отъ какой скончался его отецъ.

Въ Германіи теперь ходятъ упорные слухи о тяжкой болѣзни кайзера, говорятъ, что онъ лишается иногда голоса и страшно кашляетъ. Кашляетъ такъ, что иногда не можетъ ѣсть и во время ѣды держитъ постоянно платокъ у рта. Не особенно далекое будущее покажетъ—вѣрны ли были предсказанія американскаго консула и гадалки?

В. П.

Преслѣдованіе проститутокъ въ царствованіе Императора Павла I-го.

По-современному—„проституція“, по-старинному—„распутство“ оставило по себѣ память въ дѣлахъ архива Московскаго губернскаго правленія, гдѣ въ Никольской башнѣ, на полкѣ 822-й, хранится подъ № 181—206, отъ 3-го октября 1800 года, „Дѣло по Высочайшему повелѣнію о распутныхъ женщинахъ“.

По какимъ причинамъ и мотивамъ верховная власть въ лицѣ Императора Павла Петровича обратила вниманіе „на распутныхъ женщинъ“, изъ дѣла не видно. Но думать можно, что Императоръ Павелъ, выметая изъ своего царства „духъ“ своей покойной родительницы, въ продолжительное царствованіе которой всѣ классы и особы русскаго общества, съ верха до низа, не отличались строгостью соблюденія седьмой заповѣди, обратилъ на это свое вниманіе, что и вызвало суровую мѣру противъ явныхъ нарушительницъ этой заповѣди. Такъ, по указу Императора Павла, послѣдовавшему 26-го сентября 1800 года, женщины „обращающіяся въ пьянствѣ, непотребствѣ и распутной жизни, какія есть и впредь оказываться будутъ въ столицахъ, отнынѣ отсылать прямо на Иркутскія фабрики, доставляя объ нихъ свѣдѣнія управляющему сими фабриками генералъ-маіору Новицкому“.

Этотъ строгій царскій указъ заставилъ подлежащихъ властей заняться „поимкой женщинъ, обращающихся въ пьянствѣ, непосредствѣ и распутной жизни“. Такихъ „блудницъ“ по списку отъ 22 ноября 1800 года въ Москвѣ обнаружено было 69 „душъ“.

Всѣ онѣ оберъ-полицеймейстеромъ переданы были коменданту, заключены въ тюрьму, гдѣ и содержались все время собиранія о нихъ справокъ. Нѣкоторыя изъ задержанныхъ женщинъ заявили, что онѣ замужнія. Заявленія этого рода усложняли дѣло, и власти, задержавшія этихъ замужнихъ распутницъ, не знали, какъ съ ними поступить.

За указаніемъ рапортами „по командѣ“ обращались къ генералъ-губернатору Салтыкову, а онъ къ генералъ-прокурору Обольянинову.

Въ разрѣшеніе этого вопроса, въ январѣ 1801 года Обольяниновъ писалъ Салтыкову:

„Милостивый Государь, графъ Иванъ Петровичъ. На отношеніе вашего сіятельства, подлежатъ ли къ отсылкѣ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 26-го сентября минувшаго 1800 года, въ Иркутскъ на суконную фабрику, замужнія женщины, оказавшіяся въ непотребствѣ, честь имѣю вамъ, милостивый государь, отвѣтствовать, что въ случаѣ изобличенія замужней женщины въ непотребствѣ, нужно предварительно истребовать отъ мужа отзывъ: желаетъ ли онъ взять жену свою по-прежнему къ себѣ въ сожитіе, и ежели не захочетъ, то предоставить разсмотрѣніе и опредѣленіе о таковой духовному правительству; когда же симъ разводъ опредѣленъ будетъ, тогда и она, яко непотребная и отъ законнаго супружества навсегда отлученная, слѣдуетъ несомнительно къ отсылкѣ на фабрику.

Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть всегда вашего сіятельства, милостиваго государя покорнѣйшій слуга Петръ Обольяниновъ.

№ 493. Января 11 дня, 1801 года.

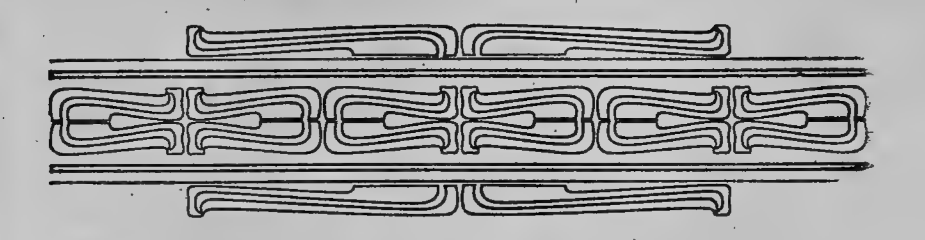
По разборѣ дѣла, признаны были, изъ 69-ти подлежащими ссылкѣ изъ Москвы „на Иркутскія суконныя фабрики“—19 женщинъ, которыя и отправлены были этапнымъ порядкомъ „по Володиміровкѣ“ въ мѣста ссылки.

Изъ приложеннаго къ дѣлу списка сосланныхъ видно, что это были по большей части „рекрутскія“ и „солдатскія“ женки. Но между „женками“ были и дѣвицы. Такъ въ этомъ траурномъ спискѣ значатся: „здѣшняя вѣчно цеховая дѣвка Марфа Иванова“, „называющаяся вольноотпущенною отъ доктора Раушерта дѣвка Аксинья Афанасьева“. Есть здѣсь и иностранка „Христина Этнель“ и „типографской конторы умершаго батырщика Максима Федорова жена вдова Марья Родіонова“.

Строгость верховной власти караетъ только „блудницъ“, не касаясь ихъ кавалеровъ, раздѣлявшихъ съ ними грѣхопаденіе извѣстнаго рода... Наказуемость за проституцію и въ настоящее время касается только женскаго пола, не безпокоя мужской полъ, раздѣлящій эту преступность совмѣстно съ женскимъ поломъ.

Н. И. Соловьевъ.

Записки Н. А. фонъ-Розенбаха [1]).

25 ноября 1889 г.

Высочайшимъ приказомъ 22 октября 1889 г. я уволенъ отъ должности Туркестанскаго генералъ-губернатора и Командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа и назначенъ членомъ Военнаго Совѣта.

Постоянно въ высшей степени дѣятельная моя служба мѣшала мнѣ по сіе время вести свой дневникъ. При настоящемъ служебномъ положеніи, имѣя много свободнаго времени, воспользуюсь имъ, чтобы занести на строкахъ этого журнала все виденное и испытанное мною во время моей продолжительной службы.

Командуя 2-ою бригадою 2 Гвард. пѣхотной дивизіи, я былъ тяжело раненъ 12 октября 1877 г. въ сраженіи при Горномъ Дубнякѣ. Рана требовала продолжительнаго лѣченія, я былъ отчисленъ отъ должности бригаднаго командира съ оставленіемъ въ свитѣ Его Императорскаго Величества, и вернулся въ Петербургъ, куда пріѣхалъ въ сопровожденіи моей жены, выѣхавшей за мною въ городъ Систово, 2 ноября 1877 г. Въ январѣ 1878 года здоровье мое поправилось настолько, что я могъ испросить черезъ командующаго императорскою Главною квартирою генералъ-адъютанта графа Адлерберга разрѣшеніе Государя Императора представиться Его Импер. Величеству. Въ февралѣ, не помню какого числа, я удостоился этого счастья,

---

1) См. „Русская Старина“, январь 1916 г.

и такъ какъ по свойству раны, мнѣ было невозможно застегнуть мундиръ, было разрѣшено представиться Государю Императору въ сюртукѣ.

Его Императорское Величество принялъ меня самымъ милостивымъ образомъ, поцѣловалъ меня, справился самымъ сердечнымъ образомъ о состояніи моего здоровья и объявилъ мнѣ, что какъ только возстановятся мои силы, я получу новое назначеніе.

Въ Свѣтлое Воскресенье послѣ заутрени Государь подозвалъ моего сына Сергѣя, бывшаго, по званію фельдфебеля Пажескаго корпуса, его камеръ-пажемъ, и приказалъ мнѣ передать, что если здоровье мое позволяетъ, я къ нему пріѣхалъ на другой день, 17 апрѣля, въ день его рожденія.

Я конечно не преминулъ исполнить приказаніе Его Величества и явился въ 12 часовъ въ Зимній Дворецъ. Государь принялъ меня немедленно и сказалъ мнѣ, что потребовалъ меня къ себѣ, чтобы подарить мнѣ золотую саблю, заказанную Имъ для меня. Нечего говорить, насколько я былъ тронутъ этою необычайною милостью и на сколько мнѣ дорогъ этотъ подарокъ. Пусть эта сабля передастся въ моемъ родѣ отъ старшаго къ старшему, и да служитъ она свидѣтельствомъ о томъ, какое утонченное милостивое вниманіе умѣлъ оказывать Императоръ Александръ II своимъ вѣрнымъ и преданнымъ слугамъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я просилъ разрѣшеніе представиться Государю Наслѣднику Цесаревичу и Государынѣ Цесаревнѣ. Ихъ Императорскія Высочества были настолько милостивы, что пригласили меня къ завтраку. Ихъ Императорскія Высочества были ко мнѣ чрезвычайно внимательны, Цесаревичъ много меня разспрашивалъ о гвардейскимъ корпусѣ и предложилъ мнѣ командованіе 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, должность начальника которой сдѣлалась вакантной вслѣдствіе отчисленія ген.-ад. Черткова, которому была отнята нога въ Вѣнѣ и который не могъ поэтому продолжать строевую службу. Я принесъ Его Высочеству искреннюю благодарность за лестное предложеніе, которое вынужденъ однакожъ отклонить, такъ какъ здоровье мое еще далеко не возстановлено.

Въ маѣ мѣсяцѣ переѣхалъ въ Царское Село, чтобы провести тамъ лѣто.

11-го іюля пріѣхалъ ко мнѣ начальникъ штаба гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ и предложилъ мнѣ, по порученію Государя Наслѣдника Цесаревича

должность начальника штаба гвард. корпуса. Графъ Воронцовъ-Дашковъ объяснилъ мнѣ, что, будучи во время Восточной войны генералъ-адъютантомъ Гурко, командовавшимъ Западнымъ отрядомъ, въ составъ котораго входилъ гвардейскій корпусъ, отстраненъ отъ должности начальника штаба, онъ не призналъ возможнымъ быть имъ въ мирное время, о чемъ заявилъ Наслѣднику Цесаревичу, который призналъ эту причину основательной и соизволилъ на его просьбу.

12-го іюля я явился Наслѣднику Цесаревичу. Его Высочество принялъ меня самымъ милостивымъ образомъ, повторилъ сдѣланное мнѣ наканунѣ предложеніе и выразилъ надежду, что я буду ему нуженъ. Я горячо благодарилъ за оказанное мнѣ довѣріе, которое постараюсь оправдать всѣми силами. Вмѣстѣ съ этимъ Цесаревичъ выразилъ желаніе, чтобы я немедленно принялъ отъ графа Воронцова дѣла, которыя были у него на производствѣ. Выходя изъ кабинета Цесаревича, я былъ встрѣченъ камердинеромъ Цесаревича, передавшимъ мнѣ, что Ея Высочество желаетъ меня видѣть. Цесаревна очаровала меня своимъ милостивымъ ко мнѣ вниманіемъ, и я оставилъ Александровскій дворецъ, глубоко осчастливленный новымъ назначеніемъ и давши себѣ обѣтъ быть по мѣрѣ силъ и способностей полезнымъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, и никогда ни въ угоду никому не отступать отъ прямого истиннаго пути. Оглядываясь нынѣ назадъ, я съ полною искренностью могу сказать, что никогда не измѣнилъ этому обѣту.

На другой день послѣ пріема у Его Высочества я принялъ дѣла отъ графа Воронцова-Дашкова, который немедленно уѣхалъ въ 4-хъ-мѣсячный отпускъ, и съ тѣхъ поръ начались мои доклады у Цесаревича, хотя Высочайшій приказъ о моемъ назначеніи начальникомъ штаба еще не состоялся. Въ послѣднихъ числахъ іюля, не помню, какого именно числа, я былъ на маломъ выходѣ, по случаю воскреснаго дня, въ Царскосельскомъ дворцѣ. По окончаніи обѣдни Государь Императоръ подошелъ ко мнѣ, поздравилъ меня съ новымъ назначеніемъ и выразилъ удовольствіе видѣть меня начальникомъ штаба Цесаревича. При этомъ Государь обратился къ стоящему рядомъ со мною ген.-ад. графу Эдуарду Трофимовичу Баранову со словами: „Я его назначилъ (указывая на меня) на ту должность, которую ты когда-то занималъ“.

Узнавъ о своемъ назначеніи изъ устъ Самого Государя, я заказалъ немедленно мундиръ генеральнаго штаба, въ которомъ и поѣхалъ 6-го августа на церковный парадъ Л.-гв. Преобра-

женскаго полка. Встрѣтившись тамъ съ военнымъ министромъ графомъ Милютинымъ, я просилъ его не удивляться, что видитъ меня въ мундирѣ генеральнаго штаба, но что, въ виду словъ Государя Императора, я счелъ себя въ правѣ надѣть этотъ мундиръ. Графъ Милютинъ сказалъ мнѣ, что Государь ему дѣйствительно приказалъ объявить въ Высочайшемъ приказѣ о моемъ назначеніи начальникомъ штаба, но что онъ забылъ, на какую именно должность Его Величество меня назначилъ, на должность, занимаемую графомъ Шуваловымъ (начальника окружного штаба) или занимаемую графомъ Воронцовымъ (начальника корпусного штаба). Я объяснилъ графу, что назначенъ начальникомъ штаба Наслѣдника Цесаревича. 7-го августа было объявлено въ Высочайшемъ приказѣ о моемъ назначеніи начальникомъ штаба Гвардейскаго корпуса.

Въ концѣ августа начали вступать въ Петербургъ, Царское Село и Петергофъ Гвардейскія части, возвращающіяся изъ Турціи съ театра военныхъ дѣйствій. Государь Императоръ отсутствовалъ изъ Петербурга и поручилъ Наслѣднику Цесаревичу замѣнить его и встрѣчать Гвардейскія части. Всѣ распоряженія относительно встрѣчи дѣлались мною. Наслѣдникъ Цесаревичъ вмѣстѣ съ Цесаревною встрѣчали всѣ части. Полки и батальоны строились для встрѣчи развернутымъ фронтомъ, и послѣ объѣзда Цесаревичемъ, проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо ихъ Высочествъ.

Петербургское населеніе восторженно встрѣчало вступающія части. Присутствующія Высочайшія Особы, и во главѣ ихъ Цесаревна, возлагали вѣнки на начальниковъ части. Вообще встрѣчи были обставлены самымъ торжественнымъ образомъ. Сильное и горестное впечатлѣніе произвело на меня вступленіе л.-гв. Павловскаго полка.

Многихъ и можно сказать лучшихъ офицеровъ не доставало. Тѣла ихъ похоронены у Горнаго Дубняка.

По вступленіи войскъ въ мѣста постояннаго расположенія, имъ былъ данъ продолжительный отдыхъ, и началась обычная мирная жизнь.

Я ѣздилъ къ Наслѣднику Цесаревичу съ докладомъ два раза въ недѣлю, и обыкновенно по окончаніи доклада, удостаивался приглашенія къ завтраку. Кромѣ дежурнаго адъютанта и фрейлины изъ постороннихъ никого не бывало. Мнѣ указывалось постоянно мѣсто рядомъ съ Цесаревною. Ихъ Императорскія Высочества были ко мнѣ неизмѣнно милостивы, и я пріобрѣлъ, какъ мнѣ казалось, въ скоромъ времени полное

довѣріе и расположеніе Цесаревича. Время это не изгладится никогда изъ моей памяти и будетъ всегда свѣтлымъ воспоминаніемъ.

Дворъ Цесаревича былъ составленъ превосходно. Въ должности гофмаршала состоялъ генералъ-адъютантъ В. В. Зиновьевъ, придворною конторою завѣдовалъ генералъ-маіоръ А. С. Васильковскій, гофмейстериною была княгиня Куракина, фрейлина графиня Апраксина и г-жа Озерова, въ должности адъютантовъ состояли: князь Барятинскій, графъ Шереметевъ, Мартыновъ, графъ Олсуфьевъ, князь Оболенскій и Шереметевъ. Дворъ отличался замѣчательнымъ благоустройствомъ, простотою и порядкомъ. Между придворными никогда не было интригъ; всѣ жили дружно между собою.

За время состоянія въ должности начальника штаба гвардейскаго корпуса сохранились въ моей памяти слѣдующіе случаи: въ концѣ 1879 года я получилъ отъ командира гвардейскаго корпуса ген.-ад. графа Шувалова письмо, въ которомъ онъ мнѣ сообщалъ, что былъ бы безконечно счастливъ, если, въ воспоминаніе командованія имъ во время восточной войны 2-й Гвард. дивизіей, онъ былъ бы зачисленъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

При первомъ моемъ докладѣ я передалъ Цесаревичу желанія графа, присовокупивъ, что командованіе графомъ Шуваловымъ 2 Гвард. пѣхотною дивизіею самая блестящая эпоха его службы, что нельзя не поставить ему въ громадную заслугу, что послѣ заключенія мира въ С.-Стефано онъ остался при гвардейскомъ корпусѣ, въ которомъ свирѣпствовали разныя эпидеміи, а не вернулся въ Петербургъ, на что имѣлъ полную возможность, ибо продолжалъ числиться въ должности начальника штаба Петербургскаго округа.

Цесаревичъ согласился съ моими доводами, и 5 января 1880 года, въ годовщину сраженія при Филиппополѣ я получилъ отъ него записку, въ которой извѣщаетъ, что согласно его ходатайству Государь зачислилъ графа Шувалова л.-гв. въ Московскій, о чемъ онъ уполномачиваетъ меня сообщить графу въ Москву по телеграфу.

Оглядываясь назадъ, я вижу, что мои предположенія оправдались вполнѣ: въ настоящее царствованіе графъ Шуваловъ блистательно командовалъ гвардейскимъ корпусомъ и занимаетъ теперь съ честью и успѣхомъ постъ посла въ Берлинѣ.

Въ 1879 году войсками Красносельскаго лагернаго сбора Высочайше повелѣно было командовать командиру гвардейскаго корпуса Государю Наслѣднику Цесаревичу. Его Высочество

переѣхалъ въ первыхъ числахъ іюня на жительство въ Красное Село. Утро и время послѣ завтрака онъ проводилъ въ повѣркѣ полевыхъ занятій войскъ. Въ 9 часовъ садились за обѣдъ, послѣ котораго играли въ винтъ; въ 12 часовъ всѣ расходились. Я ежедневно завтракалъ и обѣдалъ у Цесаревича, и принималъ участіе въ его партіи. Сопровождая Его Высочество при объѣздѣ войскъ, я составлялъ вмѣстѣ съ этимъ и предположенія относительно предстоящихъ Высочайшихъ смотровъ, которые должны были начаться послѣ 20-го іюля.

Наканунѣ дня, назначеннаго для парада, Государь Императоръ прибылъ въ Красное Село. Немедленно послѣ его пріѣзда состоялся объѣздъ лагеря, заря съ церемоніею и представленіе въ Красносельскомъ театрѣ. Послѣ спектакля Государь поѣхалъ ужинать къ Цесаревичу, къ которому и я былъ приглашенъ. Шелъ сильный дождь, и Государь, прощаясь съ Цесаревичемъ, приказалъ ему сдѣлать распоряженіе, чтобы войска на другой день, въ случаѣ ненастной погоды, не выступали на мѣсто парада. Пришедши домой, я легъ спать, приказавъ себя разбудить въ 6 часовъ. Не успѣлъ я одѣться, какъ уже начали поступать телеграммы отъ кавалерійскихъ частей, расположенныхъ въ окрестныхъ деревняхъ, слѣдуетъ ли выступать на военное поле. Моросилъ мелкій дождь, но такъ какъ барометръ сильно подымался, я рѣшился отвѣтить утвердительно. Около 9 часовъ (парадъ былъ назначенъ въ 11), передъ тѣмъ, чтобы поѣхать на военное поле для повѣрки жалонеровъ, я отправился къ Цесаревичу. Камердинеръ доложилъ мнѣ, что Его Высочество одѣвается и находится въ сильномъ волненіи. Оказалось, что въ 8 часовъ прибылъ отъ Государя рейткнехтъ съ приказаніемъ войскамъ выступить на парадъ; камердинеръ не рѣшился разбудить Цесаревича, вслѣдствіе чего, какъ опасался Цесаревичъ, приказаніе Государя своевременно не исполнено. Я приказалъ доложить Его Высочеству о сдѣланномъ мною распоряженіи и поѣхалъ на мѣсто смотра, куда въ скоромъ времени пріѣхалъ и Цесаревичъ. Сѣвъ на коня, онъ подъѣхалъ прямо ко мнѣ, пожалъ мнѣ крѣпко руку, и сказалъ: „Благодарю васъ, Николай Оттоновичъ, вы выручили меня сегодня“.

Парадъ удался вполнѣ; въ той же степени удались послѣдующія ученья и маневры въ Высочайшемъ присутствіи. Государь былъ видимо доволенъ; его радовало, что войска Красносельскаго сбора, впервые представляемыя Ему Цесаревичемъ, оказались прекрасно обучеными. Мнѣ онъ оказывалъ все время

самое милостивое вниманіе и выражалъ неоднократно свое удовольствіе.

Весьма было удачно, произведенное въ Высочайшемъ присутствіи, 2-й Гвард. пѣхотной дивизіи ученье съ обозначеннымъ противникомъ. Ученья такого рода прежде не практиковались въ нашихъ войскахъ и были введены впервые въ войскахъ Красносельскаго лагернаго сбора въ 1879 году, по иниціативѣ Государя Наслѣдника Цесаревича. Они замѣнили прежнія дивизіонныя ученья, которыя заключались главное въ движеніи войскъ въ резервномъ порядкѣ.

Сохранилось въ моей памяти воспоминаніе о произведенномъ въ Высочайшемъ присутствіи ученья съ боевыми патронами отряду изъ трехъ родовъ оружія. Ученье это было назначено первоначально въ 5 часовъ пополудни, а затѣмъ въ 4 часа. Въ тотъ же день утромъ было ученье всей кавалеріи, послѣ котораго назначенный въ оцѣпленіе дивизіонъ л.-гв. Уланскаго полка прямо пошелъ на мѣсто, назначенное для ученья съ боевыми патронами. Пришлось оцѣпить громадное пространство, и къ 4 часамъ, когда ожидалось прибытіе Государя, разстановка цѣпи не была окончена. Такъ какъ Цесаревичъ долженъ былъ пріѣхать съ Августѣйшимъ своимъ родителемъ, то я просилъ находящагося на смотру временно командующаго войсками Петербургскаго округа генералъ-адъютанта Гурко доложить Государю, что ученье не можетъ быть начато. „Доложите объ этомъ сами Государю", получилъ я въ отвѣтъ. Несмотря на накрапывающій дождь, Государь выслушалъ, къ удивленію всѣхъ, мой докладъ совершенно спокойно. Черезъ 10 минутъ прискакалъ офицеръ генеральнаго штаба съ докладомъ, что цѣпь разставлена, ученье началось.

Высочайшіе смотры закончились корпуснымъ маневромъ. Государь остался имъ отмѣнно доволенъ и горячо благодарилъ Цесаревича, выразивъ, что маневръ отлично сосбраженъ и отлично исполненъ. Я удостоился также благодарности Его Величества.

На другой день началось выступленіе войскъ на большіе маневры: такъ какъ въ большихъ маневрахъ участвовали и войска, не входившія въ составъ Красносельскаго лагернаго сбора, то еще въ началѣ лѣта было условлено между временно командующимъ войсками округа генералъ-адъютантомъ Гурко и командиромъ гвардейскаго корпуса Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, что съ момента выступленія войскъ на большіе маневры, всѣ распоряженія дѣлаются окружнымъ штабомъ.

Въ день выступленія войскъ Государь поѣхалъ изъ Краснаго Села въ Царское Село. На пути экипажъ его былъ задержанъ массою войскъ, выступавшихъ одновременно по этой дорогѣ. Очевидно окружнымъ штабомъ не былъ опредѣленъ часъ выступленія войскъ изъ Краснаго Села. Государь сильно разгнѣвался.

О всемъ вышеизложенномъ я узналъ отъ жандармскаго офицера, сопровождавшаго Его Величество.

Не признавая себя виновнымъ въ бывшемъ безпорядкѣ, я въ совершенно спокойномъ настроеніи духа поѣхалъ въ Царское Село, мѣсто расположенія главной квартиры, гдѣ я былъ обязанъ находиться, какъ назначенный на время маневровъ посредникомъ. Не успѣлъ я пріѣхать въ Царское Село, какъ ко мнѣ явился придворный офицеръ и передалъ приглашеніе къ Высочайшему обѣденному столу. Того же приглашенія удостоились, кромѣ Цесаревича, генералъ-адъютанты: графъ Милютинъ, Непокойчицкій, Гурко и князь Имеретинскій. Государь Императоръ, вышедши въ столовую, прямо обратился ко мнѣ и выразилъ мнѣ въ весьма мягкой формѣ свое неудовольствіе по поводу безпорядочнаго движенія войскъ. Твердо помня, что на дѣлаемыя Государемъ замѣчанія не слѣдуетъ никогда отвѣчать, я молча выслушалъ дѣлаемый мнѣ выговоръ. Цесаревичъ, помня уговоръ свой съ генералъ-адъютантомъ Гурко, подошелъ къ Государю и заявилъ, что я не виноватъ. Когда мы сѣли за столъ, Государь, по свойственной ему добротѣ, неоднократно обращался ко мнѣ съ разными вопросами.

Также милостиво отнесся онъ ко мнѣ и послѣ обѣда, посадивъ меня рядомъ съ собою. Когда мы вышли изъ Дворца, Наслѣдникъ Цесаревичъ выразилъ мнѣ свое сожалѣніе по поводу случившагося; я позволилъ себѣ ему отвѣтить, что лучше было получить не заслуженное замѣчаніе, чѣмъ находиться на мѣстѣ кн. Имеретинскаго, который слушалъ, какъ другого распекали вмѣсто него.

Въ послѣдній день маневровъ состоялось по обычаю производство воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній въ офицеры. Государь Императоръ поздравилъ лично молодыхъ людей съ производствомъ, при этомъ подозвалъ къ себѣ сына моего, фельдфебеля Пажескаго корпуса, вручилъ ему приказъ о производствѣ и сказалъ ему: „Желаю тебѣ служить, какъ служитъ твой отецъ, только не быть два раза раненымъ, какъ онъ“.

Зимою съ 1879-го на 1880 годъ Государь Императоръ производилъ въ Михайловскомъ манежѣ смотръ гвардейскимъ

равно и расположеннымъ въ ближайшихъ окрестностяхъ армейскимъ и учебнымъ частямъ.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ пріѣзжалъ всегда, когда производился смотръ гвардейской части, заранѣе въ манежъ, и встрѣчалъ временно командующаго войсками округа генералъ-адъютанта Гурко, становясь на правомъ флангѣ части.

Въ день, когда былъ смотръ Новочеркасскому полку, коего онъ былъ шефомъ, онъ прибылъ въ манежъ послѣ всѣхъ начальствующихъ лицъ, за нѣсколько минутъ до пріѣзда Государя. Генералъ-адъютантъ Гурко, вопреки существующимъ Высочайше утвержденнымъ правиламъ, не скомандовалъ смирно, и Его Высочество подошелъ къ полку, стоящему вольно, ружья у ноги.

Возмущенный этимъ поступкомъ генерала Гурко, я подошелъ къ князю Имеретинскому и просилъ доложить его временно командующему войсками, что сегодня Его Высочество прибылъ въ манежъ не въ качествѣ командира гвард. корпуса, а какъ Наслѣдникъ престола.

19-го февраля 1880 года Государь Императоръ назначилъ меня своимъ генералъ-адъютантомъ. Одновременно со мною удостоились получить это высокое званіе Великій Князь Алексѣй Александровичъ и Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

Лѣтомъ 1880 года Цесаревичъ уѣхалъ въ Гапсаль. Пользуясь отсутствіемъ изъ Петербурга Его Высочества, я просилъ объ увольненіи меня въ 3-хъ-мѣсячный отпускъ за границу, при чемъ заявилъ, что въ случаѣ, если мое присутствіе въ Петербургѣ окажется необходимымъ до истеченія отпуска, я возвращусь немедленно.

Въ августѣ я пріѣхалъ въ Біарицъ для пользованія морскими купаньями. Тутъ я встрѣтился съ Принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ, который мнѣ сообщилъ, что Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Государемъ уволенъ отъ должности Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, и на его мѣсто назначенъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ командованіе же гвардейскимъ корпусомъ вступилъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Скоро послѣ этого пріѣхалъ въ Біарицъ вновь назначенный командиръ гвардейскаго корпуса. Я встрѣтилъ Его Высочество на дебаркадерѣ желѣзной дороги и просилъ черезъ состоящаго при немъ адъютанта полковника Васмунда разрѣшенія ему

представиться. Великій Князь Владиміръ Александровичъ принялъ меня въ тотъ же день. Сознавая, что быть начальникомъ штаба при Великомъ Князѣ возможно только при условіи, если это соотвѣтствуетъ его желанію, я прямо спросилъ Его Высочество, угодно ли ему, чтобы я остался въ должности начальника штаба гвардейскаго корпуса. Великій Князь отвѣтилъ на это утвердительно.

Срокъ отпуска моего истекалъ, я выѣхалъ въ Петербургъ, куда прибылъ 10 сентября.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ной приборъ радовалъ глазъ въ Божьемъ домѣ; по окраинамъ „на ямахъ", гдѣ протянулись кирпичные сараи, каменщики изощряютъ свою фантазію, терпѣливо обжигая кирпичъ и замысловатымъ гвоздикомъ, и сухарикомъ, и бусой, и розаномъ. По городу бродятъ художественныя артели, во главѣ съ какимъ-нибудь „пресловущимъ изуграфомъ", и съ непостижимой для насъ легкостью покрываютъ сѣрые своды и стѣны церквей красочнымъ ковромъ росписей, въ художественномъ богатствѣ которыхъ будутъ разбираться цѣлыя поколѣнія. Токари и поливщики довершаютъ декоративные замыслы зодчаго дивными узорами рѣзьбы и нѣжныхъ кафлей. Бодростью, силой и радостью вѣетъ отъ этой весны Ярославскаго искусства"... Вотъ была подлинно красивая жизнь!

Храмъ строился съ 1647 до 1650 г., но украшался и расписывался еще много лѣтъ — чуть не до второй четверти XVIII вѣка. Счастье хранило его и отъ огня, и отъ „труса" земли, и отъ неудержимой храбрости реставраторовъ, а тѣ небольшіе сравнительно дефекты, которые успѣло нанести ему время, были недавно бережно исправлены.

„Древнія стѣны Ярославскаго Иліи Пророка вѣютъ живымъ очарованіемъ здороваго, яснаго „безыскусственнаго искусства" старой Руси. Отъ веселыхъ „платковъ" и „ширинокъ" надъ подклѣтью до немудрена́го кружевного „надзора" на кровлѣ, гдѣ въ арочной нишѣ пріютились голуби около фрески съ пророческимъ ликомъ, такъ проста и такъ полна интимной близости его красота, — краса Божьяго храма какъ ее понимали далекіе по вѣкамъ, но, можетъ быть, близкіе духамъ наши прадѣды славной эпохи возрожденія Руси"... Внуки поняли дѣдовъ, и съ половины минувшаго вѣка началась вновь радостное признаніе нетлѣнной прелести древняго храма. Величавый и радостный, весь въ яркомъ свѣтѣ и цвѣтныхъ тѣняхъ, осмысленный глубиной символики и наивно искренній, какъ пѣснь народа, храмъ Пророка Иліи сталъ для Руси вѣчнымъ памятникомъ свѣтлой поры народнаго подъема послѣ великой борьбѣ съ врагомъ за національные идеалы".

Мы не совсѣмъ согласны съ талантливымъ авторомъ насчетъ безыскусственности и наивности церкви Иліи Пророка. Оно вовсе не наивно и не безискусственна, это дивное произведеніе изощренной сложной культуры и глубокаго идейнаго и художественнаго замысла, и въ этомъ на каждомъ шагу убѣждаетъ вдумчивый анализъ самого же автора. „Многообразіемъ своихъ составныхъ частей церковь особенно интересна, какъ наглядный синтезъ того пути, которымъ шло церковное строительство сѣверной Руси... Ярославцы XVII вѣка, какъ истые сѣверяне, никогда не могли помириться съ уставнымъ пятиглавіемъ офиціальной Москвы и въ пристройкахъ смѣло сохраняли свой любимый шатеръ, до виртуозности разнообразя его пропорціи и раздѣлку"... Еще меньше наивности въ стѣнной росписи, которого огромный храмъ покрытъ весь.

Надъ нею трудился рядъ недюженныхъ живописцевъ. Объ одномъ изъ нихъ самъ Симанъ Ушаковъ отозвался: „Гурій иконное письмо пишетъ самое доброе мастерство"... Это были люди, не только въ своемъ изысканномъ ремеслѣ опытные, но и вообще по духовному развитію стоявшемъ на уровнѣ лучшей интеллигенціи своего времени. Въ числѣ ихъ руководствъ была извѣстная лицевая Библія Пискатора, которую они пользовались въ композиціи. Но русскій живописецъ критически относился къ иноземному образцу и умѣлъ его перерабатывать, благо въ русскомъ искусствѣ не умирали традиціи Византіи, античнаго классицизма и древняго Востока. Когда русскій мастеръ иллюстрировалъ благочестивую легенду явно-католическаго происхожденія, онъ вносилъ въ нее свою русскую настроенность и буйную русскую красочность. „Даже въ строгомъ евангельскомъ сюжетѣ „Притча о рабѣ непотребномъ" иконописецъ даетъ совершенно жанровую картину пирушки; правда, царь въ сіяніи и царевичъ съ невѣстой иконописно-церемоніальны, но на столѣ передъ ними не только витые калачи, но и родной нашъ штофъ зеленаго стекла около золоченной миски"... Въ стилистическихъ пріемахъ этой стѣнописи и иконописи свободно сказалась и русская любовь къ природѣ — „вѣчный порывъ славянина къ матери-землѣ, который еще въ стародавнюю пору язычества напѣвалъ намъ веселыя веснянки да семицкія присловья бѣлой березынькѣ, запечатлѣлъ южныя зори въ золотой вѣкъ литературы Словомъ о полку Игоревѣ, и подъ блестящимъ перомъ Гоголя, Аксакова, Тургенева создалъ такія благоуханныя картины русскаго поля, степи и лѣса".

Настоятельно рекомендуемъ читателю эту умную книгу, посвященную одному изъ вдохновеннѣйшихъ созданій русскаго искусства. Въ такихъ памятникахъ, какъ въ великихъ хранилищахъ духовной энергіи, живутъ сила, красота и радость: приходите и черпайте!

Н. Л.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ. Тип. П. Усова. Лермонтовскій пр., 28.

